

ФЕДОР СЕЛЯНИН

**СЕРДЦЕ
НА
СКАЛЕ**

ЭК

БЗ.З(2РЗ6)

С 30

ФЕДОР СЕЛЯНИН

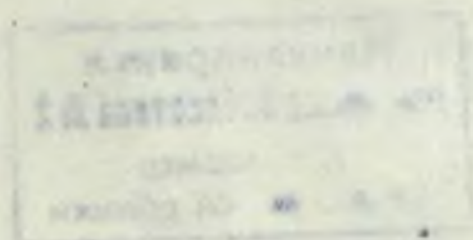
СЕРДЦЕ НА СКАЛЕ

Качкена ренгъл
№ 2 Библиотека № 2
г. Качкена
Софийска област

Печатается с готовых диапозитивов по изданию: Екатеринбург,
журнал «Уральский следопыт», 1992. Перепечатка с разрешения
автора.

СЕРДЦЕ НА СКАПЕ

ПУТЬ, ДЛИНОЙ В 30 ЛЕТ

Если сегодня взглянуть на Качканар с высоты птичьего полета, взгляду откроется живописная картина: аметистовая гладь ожерелья водохранилищ, омывающих своими водами подножие высочайшей вершины Среднего Урала, укрытого от людских глаз первозданной тайгой красавца Качканара и горы Долгой, по склонам которой взбегают вверх современные многоэтажки жилых домов; вдали — огромные зеленеющие площади коллективных садов, а на противоположном склоне горы каскадом спускающиеся с нее промышленные корпуса... К северо-западу от города — три гигантские рукотворные чаши. Это карьеры. Карьеры и промышленные корпуса — фабрики соединены тонкими, блестящими под солнцем стальными нитями железнодорожных путей.

Все это — и карьеры, и фабрики, и железнодорожные пути, и даже водохранилища носят имя «Качканарский горно-обогатительный комбинат», который сегодня по праву называют одним из крупнейших горнорудных предприятий страны. 30 сентября 1993 года исполняется 30 лет со дня пуска его в эксплуатацию.

Комбинат и город — единое целое. Как комбинат не может существовать без города, так и город не может жить без комбината, ибо каждая качканарская семья, каждый качканарец так или иначе связан с комбинатом. Остановись карьеры, прекрати работу фабрики — и две трети качканарских семей останутся без постоянного гарантированного заработка. И захиреет город, и потекут из него люди на поиски нормальной жизни... Но работает комбинат — и город живет, растет и хорошеет.

А начинались и комбинат, и город 27 мая 1957 года. Начинались с первого стука топора, с первой сваленной кем-то из строителей Семена Степановича Мальцева сосны...

В тот день сюда, на склон горы Долгой, пришли бывшие фронтовики и вчерашние школьники, пришли люди самых разных профессий, возраста и национальности. Пришли с одной мечтой — построить комбинат, новый промышленный центр Урала, построить город, светлый и красивый.

В научной литературе первое упоминание о Качканаре появилось в 1770 году. В вышедшей тогда книге «Путешествие по разным местам Российского государства» российский академик Петр Симон Паллас сделал первое описание горы Качканар. В 1869 году академик А. П. Карпинский провел первое геологическое исследование этого района. «На севере Урала, среди поросших дремучими лесами каменистых увалов величественно возвышается горный массив Качканар, далеко известный в мире славой своих платиновых россыпей и легендами о несметных богатствах, скрытых в его недрах», — писал он. Детальную же геологическую картину района дал в своей знаменитой монографии «Месторождения платины Исковского и Нижне-Тагильского района на Урале» в 1913 году академик Н. К. Высоцкий.

Первая мировая, гражданская, Великая Отечественная войны прервали исследования богатств Качканара. Лишь в 1931—32 годах здесь проводились небольшие разведочные работы.

Но вот отгремела Великая Отечественная. Страна строилась, зале-

чивала раны, нанесенные войной. Стране был нужен металл, а значит, и новые рудные базы. Тут-то и вспомнили о загадочной горе, и в 1946—53 годах была произведена детальная разведка месторождений качканарской группы. Она показала наличие колоссальных железорудных залежей.

В составе геологической партии, которая вела эту разведку, был и Николай Павлович Тукмачев, будущий первый главный маркшейдер Качканарского ГОКа. Работа в геологической партии позволила Николаю Павловичу детально изучить все особенности месторождения. Впоследствии он нередко, не заглядывая в документы, на месте без ошибки указывал границы рудного тела, мог верно предсказать нахождение качественной руды.

Данные геологоразведки стали основой появления в Директивах по шестому пятилетнему плану на 1956—60 годы, принятых XX съездом КПСС, строки: «Обеспечить освоение новых железорудных месторождений, ввести в действие Качканарский горно-обогатительный комбинат на Урале». Результатом этого стала организация в 1956 году дирекции строящегося Качканарского ГОКа, а в 1957-м — образование треста «Качканаррудстрой», который и начал строительство гиганта железорудной промышленности. Первоначально мощность предприятия была определена в 33 миллиона тонн сырой руды в год, впоследствии же она была доведена до 45 миллионов тонн.

Идея промышленного использования руд с очень низким содержанием железа (в качканарской руде его содержится всего 16 процентов) была в то время очень смелой, не имевшей аналогов в мировой практике. И она была воспринята в штыки многими руководителями самых различных уровней. Победе авторов этой идеи способствовало выгодное положение месторождения, его очень крупные масштабы, благоприятные условия эксплуатации, относительно простая схема обогащения руд, а также содержание в них, наряду с железом, ценного легирующего компонента — ванадия.

Первыми строителями комбината и города стали жители близлежащих старательских поселков и города Нижней Туры. Это они прокладывали в тайге первые просеки, они разбили под кронами вековых кедров палаточный городок. К ним присоединялись все новые и новые добровольцы. Первостроители готовили котлованы под корпуса будущих фабрик, возводили эти корпуса, строили первые дома будущего города. Вот краткая хроника тех далеких лет.

Год 1957-й. На большой поляне встали в ряд первые палатки. Созданы партийная, комсомольская, профсоюзная организации стройки.

Год 1958-й. Качканар объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Убрана последняя палатка, открыты первые детские ясли, первая больница, клуб «Строитель». 7 ноября утреннюю тишину разорвал первый паровозный гудок — железнодорожная ветка соединила Качканар со станцией Азиатской.

Год 1959-й. Качканару присвоен статус рабочего поселка. Установлены первые колонны на месте будущего корпуса среднего и мелкого дробления. Сданы в эксплуатацию 29 тысяч квадратных метров жилья, бетонный завод, котельная, магазин, школа. 5 мая вышел первый номер многотиражной газеты «На стройке Качканара» — первой газеты будущего города.

Год 1960-й. Начато возведение обогатительной фабрики, теплоэлектроцентрали. Отряд первостроителей Качканара пополнился сотнями балтийских моряков, уволившихся в запас.

Год 1961-й. День открытия XXII съезда КПСС ознаменовался в Качканаре первым звонком в первой средней школе.

Год 1962-й. В марте завершена электрификация железнодорожной ветки Азиатская-Качканар. Введена в строй станция Качканар. Хлебозавод поселка выдал первую партию качканарского хлеба.

Год 1963-й. Подписан акт о приемке в эксплуатацию первой очереди Качканарского горно-обогатительного комбината.

В этот день радиостанция «Голос Америки» оповестила весь мир о том, что «на Урале запущен крупнейший в Союзе щебеночный комбинат». Так высокомерно оценили американцы качканарскую руду. Не знали журналисты «Голоса Америки», что вскоре на комбинате появится временный, прямо под открытым небом, склад концентрата с установленной кем-то табличкой: «По концентрату в грязной обуви не ходить». Не знала зарубежная радиостанция, что до конца года качканарские горняки выдадут свыше 300 тысяч тонн железovanадиевого концентрата.

Высокий энтузиазм тех лет, атмосфера самоотверженности и бескорыстного труда комсомольцев, составлявших большинство первостроителей, прекрасно переданы автором этой книги — душой стройки Федором Тимофеевичем Селяниным в его «Комсомольской тетради». Это летопись повседневного непоказного трудового героизма, летопись высоких порывов юности, взявшей за грандиозное дело и доказавшей, что это дело ей по плечу. Они не стояли за прилавками «шопов», не спекулировали на «рижских рынках» жвачкой и самопальной водкой, не лелеяли мечту о собственных миллионах. Они рубили лес, копали котлованы, монтировали колонны, их мечтой было построить светлый город, город юности, возвести в тайге гигант-комбинат, который будет работать на их страну, на их народ. Их идеалами были не путаны и преуспевающие бизнес-воротилы, а строители Магнитки и Комсомольска-на-Амуре... Вот какое решение приняли они на своем первом комсомольском собрании:

1. Считать главной задачей комсомольской организации — построить комбинат в установленный правительством срок.

2. Комсомольцам и всем молодым рабочим быть верными традициям героев Магнитки и Комсомольска-на-Амуре».

И вот, наконец, долгожданная победа. Комбинат вступил в строй, комбинат начал действовать. Этот день стал большим праздником для каждого качканарца. Это победа была большим завоеванием и в масштабах страны. Трудовой подвиг качканарцев был отмечен государственными наградами. Передовые строители, работники комбината награждались орденами и медалями СССР. А 16 июня 1964 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда работникам строительных и монтажных организаций, особо отличившимся при строительстве кислородно-конверторного цеха Нижне-Тагильского металлургического комбината имени В. И. Ленина и первой очереди Качканарского горно-обогатительного комбината Средне-Уральского совнархоза». Из пяти человек, удостоенных этого звания, трое — качканарцы: бригадир комплексной бригады СУ-2 треста «Качканаррудстрой» Александр Васильевич Мурашов, машинист крана управления механизации «Качканаррудстроя» Василий Алексеевич Пушкарев и бригадир монтажников специализированного СМУ треста «Уралстальконструкция» Василий Николаевич Митягин.

Эстафету у строителей приняли горняки. В большинстве своем это были все те же юноши и девушки, по зову сердца приехавшие, пришедшие на Всесоюзную комсомольскую ударную стройку. Возводя корпуса комбината, строя новый город, они одновременно учились,

получая горняцкие специальности кто в учебно-консультационном пункте Свердловского горного института, кто в Исцовском геологоразведочном техникуме, кто в учебно-курсовом комбинате ГОКа. Теперь они переходили работать в коллектив только что пущенного их же руками в эксплуатацию цеха, шли работать в карьер... И вот уже флаг Военно-Морского Флота СССР, который бывшие моряки-балтийцы каждый год 23 февраля поднимали над своим строительным общежитием, ежегодно в этот день стал развеваться над корпусом фабрики обогащения.

Комбинат начал действовать. Загремели на единственном пока в ГОКе Главном карьере, мирные взрывы, разгоняя любопытных валериановских коз, облюбовавших под свое пастбище карьерные уступы. Вскоре, однако, козы освоились с работой взрывников: увидев первую предупредительную ракету, рогатое воинство тут же организовано стало покидать карьер.

А мощность взрывов между тем возрастала. 13 февраля 1971 года на Главном карьере был произведен взрыв, еще не бывалый на Урале по объему поднятой в воздух горной массы — около 1 миллиона 700 тысяч тонн. Но уже 16 апреля того же года вес взорванной в очередной раз массы исчислялся 2,5 миллионами тонн.

Комбинат начал действовать. Но еще задолго до этого момента здесь уже шли устойчивые горные работы. А начались они в октябре 1959 года. Тогда на горизонте 265 Главного карьера вступил в работу первый экскаватор ЭКГ-4. За его рычагами сидел первый экскаваторщик Качканарского ГОКа Борис Александрович Тюленев. Он и был тем человеком, который отгрузил первые тонны качканарской руды, которые в год 30-летия комбината составят уже цифру с девятью нулями — 1 000 000 000.

Комбинат работал. В Нижний Тагил пошли первые железнодорожные составы с качканарским сырьем. Железнодорожный цех открылся на Качканарском ГОКе в 1960 году. Вскоре горняки-железнодорожники получили три первых тепловоза, которые за отсутствием железнодорожного полотна пришлось доставлять в карьер по санному пути тракторами.

Сегодняшнее железнодорожное хозяйство ГОКа не сравнить с тем, что было в те годы. И зовется это хозяйство сейчас не ЖДЦ, а управление горного железнодорожного транспорта Качканарского ГОКа и возглавляет его не начальник цеха, а директор УГЖДТ. Но в управлении помнят о тех далеких днях, помнят людей, которые стояли у истоков нынешней железнодорожной службы. Помнят одного из первых начальников железнодорожного цеха комбината В. Н. Самойлова, немало труда, сил и здоровья положившего на развитие и становление службы. Помнят и единственную за все годы женщину-машиниста электровоза З. А. Басову, как помнят на Главном карьере ее мужа — машиниста экскаватора Б. Л. Басова.

Сейчас супруги Басовы на пенсии. А когда-то эта чета гремела не только в Качканаре, но и в стране. Зоя Андреевна была единственной женщиной-машинистом электровоза в отрасли, а работала так, что иному мужчине могла дать сто очков вперед. А Борис Леонтьевич постоянно был в лидерах соревнования, досрочно, иной раз на полгода, выполнял пятилетки. Недаром государство отметило его труд двумя своими высшими наградами — орденами Ленина и Октябрьской революции.

Комбинат креп, набирал силу. 28 декабря 1964 года стало важной вехой его истории. В этот день родилось новое подразделение ГОКа —

агломерационный цех. Завершился ввод в строй первой очереди Качканарского горно-обогатительного комбината. Но предстояло еще освоить новое производство. А это было не просто — остро ощущался недостаток квалифицированных кадров. И те, кто первым пришел сюда, из кого и составил коллектив нового подразделения, жадно учились новому делу, овладевали секретами металлургического производства. О том, как они справились с этой задачей, красноречиво свидетельствует пример М. Т. Новикова. Сейчас Михаил Тарасович пенсионер, но продолжает работать на комбинате. А в 60-е годы он был признан лучшим агломератчиком Урала. Еще несколько лет спустя его коллега-агломератчик Карам Харламович Яппаров был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Комбинат набирал силу. В январе 1965 года нижнетагильские доменщики выдали первую плавку чугуна из качканарского агломерата. А 24 ноября этого же года на комбинате была произведена миллионная тонна окускованного сырья. Пройдет не так уж много времени, и в 1977 году, в канун 20-летия Качканара, труженики горно-обогатительного комбината отправят тагильским металлургам первую партию агломерата, впервые в стране аттестованного на Государственный Знак качества. Таковы шаги, таковы ступени роста Качканарского ГОКа.

Комбинат по качканарским меркам уже давно вступил в строй действующих. Но его строительство продолжалось. На этот раз строился цех по производству окатышей — более перспективного по тем временам вида окускованного металлургического сырья. И вот фабрика окатышей в строю. Это произошло осенью 1970 года. Началось освоение нового производства. В тот же год коллективом комбината была достигнута еще одна трудовая победа — 18 декабря добыта и переработана 100-миллионная тонна качканарской руды.

Шли годы. 1972-й стал новой точкой отсчета в истории комбината. С этого времени он стал самым стабильным предприятием горнодобывающей промышленности страны. В многотиражной газете Качканарского ГОКа «Качканарский рабочий» все чаще появляются сообщения об успехах тружеников цехов и служб.

«Третья технологическая бригада аглоцеха (начальник смены В. Н. Пивоваров, старший агломератчик В. Г. Полищук) 7 декабря переступила рубеж 1973 года», — сообщает газета в одном из своих номеров за 1972 год.

«В развернувшемся соревновании за право отгрузки 200-миллионной тонны руды среди экскаваторщиков Главного карьера хороший старт взял экипаж 11 экскаватора, где старшим машинистом А. М. Синеговский. За три дня октября при задании 25 тысяч тонн он отгрузил 38 тысяч тонн горной массы», — говорится в другой заметке. 200-миллионная тонна руды была добыта 20 апреля 1974 года.

«Комсомольско-молодежный экипаж Северного карьера, возглавляемый Я. Ф. Бартом, — сообщает «Качканарский рабочий» 5 апреля 1975 года, — добился рекордного показателя. За прошлый месяц на ЭКГ-8И им добыто горной массы 423 230 тонн при плане 400 тысяч. Такой результат является наивысшим достижением месячной производительности труда за всю историю комбината».

Еще два подобных сообщения.

«Локомотивная бригада И. Т. Морозова перевезла с начала года 961 тысячу тонн руды при плане 708 750 тонн».

«За 2 года 4 месяца выполнил трехлетнее задание водитель БелАЗа-540 автотракторного цеха А. И. Червяков».

Особенно «урожайным» на достижения горняков Качканара был 1976 год, а затем и 1977-й. В это время в адрес горно-обогательного комбината то и дело приходили телеграммы из Министерства черной металлургии. Экипаж бурстанка Н. А. Притыкина признан лучшим в отрасли. Лучшим в отрасли по итогам второго полугодия 1976 года среди локомотивных бригад признан комсомольско-молодежный экипаж В. И. Сычева. Бригада Бориса Зинчука — лучшая бригада агломератчиков Министерства черной металлургии СССР.

По труду и честь. Приказом Министра черной металлургии за высокие показатели в соревновании по досрочной выплавке в 1974 году 100-миллионной тонны чугуна старший агломератчик аглоцеха Качканарского ГОКа В. Г. Полищук премирован автомобилем «Жигули». Министр черной металлургии премировал руководителя лучшего экипажа бурстанка отрасли Н. А. Притыкина автомобилем «Москвич».

В 1973 году комбинату было передано на вечное хранение Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Оно стало первой большой наградой горнякам Качканара, первым всесоюзным признанием их заслуг. Потом подобные награды Качканарский горно-обогательный комбинат начал завоевывать регулярно.

В том же 1973 году Качканарский ГОК вышел на проектную мощность по переработке 33 миллионов тонн руды в год. И тут же началась подготовка проектной документации по доведению мощности комбината до 40 миллионов тонн сырой руды в год. А уже в 1975-м важнейшей стройкой области объявлено расширение горно-обогательного комбината в Качканаре с доведением его мощности до 45 миллионов тонн руды в год.

Год 1982-й — новая победа. 12 февраля добыта и переработана полумиллиардная тонна качканарской руды.

Но особо памятным для горняков и обогатителей Качканара стал год 1986-й. 6 июня за успехи, достигнутые в выполнении заданий одиннадцатой пятилетки, коллективу Качканарского горно-обогательного комбината был вручен орден Трудового Красного Знамени. Орденом и медалей была удостоена также большая группа работников комбината. В ответ на награду Родины 14 октября труженики ГОКа рапортовали о добыче и переработке 700-миллионной тонны руды.

Вехой в истории комбината стало и 28 марта 1987 года. В этот день в цехе окатышей была остановлена обжиговая машина № 1. Началась реконструкция, целью которой было увеличение мощности предприятия по переработке руды без увеличения площадей фабрик окускования. Эта реконструкция — еще одно из проявлений никогда не прекращавшей пульсировать творческой мысли коллектива комбината.

Годом качканарских изобретателей можно смело назвать 1970-й. Именно тогда на ВДНХ впервые появились новинки, придуманные и созданные ими. Тогда комбинат был впервые награжден бронзовой медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР. А в 1974 году он добился звания «Лучшее предприятие Министерства черной металлургии по рационализаторской работе».

Одним из самых одержимых в отряде изобретателей и рационализаторов комбината был М. В. Курносенко. Его кредо: две головы хорошо, а одна — лучше — нашло реальное воплощение в поистине уникальных машинах, которые очень облегчили труд работников Главного карьера. Это знаменитые в карьере КУ-1, КУ-2 и другие КУ. В свое время руководство одного из крупнейших предприятий Киева предлагало Михаилу Владимировичу перейти туда на работу, ему да-

же привезли ордер на двухкомнатную квартиру на Крещатике, но качканарский Кулибин не польстился на заманчивое предложение и остался в родном коллективе.

В истории Качканарского горно-обогатительного комбината немало славных страниц. Его коллектив в течение едва ли не десятка лет за достигнутые успехи заносился на Всесоюзную Доску почета, постоянно завоевывал первые места в областном и Всесоюзном соревновании, не раз награждался Памятными Знаками — «За трудовую доблесть в девятой пятилетке», «За высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке»... На Качканарском ГОКе сегодня самые низкие в отрасли потери при обогащении и окусковании руд.

Две трети всего жилья Качканара построены комбинатом. Ему принадлежат построенные для его трудящихся профилактории «Зеленый мыс», спорткомплекс «Горняк». Дети его трудящихся ежегодно летом отдыхают в детском лагере «Чайка». До недавнего времени он был и владельцем единственного в городе Дворца культуры, который год назад по инициативе городской администрации был передан им в муниципальную собственность.

За 30 лет на посту директора Качканарского ГОКа сменилось пять человек. Нынешний генеральный директор Николай Яковлевич Еремин — шестой. А первым был Виктор Петрович Дерягин. На его долю выпало самое начало, когда еще не было ни коллектива, ни самого комбината, ни даже конторы, а был лишь приказ о назначении директора строящегося Качканарского горно-обогатительного...

В. П. Дерягина весной 1960-го сменил Николай Семенович Ефремовцев. А в сентябре 1962-го бразды правления коллективом горняков принял Ефим Александрович Кандель, который в марте 1969 года, в свою очередь, передал их Михаилу Григорьевичу Толочко. В июле 1976 года на пост директора комбината был назначен Виталий Васильевич Власихин, в шестидесятых годах направленный сюда по распределению после окончания горного института как молодой специалист. В. В. Власихин скоропостижно скончался в феврале 1983-го...

Сегодня уже мало кто на комбинате и в городе помнит двух первых директоров, но имена Канделя и Толочко известны, наверное, каждому. Магазин «Продукты» в седьмом микрорайоне все качканарцы по-прежнему зовут «канделевским». А на дробильной фабрике еще не забыли, как когда-то здесь по приказу директора, все того же Ефима Александровича Канделя, в подземных галереях выращивался деликатесный гриб — шампиньон. Помнят и качканарский троллейбус, пущенный усилиями Михаила Григорьевича Толочко и благополучно похороненный впоследствии городскими властями.

То время, время Толочко, было началом расцвета комбината, началом признания его флагманом горнорудной промышленности. Тогда «все флаги в гости были к нам» — в Качканаре постоянно проводились всесоюзные отраслевые совещания, семинары, достижения Качканарского ГОКа начали экспонироваться на ВДНХ. Эта эстафета была подхвачена вначале В. В. Власихиным, а затем Н. Я. Ереминым, и на протяжении уже двух десятков лет горно-обогатительный комбинат Качканара уверенно занимает место в ряду лидеров горнодобывающей промышленности.

Невозможно перечислить имена всех, кто внес неоценимый вклад в строительство, развитие и становление Качканарского ГОКа. Это и руководители горной промышленности Урала М. М. Горшколепов, В. И. Довгопол, и ведущие специалисты института «Уралгипроруда» Л. Н. Цимбаленко, А. П. Рябов, и специалисты «Уралмеханобра»

Г. И. Сладков, И. И. Рагозин, и геологическая партия, в составе которой работали ветераны комбината и города В. Н. Пушкарев, А. А. Прядильщиков, Н. П. Тукмачев, Н. М. Решетников, Г. А. Пономарев... Это и опытные организаторы строительства первый управляющий трестом «Качканаррудстрой» М. В. Левитский, Ю. А. Булатов, В. Б. Миллер, Д. А. Смирнов, С. С. Мальцев. Это строители и монтажники Ф. Н. Карлюков, Е. А. Козлов, П. М. Головнев, В. И. Кузов, Б. М. Тихомиров, Ф. П. Точилов, В. А. Картавцев, П. В. Хвощевский, А. И. Шишкин, Г. С. Наймушин, А. В. Егорова, Г. С. Лапов, А. Я. Бусыгина, Герой Социалистического Труда М. Х. Вохмянин... Это и первый главный инженер комбината С. Л. Мясник, специалисты Г. З. Трунов, К. Д. Шубик, П. В. Путилов... Это и главные специалисты и руководители подразделений ГОКа К. Г. Братчиков, А. М. Глотов, Г. А. Кузнецов, Н. Л. Красноселов, З. С. Зильберов, В. С. Ложкин, А. М. Соколов, Б. С. Очкин, В. В. Стаханов, В. Г. Хмельков, В. Г. Шарнин... Это многие, многие другие руководители и рядовые труженики комбината.

Среди победителей трудовой вахты в честь добычи и переработки 200-миллионной тонны качканарской руды в апреле 1974 года была и смена № 3 участка шихтоподготовки, руководимая Н. М. Юферевым. Сегодня на предприятии идет соревнование за приближение дня добычи миллиардной тонны руды. Среди лидеров его — смена № 2 цеха шихтоподготовки, возглавляемая А. Н. Юферевым. Так сын продолжает дело своего отца.

На комбинате и в городе широко известно имя В. И. Сычева — руководителя комсомольско-молодежного экипажа дизель-электровоза, неоднократного победителя комбинатского, городского и отраслевого соревнований. Владимир Иванович за свою долгую трудовую биографию подготовил не один десяток высококвалифицированных рабочих, которые сегодня показывают примеры высокоэффективного труда.

Немало трудовых достижений на счету машинистов экскаваторов В. Н. Щипихина, Л. И. Сребродольского, А. Г. Новоселова, В. Е. Соседкова, И. А. Бритова, машинистов буровых установок Л. Н. Пихтовникова, М. К. Распопова, Н. А. Присекина, Ю. Н. Стукова, А. А. Нефедова, С. И. Жарова, А. И. Девятерикова, В. И. Савельева... Славные строки в летопись комбината вписаны машинистами локомотивов А. В. Суходоевым, В. М. Кочневым, И. Т. Морозовым, А. Н. Бадьяновым, В. И. Серкиным, В. Г. Шемуратовым, водителями БелАЗов Ю. В. Серебряковым, Ю. М. Пушкиным, А. А. Поляковым... Высокими наградами отмечен труд дробильщиков Р. М. Шайморданова, Л. Н. Нагорного, Б. М. Кравца, агломератчиков К. Х. Яппарова, А. В. Ваткина, машинистов мельниц А. И. Бригаденко, А. С. Останина, А. И. Халтурина... Неоценим вклад в общее дело коллектива монтеров пути П. А. Прокопенко, В. Ф. Ковальчук, Л. Ф. Капинос, сепараторщицы Е. С. Дуботолковой и десятков, сотен, тысяч других тружеников ГОКа.

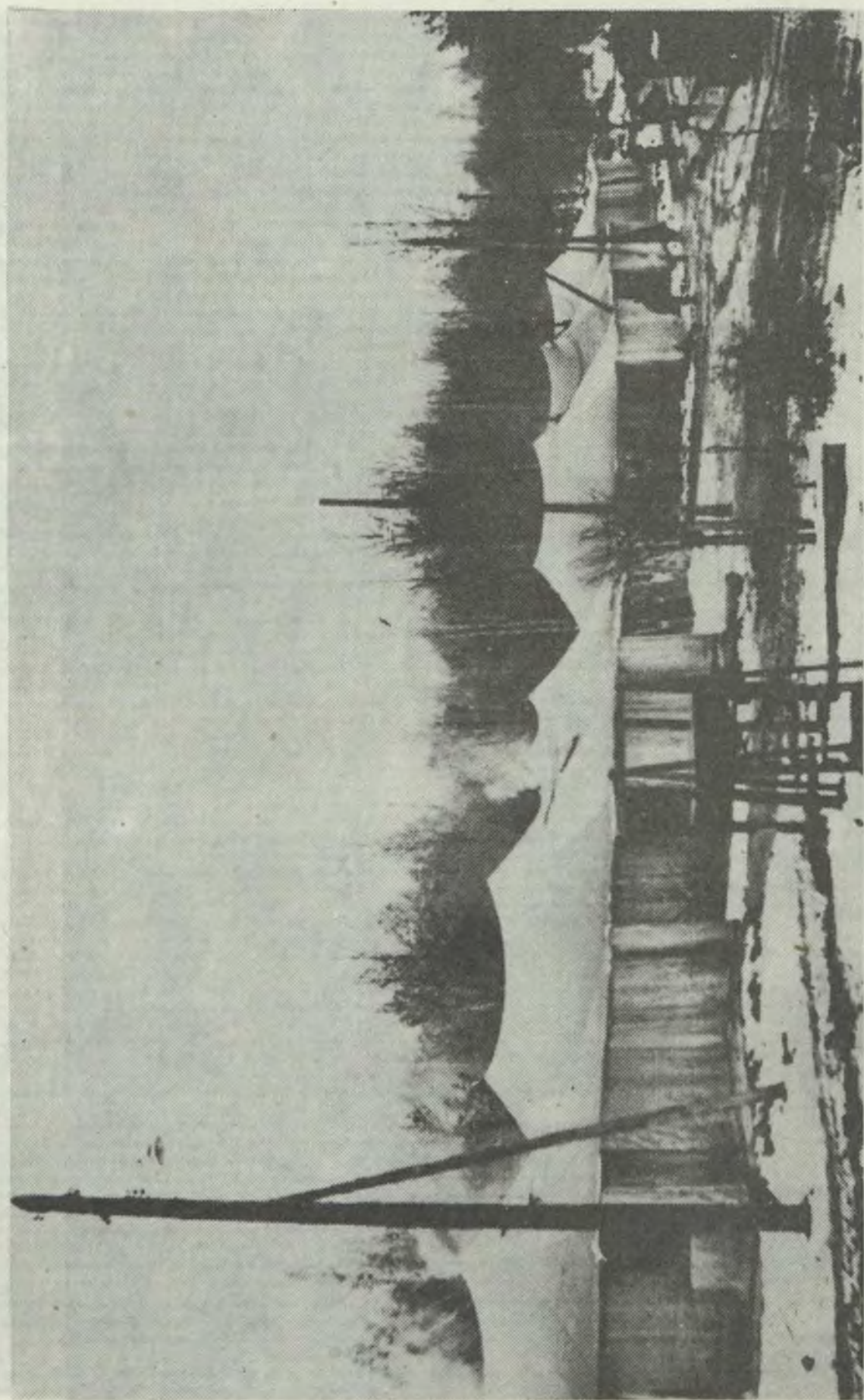
Сегодня, в год своего 30-летия, благодаря труду всех этих людей Качканарский ГОК по праву носит звание крупнейшего горнорудного предприятия Урала. Он — основная железорудная база нашего региона. В этом году его коллектив добудет и переработает уже миллиардную тонну руды Качканара. И этот коллектив верит в большое будущее своего предприятия и своим трудом творит это будущее. Нет сомнения, что в историю Качканарского ГОКа будет вписана еще не одна славная страница. Залогом тому — вся 30-летняя история Качканарского горно-обогатительного.

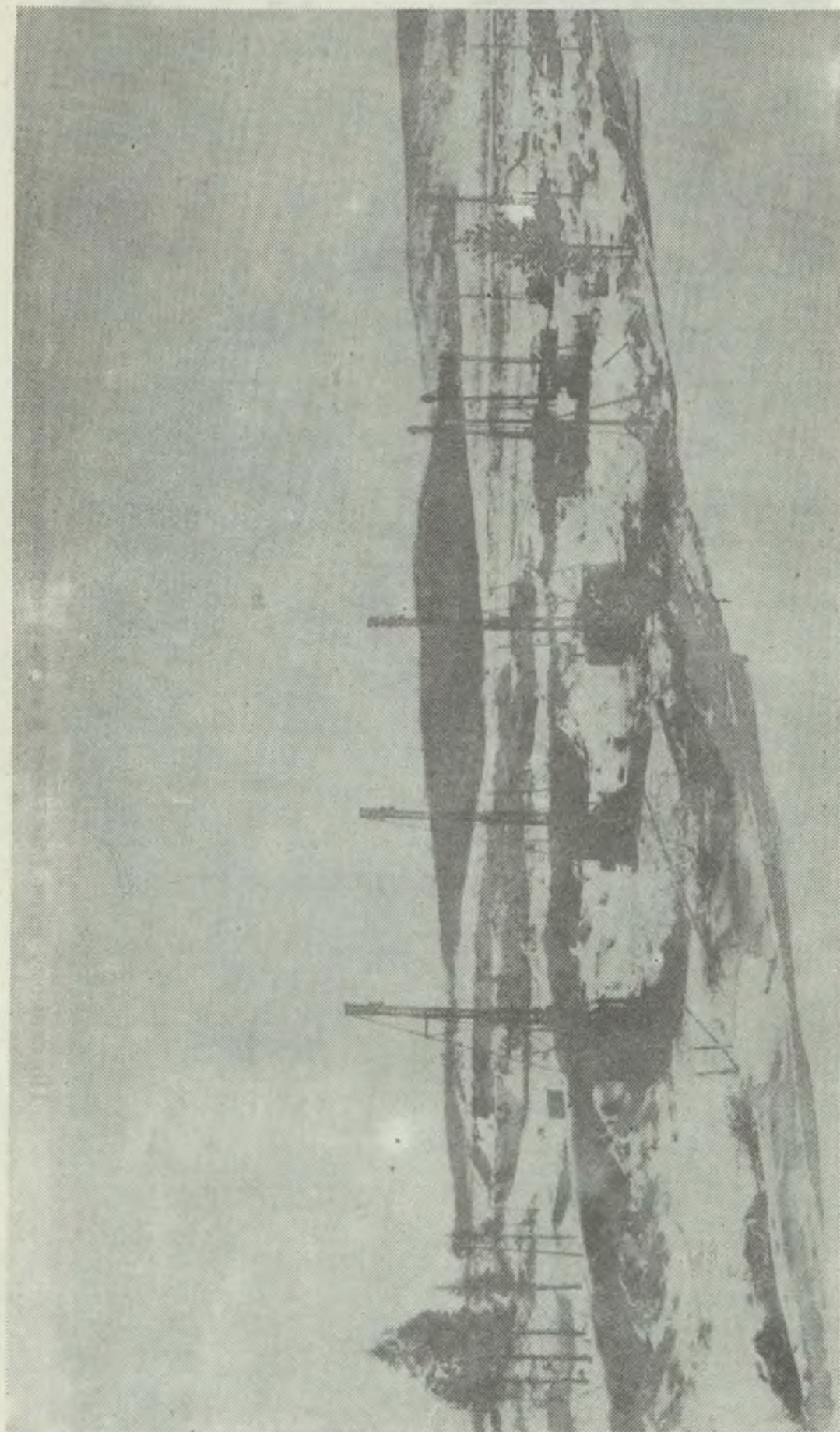
Так начинался Качканар.

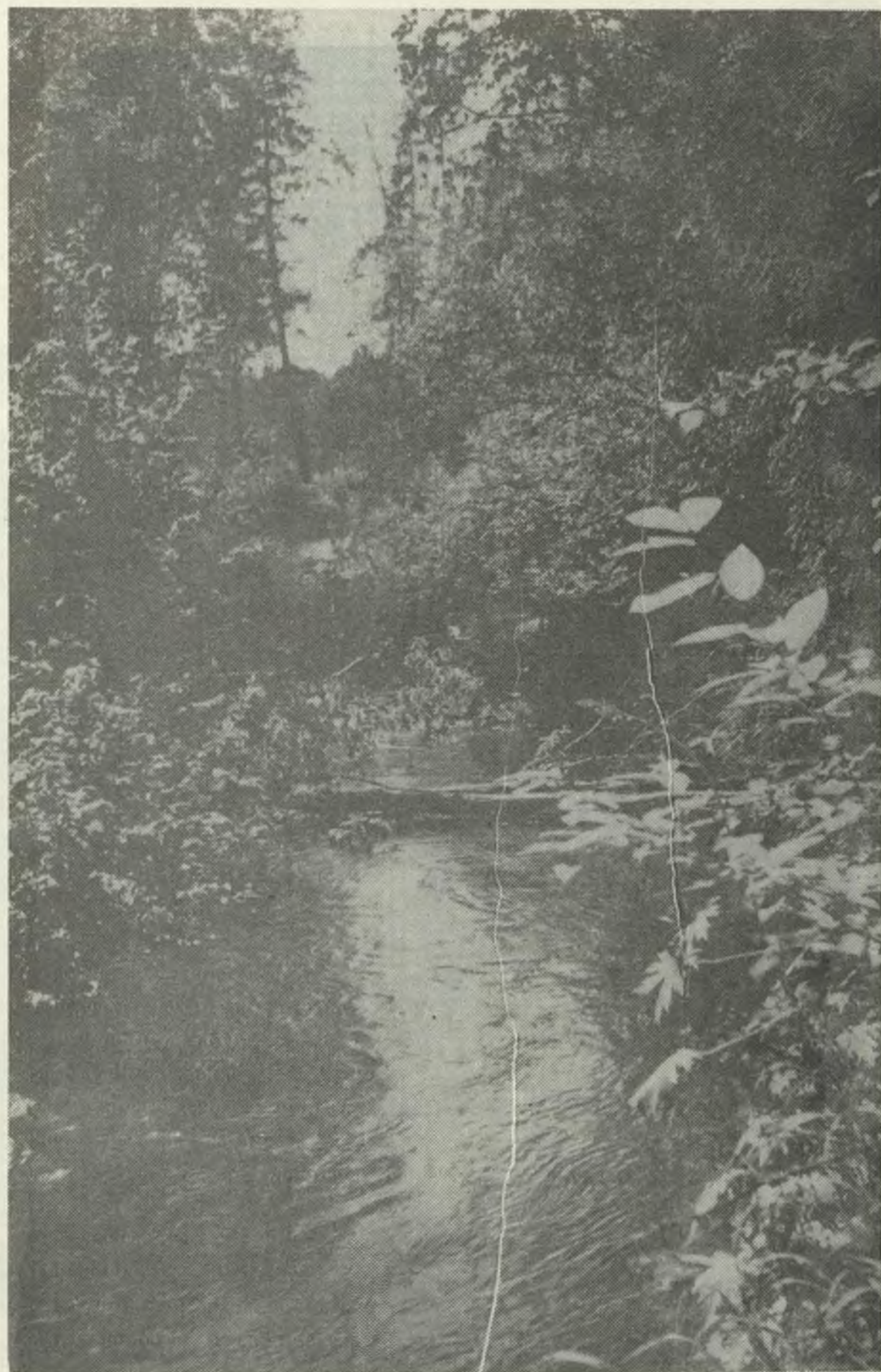
Фото на память (бригада первостроителей Магвеева)

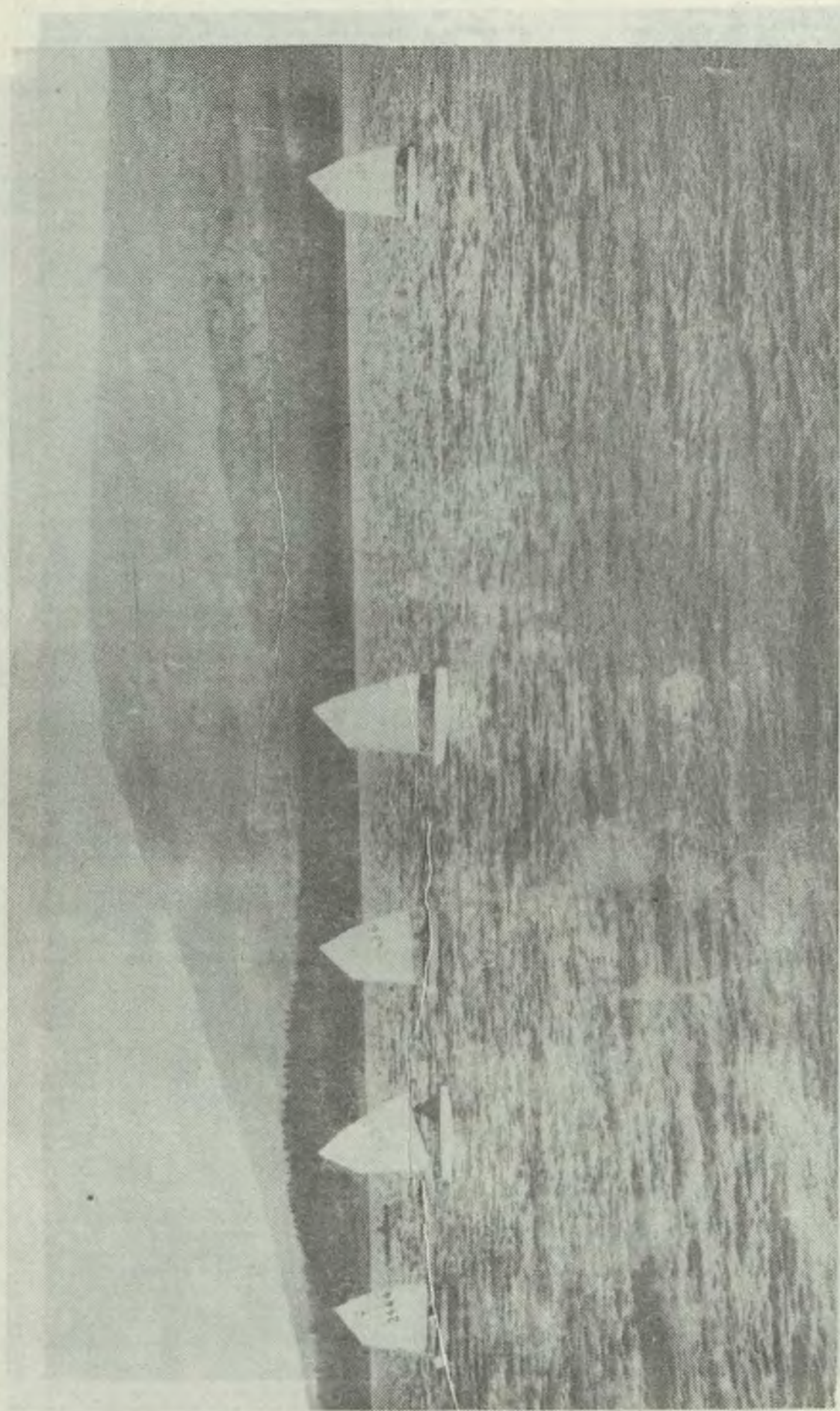
Палаточный городок на месте будущего города юности.

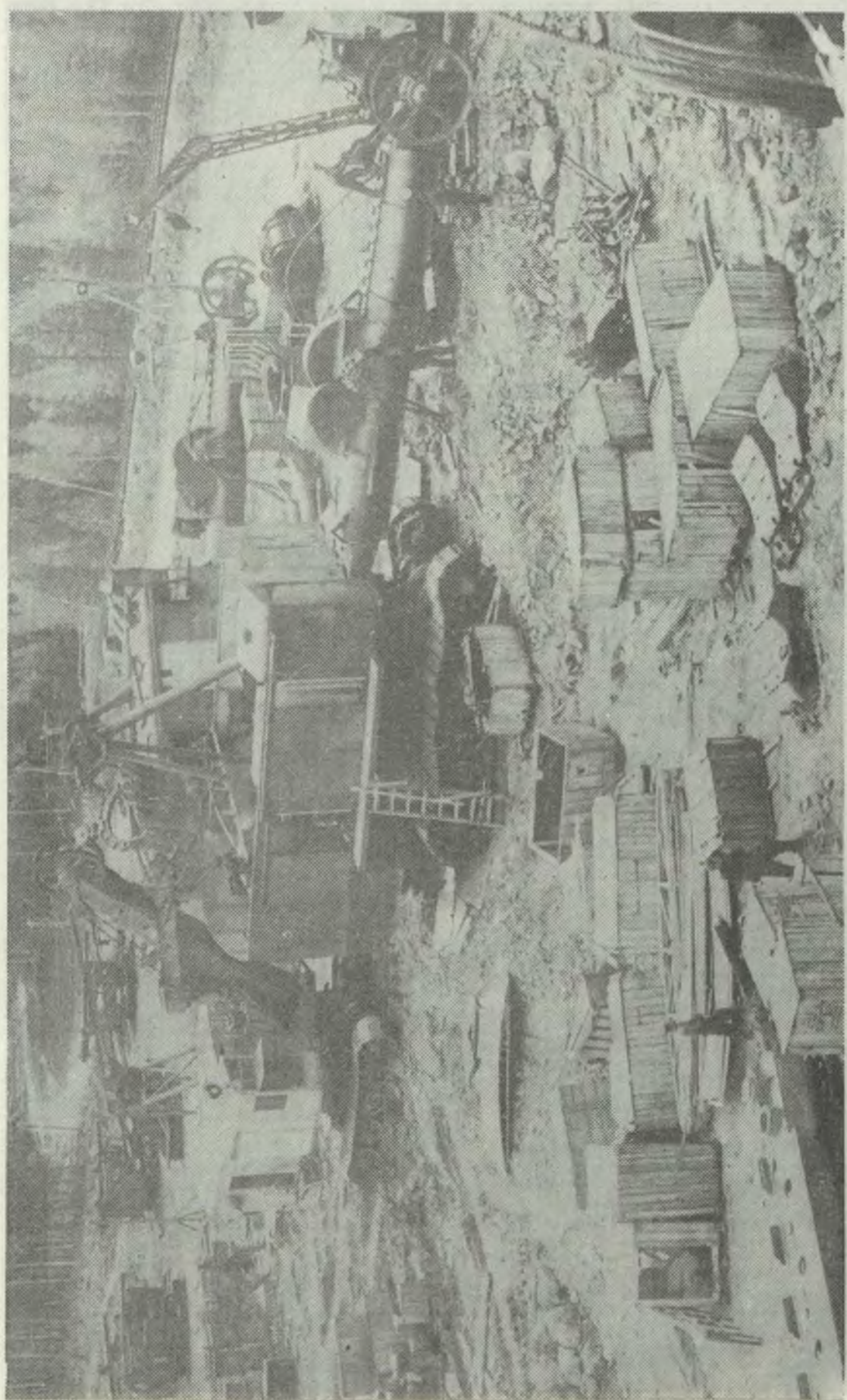
Главный карьер. Станки канатно-ударного бурения — первое поколение буровых станков Качканарского ГОКА.

КАЧКАНАРСКОЕ «МОРЕ» —
вчера

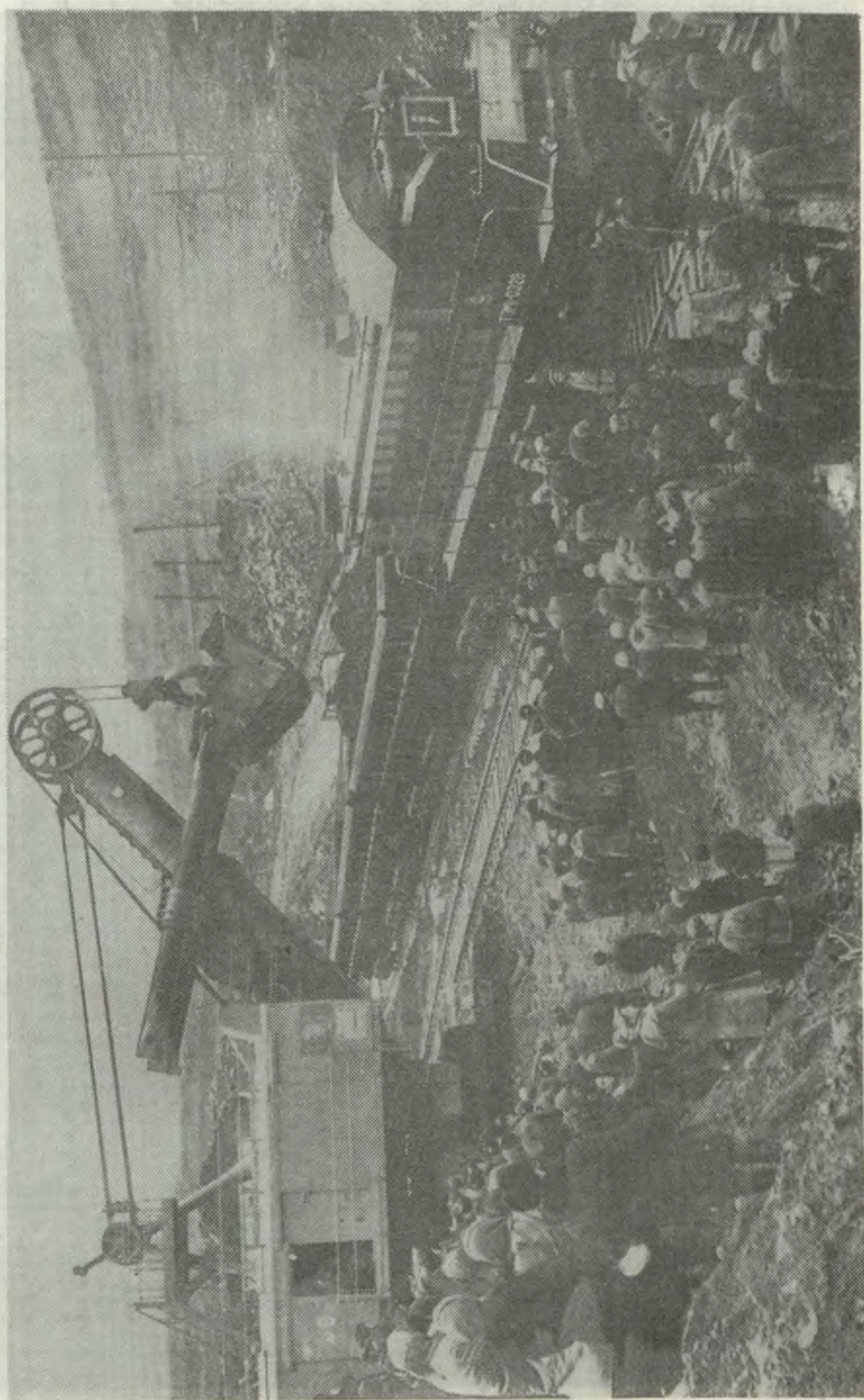
... и сегодня.

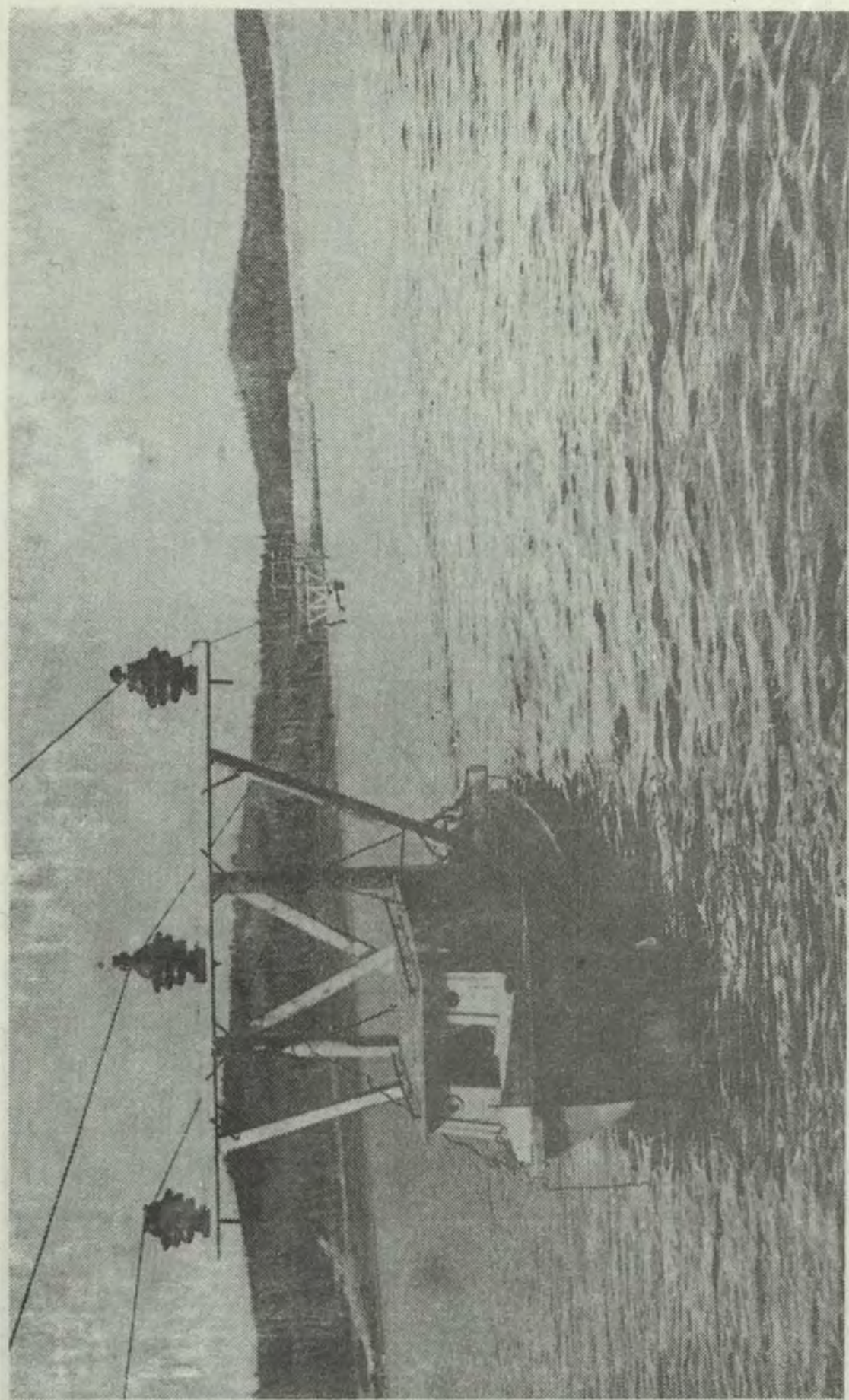
Сборка первых экскаваторов в карьере.

Борис Александрович Тюленев отгрузил первую тонну качканарской руды.

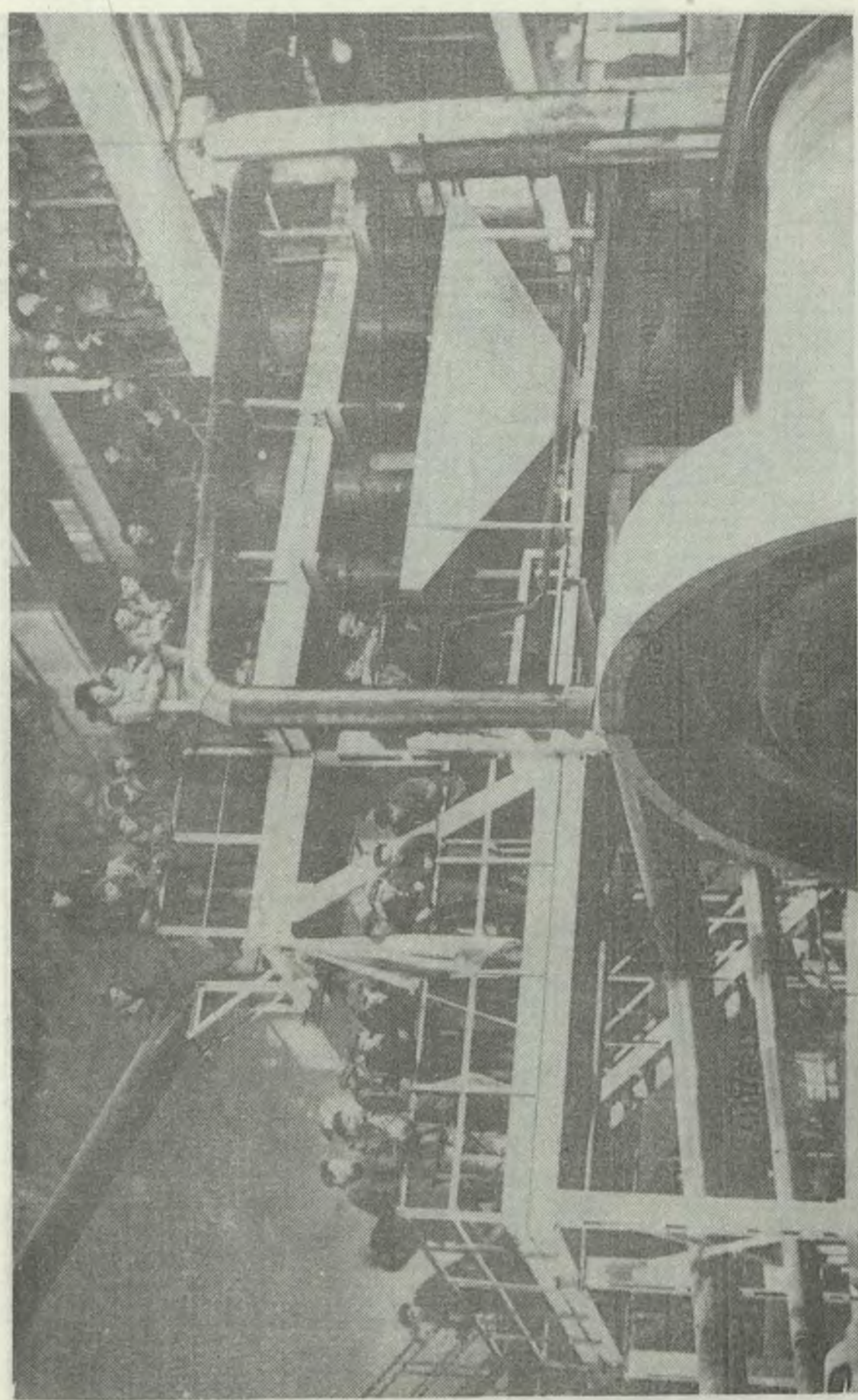

Есть первая руда Качканара!

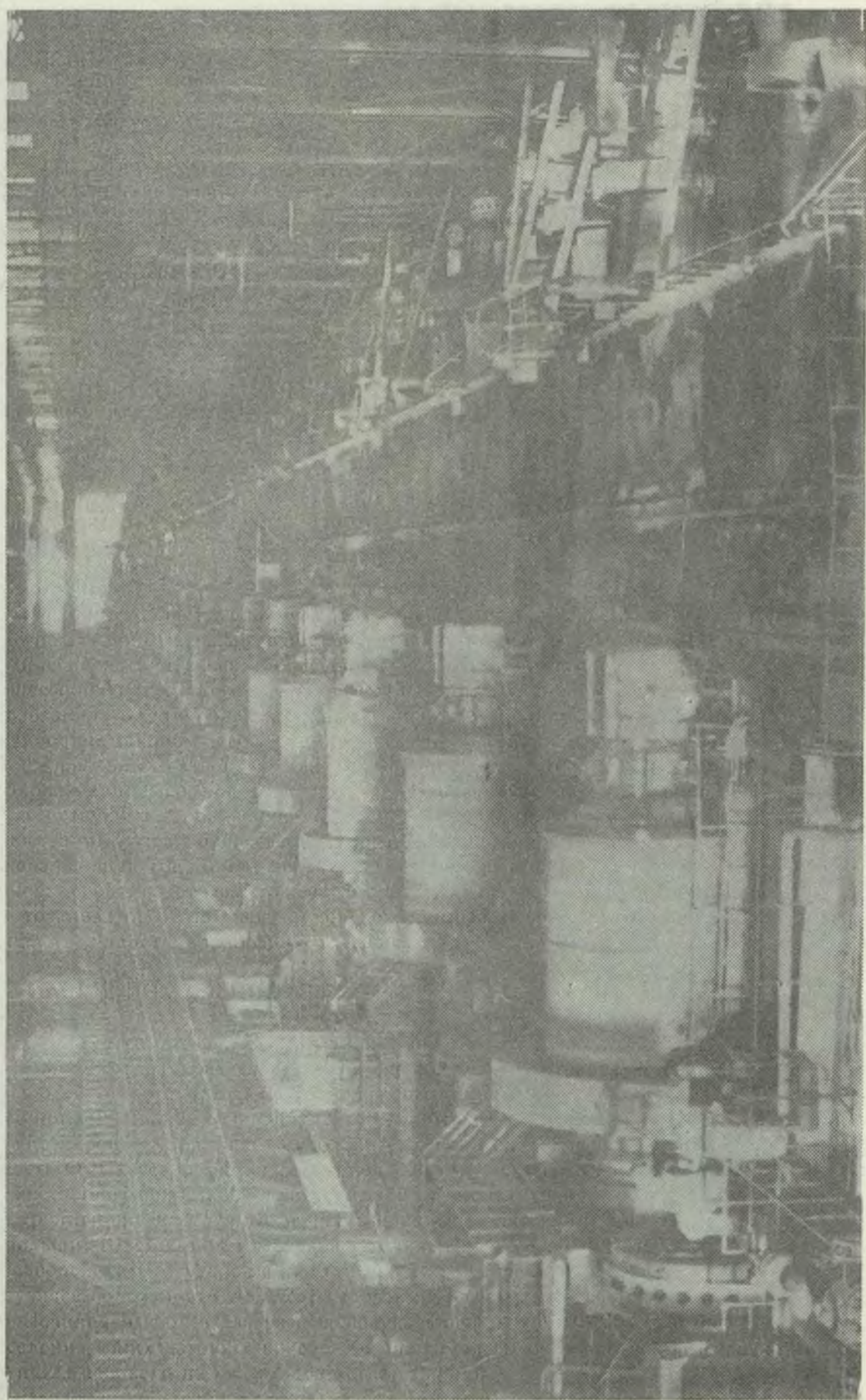

По временной схеме (высоковольтная ЛЭП, питающая фабрики комбината).

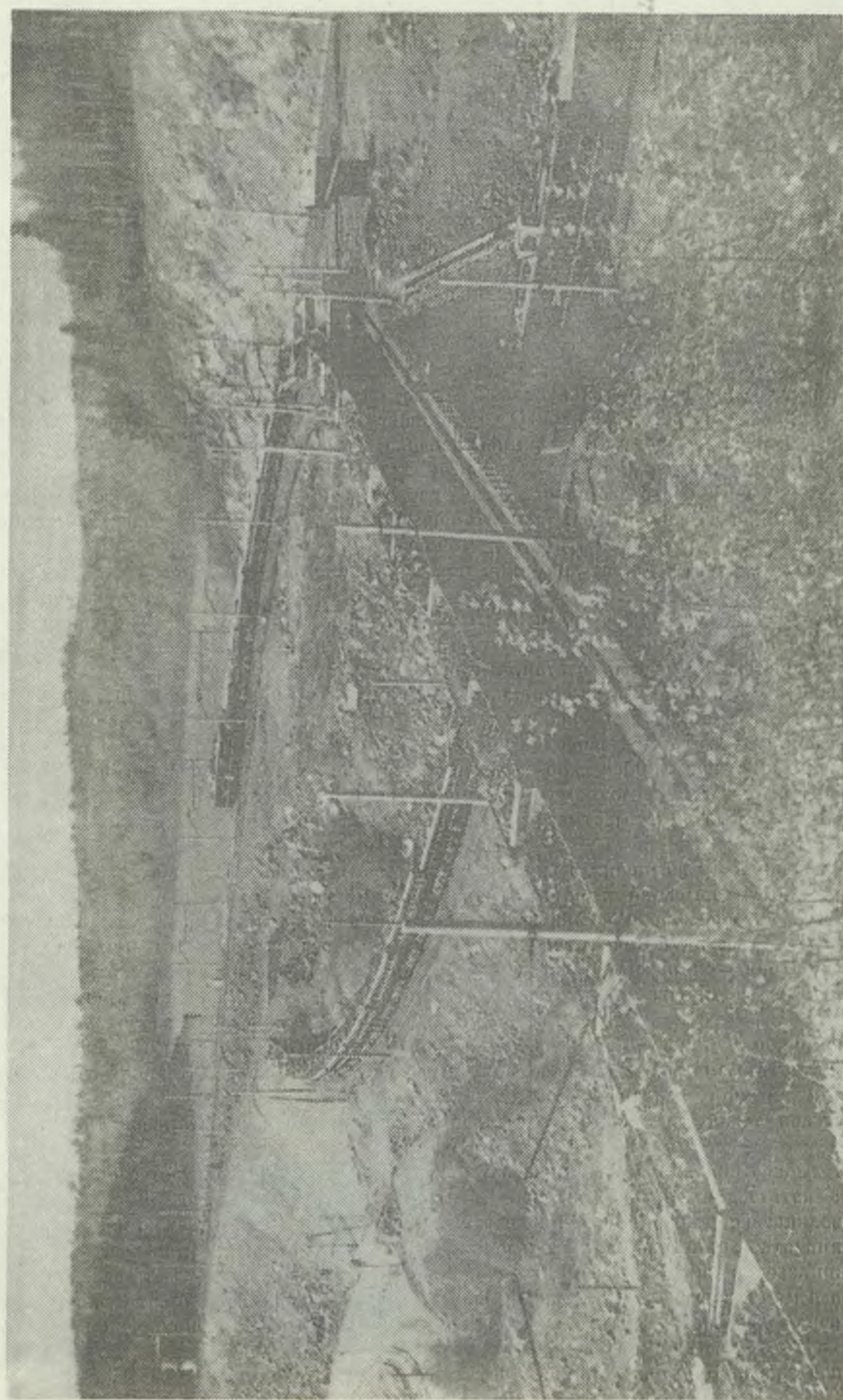
Собрание на фабрике обогатителя (застывающего угля)

Митинг на фабрике обогащения, посвященный пуску ее первой очереди

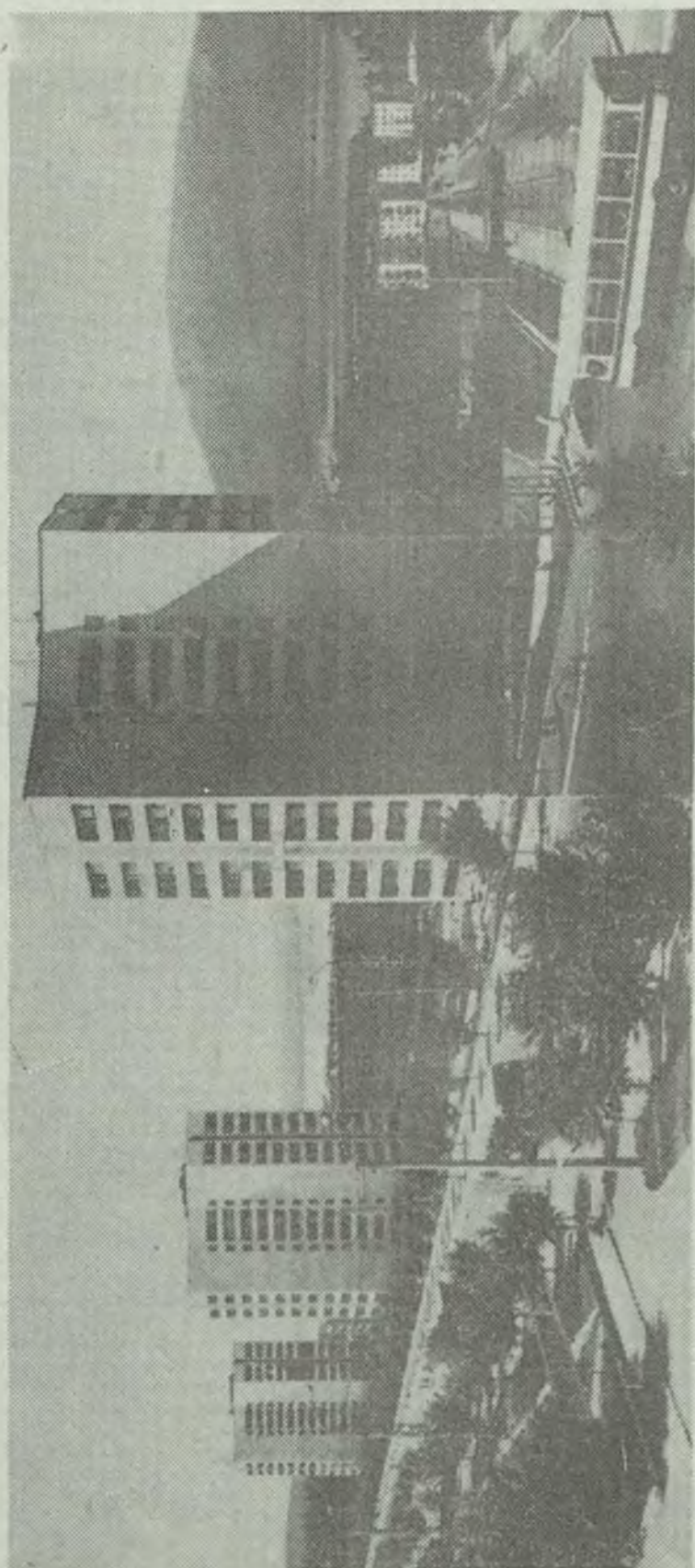

Сегодня на фабрике обогащения (мельничный пролет).

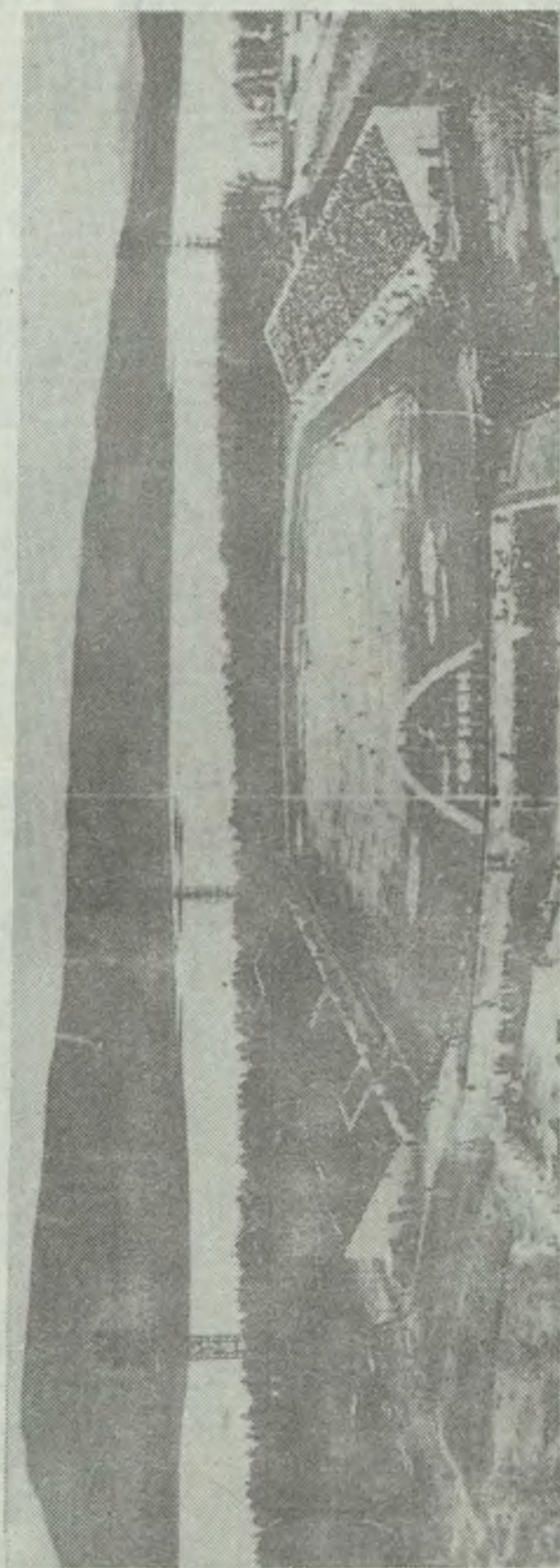
На дробильную фабрику (идут составы с качканарской рудой).

118 *Современная архитектура (среди зданий и экстерьерный дизайн)*

Главная улица города.

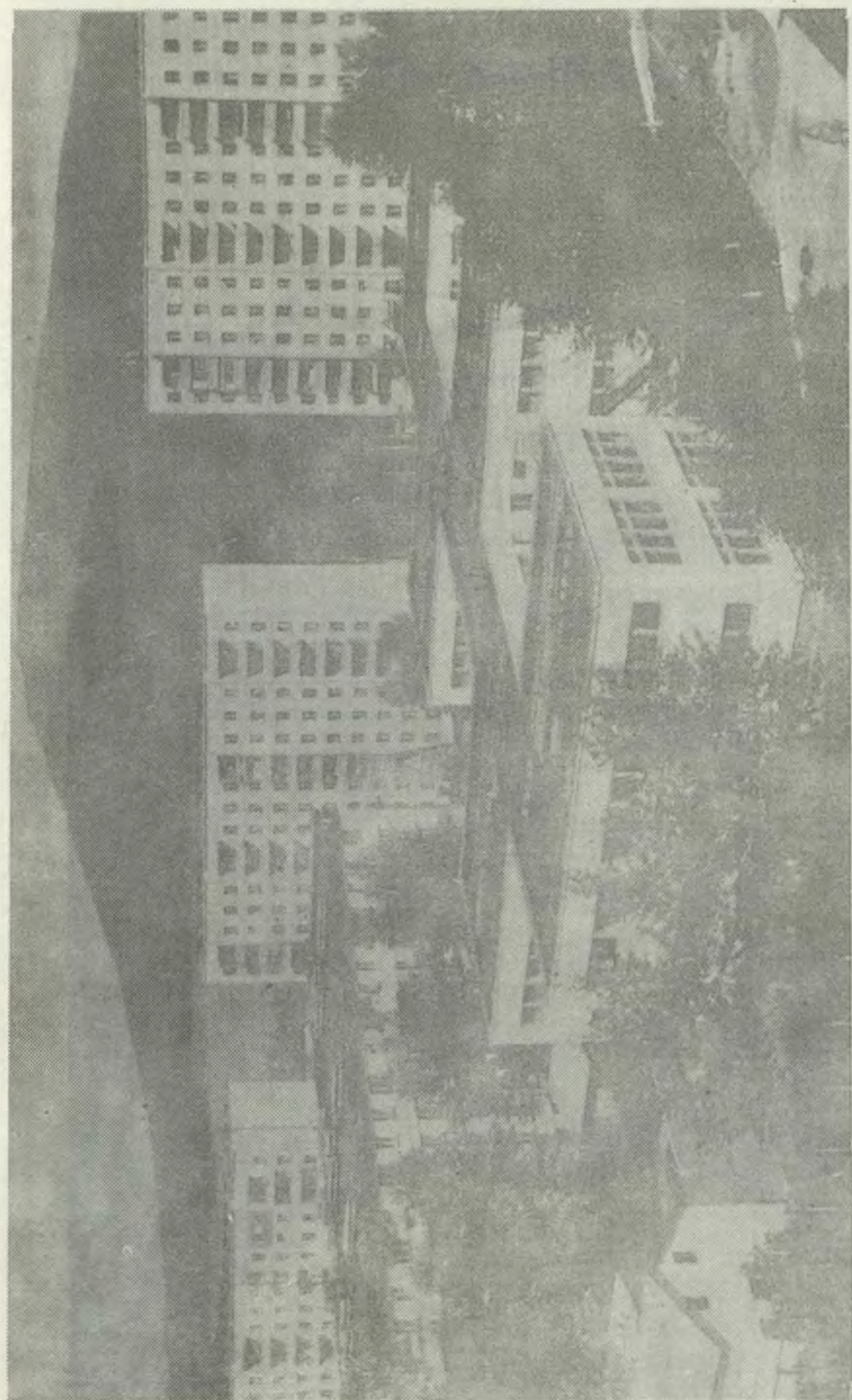
Снимок в фойе здания Главного управления культуры.

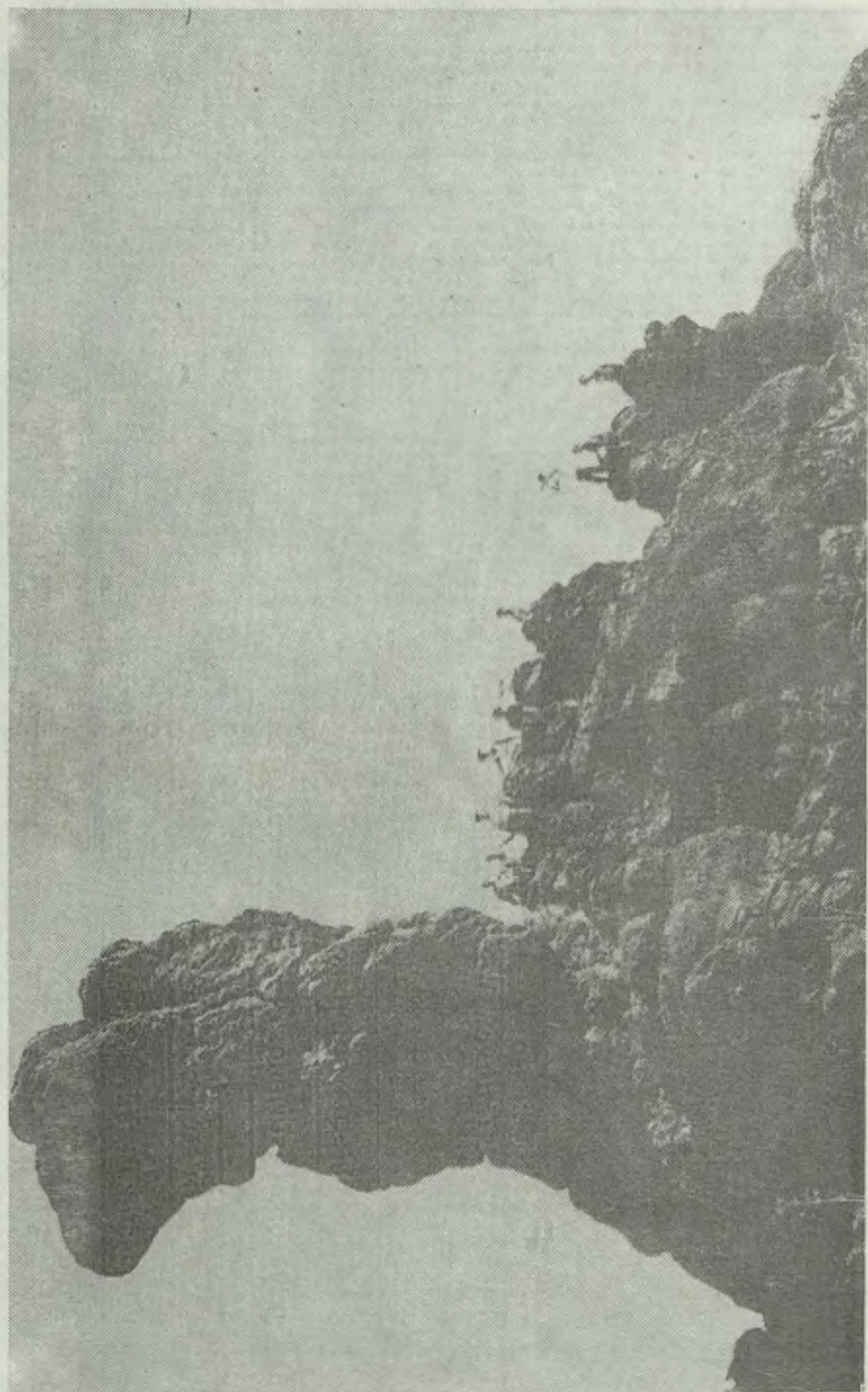
Стадион спортивного клуба «Горняк» Качканарского ГОКа.

Встреча через 20 лет.

10-й микрорайон города. Здесь живут горняки.

На горе Качканар. Скала «Верблюд».

ЮНОСТЬ КАЧКАНАРА

Комсомольские тетради

Уже несколько лет я не живу в этом городе и давно вышел из комсомольского возраста. Но в Качканаре — городе моей юности — бывать мне приходится часто. Признаюсь, не всегда эти поездки вызваны служебной необходимостью — влечет сюда память о трудных и прекрасных годах моей молодости, моей и моих друзей-товарищей.

Нынешний Качканар — это уже не просто горная вершина, поднявшаяся среди сопок и небольших хребтов, омываемых с трех сторон горными речками в раздолье бушующих лесов в северной части Среднего Урала.

И хотя сосны, ели, кедры и сейчас продолжают нести вековую вахту у подножия величественного Качканара, чьи плечи большую часть года покрыты белым снегом, но Качканар сегодня — это прежде всего крупный индустриальный центр, рожденный комсомольской юностью. Новая его история началась тридцать лет назад, она в какой-то мере повторяет историю Комсомольска-на-Амуре и Магнитки. Эти города — своеобразные вехи поколений.

Я прохожу по улицам молодого города, по некоторым — впервые, радуюсь переменам. Как старого друга, приветствую каскад белоснежных фабричных корпусов горно-обогатительного комбината. Он не только крупное промышленное предприятие. Это и памятник мужеству молодых и отважных строителей.

Не забыть мне тот сентябрьский вечер 1987 года, когда поднявшись на вершину Зай-горы с одним из первых комсомольских вожаков Качканарской стройки, Николаем Спиркиным, мы невольно углубились в тридцатилетнюю даль памяти, и предстали перед нами, будто воочию, молодые родные лица. А внизу, справа от вершины Зай-горы, глубоким кратером темнел главный карьер, где непрерывно сновали электровозы и, рассыпая, как змеи-Горынычи, искры из железной пасти, постоянно грызли свою каменную краюху восьмикубовые экскаваторы.

Люди оживили гору, и в памяти возникла прекрасная легенда о греческом художнике Пигмалионе, который силой своего таланта и любви оживил каменную скульптуру сказочной Галатеи.

Вечером на Зай-горе зажглись огни мощных ксеноновых ламп, осветивших карьер, 40-метровую плотину, за которой гнало волны искусственное Качканарское море. Там, где сейчас дно моря, когда-то стояла первая палатка строителей.

Подумать только: у подножья каменной скалы бродили медведи, лоси, можно было заметить маленькие тропки старателей. Ныне же, как могучие белые корабли, высятся в зеленом море корпуса фабрик, девятиэтажные жилые дома, а гору Долгую опоясали асфальтированные шоссе.

И вот однажды, возвратившись из Качканара, я достал свои старые комсомольские дневники. Это обычные школьные тетрадки в клетку.

Многие ведут дневники, но далеко не каждый рискнет отправить его в журнал или издательство. Дело, наверное, тут не в смелости, а в том, что очень часто записи делаются только для себя, автор в них главный, и по сути, единственный герой. И многое в рассказе о себе настолько личное, нередко интимное, что человек никогда не решится вынести свою исповедь на суд людской.

Когда я спустя годы (не годы — десятилетия) перечитал свои давние заметки, то «вдруг» обнаружил, что «интима» в них как раз даже не хватает. Не мне судить достоинство это или недостаток, а вот почему они именно такие, а не другие — попытаюсь объяснить. Так уж распорядилась судьба, что в молодости я был в гуще событий, меня всегда окружали люди. Разные. И вечерами, итожа прожитый день, делая торопливые пометки в тетради, я как бы заново встречался с ними, спорил, соглашался, убеждал. Может быть, кому-то покажется, что тетрадь рябит от фамилий. А мне все кажется, что кого-то я упустил, чьего-то имени не назвал и этим обидел, обошел хорошего человека.

Я не стал заново переписывать дневники, хотя сейчас, с высоты лет, многое видится иным. Правда, сразу же твердо оговорюсь: многое, но не главное. Дневник в известном смысле сама жизнь, которую никому не дано ни «переписать», ни прожить заново. Это дневник молодости, моей комсомольской молодости, он хранит приметы времени, и этим мне дорог. Кое-где, правда, я посчитал необходимыми коррективы, главным образом, дополнения. Они легко угадываются в тексте.

Итак, я открываю первую страницу тетради, на обложке которой крупно выведено: «1957 год».

... Вот уже несколько недель пробиваются через тайгу строители Уралсибэкскавации. Яков Вольский, Валерий Ердяков, Николай Кормильцев, командиры подразделений, ведут свои отряды к подножью горы Качканар, где по решению XX съезда партии будет построен новый флагман железно-рудной промышленности Урала. Отряду Я. Ф. Вольского предстоит проложить шоссейную дорогу от Нижней Туры к будущему городу.

Другой отряд во главе с Семеном Степановичем Мальцевым разбил первую палатку на берегу Выи. Я — в этом отряде. Завтра начнется наступление на Качканар.

Весенняя ночь. В двух шагах от костра — тьма. Днем Качканар возвышается над лесом как громадный кит над волнами океана. А сейчас этот кит, словно нырнув глубоко, слился с темным лесом.

Дорогие мои ребята! Они спят, тридцать семь мальчишек и девчонок, спяť сном великанов. В левой половине палатки — девчата, а правой — безусые строители. Посредине, между рядами спит, положив чемодан под голову, бывалый сапер и строитель Семен Степанович Мальцев. Ему, наверное, снятся строительные леса Магнитки и Уралмаша, военные мосты, которые поднимал и наводил он под шквальным огнем врага.

Завтра — первый день стройки, открывается первая страница истории нового города. И напишут ее не кто-нибудь, а мои земляки Илюша Машкин и Володя Дробинин из поселка Ис, Ваня Коптелов и Тамара Макаренко из города Нижняя Тура, Володя Шелконогов и Эдвиг Баудер из поселка Косья.

Спят мои друзья, я же не могу сомкнуть глаз. Вспомнил легенду о Качканаре, ее рассказал мне шахтерский мальчишка Мишка Кононов. Будто бы Качканар — это место, куда слетались орлы. Известно, орлы гнездятся на драгоценных камнях. И будто бы прятал Качканар под орлиными гнездами свои несметные богатства. Веками охраняли эти сокровища лесные люди — вогулы. Однажды пришли к горе злые разбойники, побили вогульскую стражу, разорили гнезда орлов. Но не разбогатели разбойники. Только поднимут драгоценный камень, а тот сразу и превратится в серую змейку, а змейка выскользнет из рук и спрячется в скалах. Говорят, услышав эту легенду, стал искать на Качканаре сокровища и Демидов.

Видимо, с той поры и повелось называть в народе гору Качканаром, что на языке вогулов означает «спрятанный».

Спят ребята — молодые орлы, строящие гнезда на драгоценных камнях. Они обязательно откроют шкатулку волшебной горы. А я думаю: какое счастье, что судьба свела меня с Качканаром.

Чтобы собрать материал для диссертации, решил я поехать электриком на Нижнетуринскую ГРЭС. Проработал полгода — избирают меня комсоргом, освобожденным. Вскоре стал я секретарем Нижнетуринского горкома комсомола.

И вот, вместо того, чтобы создавать научный трактат, сижу я у костра и пишу эти строки.

Утром начальник первого строительного управления Семен Степанович Мальцев проводит осмотр.

— У кого топоры и пилы — шаг вперед!...

Первое задание — рубить лес, расчищать площадку под палаточный городок.

Семен Степанович часто смотрит на часы. Ждем прихода

нового отряда добровольцев из Косьи во главе с Иваном Титовым. Этот отряд еще 25 мая вышел из поселка старателей и длинной цепочкой растянулся по Северному склону Качканар-горы, взяв курс на юг, к горе Долгой. Котомки с продуктами питания и топорами за спиной, вокруг поясов по-плотнически стянутые пилы — вот и вся немудреная экипировка косьинских добровольцев.

В полдень, когда поднялись на вершину перевала, Слава Иванов сказал Володе Болдыреву: «Ну-ка, Володя, погляди, гвозди в подошвах сапогов целы? Гора-то ведь магнитная!»

Болдырев, хотя и сам уже устал, но друзей подбадривал: «Ничего, добьемся! Скоро в этой тайге подымутся дома каменные, дворцы белоснежные, стадионы — лучшие в области!»

Но ребячьи головы все чаще поворачивались на север. Оно и понятно: там, позади отряда оставались родные дома, родители, друзья, у кого-то и жены с маленькими детьми...

Впереди бурелом, ночевки под открытым небом у костра.

На вершине Качканара ребята сделали привал. Все смотрели на склоны показавшейся впереди горы Долгой, где им суждено строить самый молодой город на Среднем Урале.

Что-то ждет их на этой Долгой...

Закипела работа. Рухнула первая сосна, говорят, что ее срубил Толя Торопицын. Одна за другой валились сосны...

Вслед за косьинцами прибывают нижнетуринцы. Их 200 человек. Еще год назад после решения XX партийного съезда, где была строка о Качканаре, горком комсомола создал этот отряд. Добровольцев учили вечерами, после работы, учили на площадках строительства Нижнетуринской ГРЭС. Учителями были комсомольцы-инженеры и техники Виллис Сагалов, Валя Оплетаева, Лида Новикова, а также опытные бригадиры коммунисты Борис Быстров, Георгий Ширококов, Николай Кохно.

Июнь. Такие отряды на стройку идут не только из Косьи и Нижней Туры. Со всех окрестных городов и поселков двинулась молодая рать — из Кушвы, Красноуральска, Верхней Салды, Иса, Выи. Идут группами, семьями, в одиночку.

Связист Василий Лобастов, шофер Василий Большагин, электрик Юрий Спиридонов, токарь Иван Крылов, плотник Володя Дробинин, печник Иван Захарович Шмень с сыном Георгием — каменщиком по профессии — люди разных специальностей, но одного настроения, были среди первых строителей Качканара.

С пятью детьми пришел сюда старый мастер отделочных работ Дмитрий Алексеевич Потехин, молодожены Алла и Владимир Дмитриевы — горные техники, братья Михаил и Александр Тупицыны, брат и сестра комсомольцы Шакирзяновы — Гарифуз и Гульфия.

Люди разных возрастов и разных специальностей, все они добровольно пришли к склону горы Долгой, чтобы своими руками вписать страницу в биографию эпохи.

48-летний китаец Лю-Тун-Сан, русские Юра и Валя Смердовы, башкир Мурляшкан Абувмалиев, немец Август Эрлих, украинец Иван Ложко, комсомолка-татарочка Руфа Гарифова — у всех у них была одна мечта — построить комбинат, новый промышленный центр Урала.

Среди добровольцев-строителей были и поэты — Винцент Шаргунов, Игорь Попов, и прозаики — Володя Шелконогов, Федор Татаров, Василий Михайлов, певица Вера Сидорова, артист Саша Рязанцев. Артистами, певцами, поэтами ребята и девчата будут, конечно, в свободное от работы время. Главная же их задача — рубить лес, готовить площадку под будущий комбинат и будущее жилье.

Через неделю на стройке появился Владимир Орлов — черноволосый, смуглый, сухой, всегда при улыбке, нижнетури́нский парикмахер с маленьким черным чемоданом, в котором звенел его нехитрый инструмент.

Под высокой рябиной открыл Володя Орлов первую парикмахерскую. Вечером до захода солнца юркий мастер наводит марафет на ребячьих физиономиях — за неделю все сумели обрасти. С каждым днем шли и шли люди на стройку, и Володе Орлову скучать было некогда — прибывали новые клиенты.

Ребят, занятых на рубке леса, подстерегал коварный энцефалитный клещ, который до середины июля находится обычно в активной форме. И хотя принимались все меры предосторожности, злодейские укусы клеща иногда приводили к тяжелым заболеваниям. Один из первых строителей — Борис Казанцев, на всю жизнь остался инвалидом. Такое тоже было — были потери в отряде первостроителей.

Наступление на тайгу продолжалось.

В конце месяца созываем первое комсомольское собрание. Вечер. Палатки. Хлещет дождь. Ненастье вторую неделю. Почти не вижу лиц ребят: тускло горит «летучая мышь». Только через неделю заведем походную электростанцию.

Повестка собрания: «О революционных традициях комсомола». Говорю о преемственности поколений, о том, что Качканар для нас — это Магнитка и Комсомольск. Увлечшись, рассказываю, каким будет наш город — самым светлым и самым красивым. Говорю уже час о будущем комбинате. Немного фантазируя, вспоминаю «Город Солнца» Кампанеллы. А между тем дождь хлещет все сильнее, шумит тайга. И вдруг рядом с палаткой что-то затрещало, грохнуло...

— Да сказки все это ... Хватит! — вдруг раздается чей-то голос. Не могу разглядеть, кто это, но меня берет зло.

— Вру, значит! Смотри! — Развертываю генеральный план будущего Качканара. И отчетливо вижу его дома, его улицы, залитые ярким электрическим светом...

Решение первого комсомольского собрания:

1. Считать главной задачей комсомольской организации построить комбинат в установленный правительством срок.

2. Комсомольцам и всем молодым рабочим быть верными традициям героев Магнитки и Комсомольска-на-Амуре.

Июль. Комсомольская организация Нижней Туры считает себя мобилизованной на строительство комбината. Лучшим вручаются путевки.

Наш горком гудит как улей, собрались активисты. Многие написали заявления — просят направить на стройку.

Смотрю на Женю Едигарьева. Он комсорг Исовского железнодорожного депо, помощник машиниста. Спрашиваю:

— Готов?

— Жалко, Федя, паровоз бросать. Как я буду без паровоза?

— Ничего, Женя, будешь водить электровозы с рудой. Возглавишь комсомольскую организацию на строительстве промбазы и будущей железнодорожной станции?

Женька в своем депо стал прощаться. Голос дрожит. Старый машинист подбадривал: «Встретимся на Качканаре». И когда тот уходил, дал длинный прощальный гудок. Женька не выдержал, бросился бежать. А вскоре старый машинист коммунист Патрушев тоже был на Качканаре.

Николай Иванов... Горком послал Иванова на самый трудный участок — строительство железнодорожной ветки Азиатская—Качканар. Удивительный человек Коля Иванов. Ему сказали: «Горком дает тебе комсомольское поручение». Он в ответ: «Наша жизнь — вот наше самое главное поручение».

Его жизнь действительно интересное поручение. Несколько лет назад Николай вернулся с солдатской службы, стал работать водителем дрезины подсобного хозяйства Исовского прииска; веселого гармониста комсомольцы хозяйства избрали своим вожаком. До всего было дело комсоргу. Годами возле клуба на широком пустыре бродил скот, дождевые воды собирались здесь в огромные лужи. Николай как-то воскресным утром вывел комсомольцев на субботник, и на пустыре закипела работа... Каждой весной на бывшем пустыре зеленеют кусты рябины и черемухи. Люди вспоминают веселого парня. Сад, заложенный на пустыре, теперь зовут именем Коли Иванова. Задумал он построить и пруд, развести карасей. Несколько ночей делал запруду, а потом исчез: уехал в город за карасями и привез. Поселковые мальчишки с удочкой сидят на берегу пруда. Прижилась рыба.

В запущенном состоянии был водопровод на ферме. Директор распорядился возить воду на лошадях. Не мог Николай согласиться с этим. Мало того, что хозяйство понесет убытки от такого «водоснабжения» коров, главное же он видел, какой тяжелый труд ложится на плечи молодых работниц. Спор Николая с директором закончился на партсобрании. Водопровод восстановили.

Вот такого парня послал горком комсомола на разъезд Вагановку, где строилась железнодорожная ветка.

Илья Машкин — первый комсорг отряда строителей на горе

Долгой, а Николай Иванов — первый секретарь комитета ВЛКСМ строителей железной дороги Азиатская—Качканар.

Люди на стройку железной дороги собирались отовсюду, народу много — коллектива нет. Там «гастролировал» со своей «капеллой» некий Митяй, темная, говорили о нем, личность. Николай как приехал, сразу поехал в бригаду путеукладчиков и весь день забивал костыли. Вечером решил провести собрание в клубе.

Вдруг ввалился Митяй.

— Кончай трепаться! Плясать будем!

— А ну, выйди, — спокойно сказал Николай.

— Это что за чудо? Катись... — прохрипел Митяй.

А кто такой Коля Иванов? Это метр девяносто роста и недюжинная сила. Митяй покосился, но драться не посмел.

Каждое утро уходил Николай с ребятами на трассу. Он агитировал не словом — делом. Митяй забастовал:

— Не пойдем работать! Какой смысл копаться в этой грязи?!

— Дорогу тянем.

— Я скоро ноги сам протяну или на костыли встану... Не пойду! И остальные отказываются.

Николай встал один. Затем поднялся молодой инженер. Работали час вдвоем. Затем пришли и остальные, последним Митяй:

— Других бы агитаторов я — в морду. А ты парень свой...

— Митяй помогает мне «сознательную» молодежь поднимать на общественные дела «несознательными» методами, — пошутил позднее Николай.

— Братцы! Вагановка будет центром мирового футбола! — провозгласил однажды Коля Иванов и повел ребят на покос — строить футбольное поле.

Ничего героического он там не делал. Он просто доказывал, что и на Вагановке можно интересно жить и к чему-то стремиться. Вскоре на поле встретились футбольные команды строительно-монтажного поезда № 18 и Кушвы, Нижней Туры и других городов. Появилась и своя художественная самодеятельность.

Лучшая забота о будущем — это забота о настоящем дне. Надо только, чтобы он всегда был хоть чуть-чуть лучше вчерашнего.

Июль. В горком комсомола Нижней Туры приехал парторг Качканара Василий Алексеевич Попов: нужны квалифицированные кадры. А где их взять? Значит, надо снова учить ребят. На новостройке ГРЭС новые курсы «качканарцев». По вечерам весь комсомольский актив города становится каменщиками, малярами, монтажниками. На базе электростанции открыли общественный техникум. Преподают комсомольцы-инженеры. Бесплатно.

Сентябрь. Секретарь горкома партии перед отъездом в ко-

мандировку зашел в орготдел и торопливо сказал зав. отделом Барышникову:

— Павел Степанович, подбери кандидатуру председателя профсоюзного комитета на Качканар.

Легко сказать — подбери! Нужен опытный организатор, специалист. А единственный в городе строительный коллектив ГРЭС сворачивал свои последние подразделения, откомандировывал лучших людей на другие объекты. Один уехал главным инженером на стройку Белоярской атомной электростанции, другие в Казахстане закладывают фундамент новой ГРЭС, кое-кто уже собирается на пенсию.

Вызывают в горком коммунистов. Как вечер—день, так одна беседа сменяет другую. Поиск труднее день ото дня. Есть образование — нет опыта, а есть опыт — нет здоровья идти туда, где пока только вековые кедры да сосны. И удивительнее всего то, что даже самые искренние друзья Павла Степановича Барышникова убеждали меня, будто он сгоряча бухнул на вопрос секретаря горкома — подобран ли человек на Качканар:

— Да!

— Кто едет?

— Я сам...

Твердо убежден, что лишь естественным плодом длительно-го воспитания в себе самоотверженности, беззаветности бывают такие решения. Ведь еще в трудном тысяча девятьсот сорок втором, январским студеным утром, во время боя за станцию Мга под Ленинградом помощник начальника штаба полка Павел Степанович Барышников был тяжело ранен в обе ноги. Врачи решили твердо: ампутация. Раненый решил еще тверже: бой за сохранение ног. Вместе с ним рискует один из профессоров. Через год, опираясь на трость, П. С. Барышников вернулся на передовую, в штаб дивизии.

Октябрь. Павла Степановича яростно атакуют друзья детства:

— Подумать только! Вырос с нами, был нашим партийным вожаком, знал как создавалась заводская библиотека металлургов. И надо же! Всю библиотеку перевез на Качканар. Что — здесь не люди остались?

— Братцы, — уговаривал Павел Степанович. — Да у вас городская библиотека под носом и до грэсовской рукой подать, а там же ребята в лесу. Совесть-то у вас есть? Им книги вот как нужны...

И у маленькой палатки в очередь за книгами стояли качканарцы, чтобы еще раз прочесть, как Павка Корчагин с друзьями пробивался сквозь огонь белобандитских обрезов с железнодорожной узкоколейки к берегу комсомольского братства.

Ноябрь. На вершине горы Качканар — снег. Деревья роняют листву. Холодный ветер. Под новые деревянные домики закладывают фундаменты. Зимой, возможно, придется встречать

в палатках. Но ребята не унывают. В палаточном городе уже 20 брезентовых домиков связаны друг с другом тротуарами, которые напоминают улицу. Вечерами всюду поют, и унылый лес уже не кажется таким унылым.

При свете керосиновой лампы и свечей Люда Суходолова, молодой врач, осматривала первого новорожденного — гражданина, у которого потом в паспорте будет значиться: место рождения — Качканар. Валерка Иванов громко кричал, извещая палатки и глухой лес вокруг о своем появлении. Вы когда-нибудь слышали в горах, где еще нет ни одного здания, как кричит новорожденный? Далеко слышно.

А вот Павел Степанович Барышников, думаю, наверное, и радовался, и печалился: появился первый претендент на ясли...

Декабрь. Лютый мороз. Ночь. Пурга рвет брезент палаток, вырывает с корнями старые кедры. Печки-«буржуйки» пылают как тропические закаты. Железные печки согревают дремучий лес, согревают мальчишек и девчонок. Согревают первого парторга стройки Василия Алексеевича Попова, его друга Павла Степановича Барышникова, Нину Федоровну Литвиненко — коменданта палаточного городка в горах.

Не из темного дремучего леса пришла беда, а из печки-«буржуйки». Вспыхнула палатка, другая... шестая. И были накрыты голые ребячьи плечи рухнувшими горящими полотнами. Накрыло их сонными, как витязей Ермака кучумовы воины. Шестерых обгоревших парней повез той ночью Павел Степанович Барышников за 40 километров, в ближайшую больницу. Торопился. Торопился не опоздать. Говорит: каждый километр дороги напоминал ему фронтовые километры.

Но все кончилось благополучно — ребята остались живы.

На исходе декабря выдали ордера в первые восемь деревянных домов на самой первой улице Качканарской — дома с паровым отоплением. Вначале решили в двух домах открыть общежитие — но на комсомольском собрании Иван Ложко внес предложение, а точнее просто сказал: в палатках живут много семейных. Потерпим, ребята, еще немного до тех пор, пока все наши товарищи, у которых есть дети, не перейдут в дома. Не мерзнуть же детишкам. Это будет по совести, по-комсомольски.

Вскоре заложили фундаменты под дома новой улицы — улицы Мира.

С появлением первых домов настроение у ребят заметно поднимается. Илюша Машкин рассказывал мне: «Иду вчера вечером с лесоповала, спускаясь с горы, смотрю на наш рождающийся поселок, и кажется мне — вдали как будто гряда мерцающих углей в гигантском костре светит. Как представлю здесь, на склоне Долгой, улицы одна над другой — так это же амфитеатр в тайге!».

Год 1958. Январь. В новогоднем номере стенгазеты палаточного городка появилась заметка Станислава Кошиля, кото-

рому в Нижнетуринском ГК ВЛКСМ вручили первую комсомольскую путевку:

«Какой он будет, город Качканар? Мы представляем его красивым, зеленым, современным, способным соперничать с любым уральским городом. Да и не только с уральским.

Когда мы пишем письма родным, мы подыскиваем слова для описания Качканара...».

Милый Стасик! Маленький, худенький и бледнолицый от усталости и забот, он только что сошел со школьной скамьи. Когда Стасик идет по снежным барханам на площадку лесоповала, мы видим мохнатую шубу и руки. Кажется, какая-то диковинная птица машет крыльями, пытается вырваться из снежного плена — хочет взлететь.

Какая недюжинная сила в этом юноше, с виду подростке. Особенно хрупким выглядит он на лесоповале, в соседстве с кряжистыми — в два обхвата — соснами. Ну, где, думается, управиться ему с толстыми тяжелыми хлыстами, к которым и подойти-то страшновато. А Стасик не пасует, он из той породы людей, которые крепки не физической силой, силой духа, силой характера. Такие летают высоко.

Я смотрю на Стасика и вспоминаю недавнюю поездку в Москву. Я ходил по улицам столицы еще неостывшей от стройки, ежеминутно думая о том, каково сейчас придется ребятам в тайге, и невольно поймал себя на том, что смотрю на московскую круговерть «качканарскими» глазами.

С Сашей Куклиновым, тогдашним первым секретарем Свердловского обкома ВЛКСМ, зашли пообедать в ресторан. Обслуживали нас дюжие молодцы, одетые с иголки, с неизменной франтоватой «бабочкой». Стоят они у стойки, лениво переговариваясь, к столику подойти не спешат. Знать, наметанным глазом определили, что клиенты не из тех, кто, картинно рисуясь, кидает на стол щедрые чаевые. Чувствую, как во мне закипает злость.

Наконец один соизволил подойти к нам, небрежно принял заказ. В упор его спрашиваю:

— Разве тебе здесь надо работать?

— А где? — удивляется официант и весь как-то подобрался.

— Как где, — отвечаю. — На Урале, на Качканаре, на комсомольской стройке! Поедем со мной, работы мужицкой там невпроворот. У нас девчонки бревна таскают, а ты тарелки. По совести-то надо бы наоборот. Как думаешь?

Парень набычился, отошел. Обслужил нас, правда, быстро, хотя поглядывал на меня не скажу чтоб очень ласково. Когда с Сашей уходили из ресторана, от стойки донеслось пренебрежительное: «Максималист».

Как легко убаюкивают люди свою совесть! Наклеил ярлык на человека и вроде разом очистил душу: чего, мол, спорить с такими, от них самое разумное держаться подальше.

... Сколько раз потом, на своем веку, мне доведется слышать

это слово! Поначалу я не то, что обижался, нет, этого не было, была какая-то неуютность, но со временем понял и сейчас твердо убежден: это не упрек, это лучшее подтверждение твоей правоты.

На днях из областного центра приехала авторитетная комиссия — проверяли работу комсомольской организации строителей дороги. Комиссию возглавлял Феликс, мой старый знакомый по институту.

На бюро горкома Феликс остро критиковал комсомола за серьезные промахи в воспитательной работе среди строителей. Чувствовалось, что докладчик хорошо знает комсомольское строительство.

«Вот бы такого парня избрать комсоргом стройки! Какой сильный и умный вожак поведет отряды первопроходцев на штурм тайги», — подумали о нем многие. Такая же мысль мелькнула и у меня.

— Феликс, оставайся на Качканаре, — решил я рискнуть. — У тебя опыт, способности организатора, высшее образование.

— Ты что, шутишь, друг? — встревоженно спросил он. — У меня же квартира в Свердловске.

— Квартиру дадим.

— У меня интересная работа. — Он уже не мог скрыть раздражения.

— А разве работа комсорга стройки менее интересная?

— Да ты что, с ума сошел?.. Осенью иду в аспирантуру. Понимаешь какие у меня планы?..

Я и тогда понимал, что аналогия — не метод доказательства. Но так хотелось высказать ее, спросить у такого: а если вдруг придется пойти нам с тобой в разведку, в тыл врага, это не помешает, твоим планам?

Алеша Воробьев, Володя Куршпель, Нина Молчанова, Миша Домаренко, Леня Зеленцов, молодые талантливые инженеры, к слову, тоже мечтали об аспирантуре со студенческой скамьи, но по призыву ЦК ВЛКСМ поехали по комсомольским путевкам на стройку Качканара. И Качканар стал для них школой жизни. Сейчас Алеша Воробьев — министр строительства в одной из союзных республик, Володя Куршпель — кандидат технических наук, работает в Уральском политехническом институте, Нина Молчанова — научный сотрудник в одном из НИИ в Москве. Тысячами дорог шли на Качканар первопроходцы, а отсюда уходили одним путем в большую интересную жизнь.

Февраль 1958 года. Сдана в эксплуатацию новая группа домов. Праздничное, шумное новоселье. Потом повелось — в низеньких деревянных домиках всю ночь не гасят огней: это же первые огни! Комсомольцы вечерами после работы строят клуб.

У комитета комсомола тоже новоселье: ребята получили небольшую комнату в домике на первой улице. Она, конечно же, Качканарская...

В комитете ВЛКСМ двое: Толя Торопицын, комсорг стройки, и Коля Спиркин, инструктор горкома комсомола. Входит высокий толстолицый мужчина в пыжиковой шапке, в новом пальто с каракулевым воротником. Спрашивает начальствующим голосом: «Где секретарь?».

Торопицын смущен.

— Ну, я секретарь.

— Развалили всю работу ДОСААФ! Вы еще за это будете отвечать! — возмущается хозяин пыжиковой шапки.

— Да, вы правы, товарищ, — спешит на выручку Коля Спиркин, — но поймите и нас: стройка только начинается, живем в палатках.

— Бросьте эти отговорки. Работать надо, а не оправдываться.

— А вы, собственно, из какого органа? — спросили посетителя.

— Не из органа, я из Новой Ляли.

— При чем тут Новая Ляля?

— Вот приехал, думал, тир у вас есть. Хотел заведующим устроиться.

— Ах, ты шкура! — бесцеремонно объясняют ребята. — Иди лес сначала под площадку стрелкового тира поруби... Подай ему, видите ли, место заведующего. Вон, посмотри, механик Георгий Захаров приехал монтировать оборудование будущего комбината, а пока варит ребятам флотские борщи. Варит на ветру под дощатой крышей.

И ребята долго и с жаром разъясняли «пыжиковой шапке», что каждый должен вносить свой кирпичик в общее здание коммунизма. И что главная сторона жизни каждого из нас — измеряет свое личное счастье тем количеством кирпичиков, которое вложил в это прекрасное здание. Но пришелец не понял ребят и, хлопнув дверью, ушел.

Да, не все принимали этот комсомольский настрой.

Работал на стройке плотник Равиль Ахметзянов. Вначале он был активный оратор на комсомольских собраниях. Его заметили. А когда решил жениться, то комитет ВЛКСМ стал готовить комсомольскую свадьбу. Дали комнату вне очереди. Но Равилю показалось этого мало: пришел в комсомольский комитет и предъявил условия: купите шифоньер, книжный шкаф и т. д. «За что?» — спросили комсомольцы.

«Как — за что? Я же активист». Непонятный, Равиль покинул стройку.

Апрель. Весна с трудом пробивается на Качканар: в горах всегда студенее. Первая весна города.

Открыт детский садик. В доме всего 60 кроваток, а над тайгой уже вспыхивает столько детских голосов, что, кажется, будущий город получится из одних детсадов и яслей. Ребятишки лежат по двое на кроватке, как карточные валетики. И под кроватками — тоже.

Радостный входит Павел Степанович Барышников в комнату с табличкой «Постройком». У окна — старенький, невеселый стол. За ним Шура Иванова, кассир. Она только что вернулась из города, пересчитывает полученные из госбанка деньги.

Вдруг — то ли весенний веселый ветер, то ли взрывная волна со стороны близ работающих уралспецстроевцев — тряхнуло стол. Деньги — на полу. Шура плачет. Ее плач подхватывают вносимые матерями младенцы. Бойкие юные женщины с ребятишками на руках.

— Мест в детском комбинате нет. Придется, дорогие друзья, еще немного потерпеть, — вразумляет Барышников.

Солдатки...

Первый отряд качканарских призывников во главе с Ваней Коптеловым ушел еще осенью на военную службу. У некоторых из них остались молоденькие жены с детьми. И нет ни бабушек, ни свекровей у них здесь. Это же комсомольская стройка.

И в который раз шагает Барышников в детский сад, готовый выслушать любые упреки его заведующей, лишь бы устроить хотя бы еще одного-двух малышей за теплыми стенами приземистого домика.

22 апреля.

Концерт в маленьком деревянном клубе, построенном молодыми строителями после рабочих смен. Зал набит до отказа. Концерт, посвященный памяти В. И. Ленина, подготовили Саша Рязанцев, Лида Шишова, Руфа Голова, Вера Сидорова, Виктор Митюнин, Люся Столбова, Зоя Кузьмина. Мира Михайловна Мальцева волнуется. Еще бы — это первый концерт Качканарской художественной самодеятельности. Скоро выйдет на сцену электрик Саша Рязанцев и воспроизведет отрывок речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ. И когда Саша, загримированный под вождя революции, пойдет через зал клуба, все встанут. Бурные овации. Каждый сидящий в зале как бы вбирает в себя энергию тех поколений, что свершили революцию, которые вывели нашу страну на рельсы революции. Какой-то холод сковывает виски, и слезы сами собой наворачиваются. Это момент необычайно сложный. В эти минуты каждый становится смелее, решительнее, готовый в любую минуту пожертвовать собой ради нашей победы. Ребята уходили с концерта возбужденными.

Да, в любом деле всегда есть место подвигу.

На кустарном бетонном узле до 70 кубометров бетона в смену дает мастер Зина Дымчук — член комсомольского комитета. Маленький арматурный участок стал родным Юре Камаеву, Алеше Шалину. Юра — невысокий, худенький, но бойкий парень. Очень любит, когда его называют Юрий Александрович. Не давай ему премии, только зови по имени-отчеству! Алеша — крупный, высокий, широкоплечий великан. Всегда серьезный. Ждет, бывало, машину, чтобы подбросить семипудо-

вую бухту арматуры от временного склада до промбазы — это примерно три километра, не дождется — и бухту на плечо. И шагает по лежневке, весело насвистывая. Но ребята верят, что скоро построят мощный завод железобетонных изделий, арматурный цех, будет и свой деревоотделочный комбинат. А пока надо ждать и работать в этих условиях — условиях нелегких, особенно для тех, кто работает взахлеб, без страховки.

Часто годы уносят прелесть таких переживаний. Человек порой на прошлое смотрит бесстрастными глазами, почти равнодушными. Верю, с нами этого никогда не случится.

Май.

С той поры, когда в июне прошлого года заложили фундамент под первый деревянный дом на пересечении будущих проектируемых улиц Качканарской и Октябрьской, вырос уже поселок, в котором около восьми тысяч квадратных метров жилья. Сегодня разобрали последнюю палатку, а недавно, 8 марта, вошла в строй первая, хотя и в деревянном здании, но настоящая столовая, с пищеблоком, здесь и большой зал с маленькими блестящими аккуратными столиками. Баня тоже есть, находится в бревенчатой избе. Клуб не вмещает желающих, но зато все удовольствия: и кино, и танцы на открытой площадке, и громкоговоритель на березе...

Готовимся закладывать новый четырехэтажный дом молодежного общежития. Строить дома будет комсомольско-молодежная бригада им. XIII съезда ВЛКСМ, возглавляет ее Павел Бочкарев. Вместе с Володей Кусовым дали мы на днях Павлу свои рекомендации в кандидаты в члены КПСС.

И на строительство детских садов, первых школ направлялись лучшие молодежные бригады: Николая Семенова, Геннадия Глоя, Володи Лучины, Василисы Григорьевны Петри.

В маленькой комнатке деревянного домика заканчивали первый качканарский год 23 ученика (это уже не пять, как было на начало сентября 1957 года). Первые учителя Галина Владимировна Наумова, Мария Александровна Прохорова, Вера Кузьминична Матвеева — мужественно делили трудности первопроходцев: их не пугала жизнь в палатках, любые морозы, снежные бури в тайге глухоманной, не страшило их и отсутствие комфорта. Они также боролись за новый город горняков, учили детей, как им жить, на личном примере.

Даже прораб Ерофеев, беспощадно резкий, ходивший неизменно в галифе и нагонявший страх на самых бесшабашных парней, встречая поздним морозным вечером учителей у своей палатки, всегда гасил огонь своего пронзительного искрометного взгляда и превращался на миг в человека стеснительного, и даже напоминал чем-то школьника, который уже успел где-то набедокурить.

Июнь.

Разгар работ на строительстве производственной базы. По единственной улице Качканара идут двое: Василий Алексеевич

Попов, парторг стройки, и Ваня Крылов, комсорг гаража. Они спешат на митинг: в первый рейс отправляется автоколонна имени Ленинского комсомола.

Митинг будет на промбазе, где комсомольским строительным комплексом командует энергичный, веселый Володя Куршпель и задумчивый, неразговорчивый Алеша Воробьев, им нет и на двоих пятидесяти. Но о чем говорят идущие?

— Раю поседели виски у ребят...

Нет, никто не ослышался... Но какой огонь сжигает Володькины темные кудри, осыпая голову пеплом? Как в комсомольской песне отцов: «Мы в двадцать лет седели и старели в шестьдесят...».

А нытики еще ворчат, что молодежь пошла не та!..

Радио принесло радостную весть: Качканар объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Тысячи молодых людей по призыву XIII съезда ВЛКСМ обратились в ЦК комсомола с просьбой направить их на Качканар.

Начинается новая жизнь среди гор и лесов, посреди Урала. Июль.

Таким он был, наш первый качканарский год. Молодые строители отвоевывали у тайги километр за километром, вгрызались в мерзлую землю, закладывая фундаменты будущего комбината, а по вечерам, собравшись вокруг костра или набившись (так теплее!) до невероятной тесноты в мокрую палатку, мечтали о своем городе, о своем комбинате.

Мы знали, что проектная мощность будущего гиганта определена в тридцать три миллиона тонн сырой руды, а его конечный продукт — 2,8 миллиона тонн агломерата. Знали мнение ученых довести в будущем добычу железной руды до сорока миллионов тонн в год. Цифры впечатляющие, но разве могли неискушенные в горном деле парни и девчата соотнести эти миллионы с тем объемом работ, который предстояло выполнить? Куда понятнее для нас был язык других цифр: прежде чем комбинат выдаст агломерат и окатыши, надо переработать пятнадцать миллионов кубометров грунта, уложить пятьсот семьдесят тысяч кубометров бетона, проложить сто с лишним километров железнодорожных путей. Буквально перевернуть горы. Такие задачи стояли перед строителями уникального комбината.

14 июля. В этот день освобождения Урала от Колчака горком комсомола организовал поездку молодых качканарцев в Нижнюю Туру, к памятнику героям гражданской войны.

Это было до Октября... Жил в Нижней Туре, на Заречной улице, рабочий паренек. Звали его Павлом. Павел Шиханов. По четырнадцать—шестнадцать часов в сутки катал он железные листы на старом металлургическом заводе. А рядом в глухом таежном поселке Ис, в старательской артели мыл от зари до зари песок, добывая золото, его друг и сверстник Гриша Бутков. Железо и золото. Богатство России. Только не богатели

Россия от трудов этих парней и их сверстников. Изнуряющий труд, штрафы и зуботычины, слезы и пот отливались в золотые слитки.

По главным улицам рабочих поселков сытые тройки проносили бесновавшихся в пьяном разгуле промышленников. А в грязных закоулках рабочих окраин бродили голод и нищета.

На горе Шайтан, над рекой Турой, где шумели вековые сосны, поклялись Павел и Григорий сделать глухой таежный край счастливым и преобразенным.

Павел Шиханов и Григорий Бутков всем сердцем приняли революцию. За это большевистское дело и погибли.

Затаив дыхание, ребята слушали рассказ старого большевика Павла Непрозванного о том, как зверски мучали колчаковцы первого комсомольского секретаря металлургического завода Женю Толмачева и его 12 друзей — комсомольцев. И на этом сборе решили ребята построить за городским прудом на месте гибели Жени Толмачева и его друзей памятник героям-комсомольцам.

Памятник построили!

Август.

Лето готовится уступить дорогу второй качканарской осени. В маленьком клубе строителей частые гости — уральские поэты. На творческих вечерах со своими стихами и земляки-качканарцы — Винцент Шаргунов, Игорь Попов. Завидую. Стихи — мое увлечение. Но читать свое на этих встречах стесняюсь. А, кажется, каждый шаг выбивает в сердце новые строки.

Вот перерыв. Умолкли взрывы, грохот машин. За хребтом садится солнце...

Заблудилась песня в перелеске,
Отдохнуть присела возле пней.
И березка в золотых подвесках,
Наклонясь, шептала что-то ей...

Сентябрь.

Ивану Ложко бросили в лицо на комсомольском собрании:
— Ты опозорил честь качканарца!

Иван Ложко, не поднимая головы, молчал.

Ребята бушевали. Многие из выступавших предложили: Ивану покинуть стройку. Выгнать его из Качканара. И тогда Иван закрыл лицо руками, плечи его дрогнули.

— Все, что хотите. Давайте любое задание, но оставьте на Качканаре...

Ивану Ложко, члену комитета комсомола стройки, было поручено дежурство в клубе. Поздно вечером туда ворвалась ватага подвыпивших парней, только приехавших на Качканар. Иван подошел к ребятам и попросил не шуметь. Те не обратили внимания на его слова. Тогда Иван выдворил их из клуба. Когда же он вышел на улицу, на него напали: нож скользнул по его плечу. Иван не пошел за помощью, чтобы задержать хули-

ганов, а взял обрезок арматуры и бросился «наводить порядок» в палатку ко вновь прибывшим. Кое-кого пришлось увозить в больницу в Нижнюю Туру.

Ребятам обидно за Ивана и жалко, но такие ошибки здесь не прощаются: член комитета есть член комитета. Спрос с него вдвойне. Остался Иван на Качканаре, но со строгим выговором в комсомольской карточке.

... Оторвавшись от дневника, скажу наперед: через 10 лет Ваня Ложко, пришедший на стройку демобилизованным воином с комсомольской путевкой, станет техником-строителем, активным коммунистом и ему доверят руководить асфальтовым заводом...

По инициативе комитета комсомола возле построенного первого дома поставили большой фанерный щит, на котором нарисован генеральный план будущего поселка и комбината. Идущие с работы ребята часто и подолгу стоят около щита. Когда-то это построим?

Октябрь.

Открыли школу рабочей молодежи. Девяносто три молодых строителя вечерами садятся за парты. Вчера беседовал с Тамарой Макаренко. Жалуется на нее завуч школы — не ходит на занятия. Кареюкая, стройная певунья. Одна из самых-самых первых девушек на стройке, и вдруг, недисциплинированность. Не поверил вначале. «Может быть, болеет», — спросил завуча. Отвечает — здорова! Пригласили Тамару в комитет комсомола. Пришла как всегда, с улыбочкой. «Школу бросила и улыбаешься», — говорю ей. Сразу сникла, колени сомкнула, вся ссутулилась и стала какой-то маленькой. Вот-вот заплачет. «Что, предметы не все идут у тебя, Тамара? Может, помочь тебе?»

— Не надо, Федя.

— В чем же дело?

— Брата в армию призвали. Жена его, учительша, взяла и выскочила за другого. Интеллигентнашла, а брат — парень из рабочих. Но если бы ты знал, какой он у меня! Из-за нее не могу идти в школу. Как увижу ее на уроке...

Смахнула слезу, встала.

— Ну, я пойду, бригада за меня беспокоится.

Декабрь.

В котельной авария. Вышел из строя котел. Ждать, когда он остынет, чтобы начать ремонт — это поставить под угрозу отопительную систему в поселке. Мороз сильный. Могут лопнуть радиаторы и регистры в домах, детском садике, больнице.

Кочегар Игорь, тот, что на литературных вечерах читает свои стихи, решает: надеть несколько мокрых комбинезонов и начать ремонт внутри горячего котла. Он первый залез в пышущую жаром машину. Через два часа тепло пошло в дома... Рабочий поэт...

Топор Толи Торопицына, которым будто бы он срубил первую сосну на стройке, выставили в Свердловском краеведче-

ском музее. На топорыше — размашистый автограф Анатолия. А на Качканар началось полонничество туристов, и все просят его: «Подарите нам ваш первый топор». Говорят, что закупил множество топоров и наказал жене: «Выдавай по одному». Но потом ему все-таки нечем стало колоть дрова.

Ребята смеются...

А сейчас я должен пояснить свою оговорку относительно первого топора и первой срубленной сосны на Качканаре. Нет, я ни в коем случае не хочу бросить даже тень сомнения на хорошего парня Толю Торопицына, а просто расскажу, как было дело, как делается история.

Вскоре после начала стройки на Качканар приехал фотокорреспондент областной молодежной газеты «На смену!» со спецзаданием от редакции: снять крупным планом героя, повалившего первую сосну. Естественно, его направили в бригаду Мальцева. Подошел корреспондент к ребятам со своим вопросом. Те пожимают плечами:

— А кто его знает...

И этот ответ был сушей правдой. Бригада одновременно, но в разных точках, начала рубку леса, и пойдя разберись, кто первым нанес удар топором, а кто первым свалил дерево. Ни тогда, ни теперь они не придавали этому факту решающего значения. Видя, что от настырного газетчика так просто не отделаться, парни отослали его к бригадиру: он старшой, пусть и выкручивается!

Семен Степанович Мальцев тоже пытался внушить журналисту, что герой вся бригада, а не отдельно взятая личность. Видя, что только напрасно теряет время, обвел глазами ребят. Ближе всех к нему стоял Толя Торопицын. Бригадир обрадованно кивнул в его сторону:

— Вот он, первый!

На стройку продолжают прибывать отряды комсомольцев. Многие из них — Рудик Рагозин, Вера Сидорова, Эмма Прокопенко, Степан Жеребной — помогают организовать художественную самодеятельность, субботники, вечерами проектируют танцплощадку, стадион.

За столом комитета комсомола — Галя Маркина, невысокая темноволосая, голубоглазая, с приветливым милым лицом. На днях ее избрали заместителем секретаря, она была мастером в первом строительном управлении. На комсомольскую работу пошла охотно. А есть и иные.

На одном собрании, например, предложили Игорю Денежкину возглавить комсомольскую организацию. На сцену поднялся солидный молодой человек с институтским значком на лацкане костюма. На предложение ребят стать комсоргом: «Велика честь, спасибо за доверие, но это ущемляет меня материально, не смогу...».

До этого собрания он нравился многим...

Галя Маркина избрание приняла как награду. У нее на иж-

дивении мать и сестренка, но она идет на «материальное ущемление». Почему?

Возможно, есть характеры комсомольские и некомсомольские, хотя все члены ВЛКСМ. Характеры проявляются в деле.

Помнится, бригада Николая Семенова выкладывала кирпичные колонны на новой котельной. Закончили смену. Сделали замер, и Галя, как мастер, поздно увидела, что из-за ее просчета колонна оказалась смещенной на полметра. И бригадир долго смотрел на ребят, а ребята — на сумеречное сентябрьское небо... Кирпич за кирпичом разбирали семеновцы во главе с Галей колонну всю ночь, длинную и холодную. А потом клали кирпич за кирпичом. Коля Семенов, Юра Смердов, Боря Смирнов — вся бригада. Утром колонна гордо возвышалась на положенном месте. Для Гали это самое дорогое сооружение, и для своих товарищей она пойдет на любое задание.

Я думаю о ней, опять отвлекаясь от дневника: какая она стала? Не забыла ли Галя, как строили первую маленькую котельную тогда, еще на Качканаре, как ходила она по разбросанным по тайге участкам? Увидит в дальних бригадах, что ребята в обед бутерброды жуют всухомятку — и нет ей уже покоя, она требует, добивается: нужны специальные передвижные кухни, как у трактористов на полевых станах.

В одном ирландском старинном замке, гласит предание, в стене замурован волшебный камень. Тот, кто коснется этого камня, станет кратко и красиво выражать свои мысли. Даже если бы мне и довелось найти этот камень, вряд ли я смог выразить достаточно полно свое восхищение этой беспокойной девушкой. Галя Маркина построила, как и мечтала, комбинат в тайге, уехала на новую стройку шестой асбофабрики в город Асбест. Затем работала там в горкоме партии, но ее продолжали звать строительные леса и монтажные площадки.

Январь 1959 года.

Комсомольский штаб стройки бьет тревогу: арматурщики из бригады Алексея Шалина вручную режут арматуру, огромные гильотинные ножницы снабженцы не могут привезти из Нижней Туры. Штабисты во главе с Женей Конаревым сами занялись отгрузкой агрегата.

Штаб организует рейды по использованию строительных машин, систематически проводит комсомольские оперативки при управляющем треста М. В. Левитском, патрулируем по ночным улицам Качканара. За все в ответе комсомольцы.

Март.

О качканарцах все больше и больше узнают в области. О них вдохновенно рассказывал на днях Сережа Самойлов, один из наших первостроителей, на областном слете бригадиров комсомольско-молодежных бригад в Свердловском Доме офицеров. Правда, в начале выступления вышла заминка: Сережа начал читать речь, заранее написанную комсомольским начальством, там были такие витиеватые обороты, что оратор в них

запутался. Но когда из президиума слета Сережа услышал подбадривающий голос секретаря обкома партии: «Вы, товарищ Самойлов, без бумаги, от себя расскажите, пожалуйста, о Качканаре», — он как-то обрадованно вздохнул и с веселым упоением стал рассказывать о будничном героизме своих друзей-качканарцев. И, как на цветной пленке, встала перед участниками слета живописная панорама строительства: цеха промбазы, завод железобетонных изделий, сорокаметровая плотина между горами Малой Гусевой и Долгой, которая, как каменная скоба, сомкнет эти горы. В эти дни как раз начался штурм работ на проране — месте, где сойдутся два крыла плотины, и Сереже удалось в своем выступлении воссоздать атмосферу штурма.

Все бригады — на казарменном положении. Ребята спят в тепляках, пищу привозят на машине техпомощи. Неумолимо наступает весна, взбухли реки, надо принять первый паводок. Река Выя готовилась штурмовать плотину, а комсомольцы готовились укротить буйную горную Выю...

Я слушал то выступление Сергея и представлял себе будущий праздничный митинг на берегу Качканарского моря. Многосотенный отряд качканарцев. Празднично одетые друзья. Играет духовой оркестр. Кран опускает на «море» белый-белый катер, на носу которого морской вымпел. На катере Сережа Самойлов, демобилизованные балтийцы-комсомольцы совершают торжественно круг почета. Начальство радуется, комсомольцы поют. А с юга к рукодейственному морю летят утки, за ними белокрылые чайки...

Мы верим, что в недалеком будущем все так и свершится...

5 мая.

Вышел первый номер газеты «На стройке Качканара».

Редактор Зоя Сергеевна Ременникова. В этой газете работали и росли будущие профессиональные журналисты — Евгений Смехов, Юрий Уткин, рабочие корреспонденты — Вадим Сальник, Василий Пушкарев, Николай Мелехин, Илья Машкин, Федор Татаров, Станислава Ульянова.

В рабочей газете качканарцы рассказывают об опыте, о своих раздумьях, о жизни своей.

Людмила Бугаева — выпускница школы, штукатур пишет в газету: «Вначале все болело: и руки, и спина. И плакали мы даже — до того трудно сперва показалось. В общем, не как у мамы дома. А потом освоились, привыкли. Прибыла на стройку учеником штукатур, а теперь уже самостоятельно веду отделочные работы: дала 120% выполнения нормы. С осени думаю поступить учиться заочно в институт — на химика. А завтра на праздник поеду в гости — к маме. Ей и младшей сестренке купила подарки. Сама купила, на свои, трудовые!».

Василий Большагин — водитель автомобиля делится своими радостями: «За дровами, за шишками кедровыми ходили мы прежде на гору Качканар. Нам, подросткам, казалось, что

эта гора мешает солнцу подниматься — бывало, ждешь, когда оно поднимется из-за Качканара. А теперь мы сами перевалили эту гору и поднялись над ней.

Я вот лично за счастьем пошел — оно у меня за Качканар-горой, где строится новый город. Здесь дома поставлю, укреплюсь. Сын скоро подрастет и в школу пойдет. А работа шофером мне по сердцу, и работы этой на Качканаре до полной радости».

Июнь.

Идут первые работы по выемке грунта под фундаменты будущих фабрик. Семен Степанович Мальцев должен перейти на строительство промышленных объектов. Но затянулось дело с монтажом трубы на створ котельной. Труба сорок метров высотой, а вылет стрелы единственного крана на гусеничном ходу только семнадцать. И грузоподъемность на две тонны меньше, чем надо.

Семен Степанович, фронтовой сапер, знает, как тяжелые танки переправляли по тонкому льду Днепра. Шли на риск. Вот и он решился на риск — собрать трубу на земле. Обтянули ее металлическим хомутом на высоте 17 метров и подняли краном над землей. Но, чтобы поставить трубу на фундамент, надо поднять еще на четыре метра. И вот Семен Степанович висит на конце стрелы крана. А Гера Верещагин стоит на «уголке», приваренном к трубе, на 17-метровой высоте, держится одной рукой за расчалку, а второй — медленно сбивает металлический хомут вниз. Наконец, нужная высота набрана. Труба поставлена на фундамент. Позднее Семен Степанович показал мне записку от одного из руководителей треста, который при таком монтаже трубы стоял далеко в стороне и послал ее Мальцеву, висевшему на конце стрелы, через Геру Верещагина: «Прекратите безобразие. У вас же трое детей».

Август.

Вступила в строй новая школа. Завезли оборудование, книги. Но нет в школе пионерской атрибутики. Правда, дали шефы из Нижней Туры горны и барабаны, но уж очень старые, неприглядные. Комитет комсомола и директор школы — к руководителям треста за помощью. Управляющий — Мстислав Владимирович Левитский — часто в командировке, а без него бухгалтерия денег школе не дает.

Однажды, когда Мстислав Владимирович проводил оперативное совещание, дверь его кабинета распахнулась. Строем зашли четвероклассники в пионерских галстуках. Трубит в позеленевший горн горнист. Бьют старые барабаны. Затем малыши скандируют: «Спасибо за барабаны и горны, которые трест подарил школе». И также строем покидают кабинет.

Гроза пронеслась над управлением треста. С бледным лицом главбух вылетел через несколько минут из кабинета управляющего, а вдогонку летело очень суровое:

— Я тебе покажу, как меня перед детьми позорить!

Сентябрь.

На торжественной линейке перед началом учебного года пионеры вышли с отливающими золотом горнами и новенькими барабанами...

Начались занятия в вечернем строительном техникуме. Павел Бочкарев, Юрий Борадейко, Нина Шишканова — первые студенты Качканара. Приветливо открыла двери для детей новая музыкальная школа.

В конце сентября смонтированы первые колонны будущего корпуса среднего и мелкого дробления.

Появился первый боевой расчет пожарной охраны. Противопожарная техника несложная: конный ход, насос ПН-100, бочки с водой. Командует расчетом Яков Семенович Баранов. Впереди у боевого расчета пожарников много дел: часто горят леса, угрожая деревянному жилью, детским садикам, родильному дому. Сколько мужества проявили, борясь с пожарами, комсомольцы-строители Алексей Огнев, Юрий Камаев, Коля Спиркин, Саша Лаптев.

И только на днях по первой улице Качканара, громко сигналя, пролетела первая пожарная машина ПМЗ-13. Сигнал машины ревел, перекрывая вой ветра, шум тайги. Люди оставались, отступая на обочины дороги, люди смотрели вслед красной ревушей машине и радовались.

Октябрь.

Качканарцы готовятся к 42-й годовщине Великого Октября. Из котлована корпуса среднего и мелкого дробления вынуты последние кубометры грунта. Объемы земляных работ гигантские — только под корпус обогатительной фабрики предстоит вынуть примерно 2,5 миллиона кубометров земли. Для сравнения: при строительстве главного корпуса Московского университета им. М. В. Ломоносова объем земляных работ составил 2 миллиона кубометров.

Первые кубы бетона уложили в фундамент фабрики бригады Алексея Егорова и Владимира Лучины.

Наиболее отличившихся на строительстве нового комбината страна отмечает правительственными наградами. Среди первых орденосцев Качканара А. И. Мухачев — он стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени. В. А. Захватошин награжден орденом «Знак почета».

Качканар появился на карте Родины как рабочий поселок. Первым председателем поселкового Совета избрали Евдокию Васильевну Теплых.

Октябрь.

Железнодорожную ветку строили с двух концов: колонны шли от станции Азиатская и от Качканара. Две колонны встретились, как две армии. Коля Иванов бежал по шпалам и орал от радости.

Ребята отращивали бороды. Лева Бодягин снял красную майку и привязал на палку. С самодельным флагом шли последние километры. Три дня никто не спал, но никто не повер-

нул в сторону Азиатской. Кончались продукты. Более суток нечего было есть.

Последний костыль забили ранним утром седьмого октября. Но ребят даже не встретили, путеукладчики поначалу огорчились.

— А вы думали — с музыкой нас встречать будут? — улыбнулся бригадир Виктор Циканов. — Рановато, братцы, музыкуто. Вот когда выдадим первый эшелон с рудой, тогда и оркестры грянут.

А не встретили путеукладчиков потому, что никто не ожидал их в такой ранний час. Тогда машинист парового крана потянул за ручку и раздался густой басовый гудок. К ручке подвесил кусок рельса — пусть ревет, пока весь пар не кончится.

В Качканаре из палаток, из домиков повывагали все.

— Дорога пришла! Дорога!

Ребята-путеукладчики мчали на мотовозе в свой городок и, устало прислонившись к бортам платформы, слушали рев гудка.

Первая победа. Первая большая радость. Наверно, самый счастливый — Коля Иванов. Он подходит к каждому, заглядывает в глаза: «Ну, как? Здорово мы, а?».

Вскоре пришел на Качканар первый паровоз. Его сигналы услышал Женя Едигарьев — комсорг строительства промбазы. Женя бросился навстречу, размахивая шапкой. Машинист притормозил. Едигарьев привычно, одним махом, оказался в будке и обнял оторопевших машиниста и чумазого кочегара.

Декабрь — последний месяц 1959 года.

Снова зима. Третья. И такая же суровая, хотя на Урале случаются зимы и помягче. На днях мороз разорвал водную магистраль нового бетонного завода. Вода затопила электрооборудование, угрожала цементному складу. Завод остановился. Надо было срочно демонтировать и поднять на поверхность затопленный магнитный пускатель. Сделать это вызвался коммунист Анатолий Захарович Шамин, фронтовик, кавалер боевых орденов. Он долго работал в ледяной воде. Помогал ему комсомолец К. Мелехин.

Одна беда, говорят, зовёт другую...

4-го вечером и ночью 5-го декабря, в сорокаградусный мороз, когда за стенами домиков бушевала вьюга, тяжелые сосны рухнули на линию высоковольтной передачи.

Погасли огни, стыли батареи центрального отопления. Серьезная опасность нависла над Качканаром.

В этот вечер у Юры Бородейко была свадьба. Галя Маркина и комитетчики все продумали, подготовили веселую, интересную программу. Но со свадьбы пришлось всем уйти. Ушли устранять аварию.

И в сорокаградусный мороз на огромной высоте, укрепляя гирлянды фарфоровых изоляторов на обжигающих морозом траверсах мачт высоковольтных ЛЭП, жених Юрий, свидетели жениха — Алеша Печул, Ольга Шуст всю ночь боролись со сти-

хией. Самоотверженно спасали поселок от замерзания комсомольцы мастер-электрик Лев Новоселов, слесарь Валентин Таупьев, газосварщик — Владимир Белюков — все они ушли со свадьбы празднично одетые, кое-кто в штиблетах, наспех набросив фуфайки. Ушли в бой двадцать пять ребят. И этот бой еще не будет последним.

Январь 1960 года. 14-е число.

Вечер. Занятие в университете культуры при клубе строителей. Перед ребятами выступил комбат С. А. Неустроев. Его батальон брал рейхстаг. Герой Советского Союза Неустроев до глубокой ночи рассказывал молодым качканарцам о мужестве штурмовавших главное здание фашистской Германии и водрузивших победное знамя над рейхстагом.

Впереди у ребят — взятие своих высот, новые штурмы.

Только что прибыли первые тепловозы для горняков. По указанию совнархоза предстояло перебросить их до весенней распутицы в карьер.

Легко было сказать начальству: «Перебросьте машины». От железнодорожной станции до главного карьера — двенадцать верст. И каких?! Увалы, тайга, бурелом, горная речка Выя. Вес каждого тепловоза ни много ни мало, а 130 тонн.

Работы на транспортировке тепловозов поручили Анатолию Шалагинову — молодому бригадиру. И хитрость, и смелость, и творчество — все взяли на вооружение ребята из бригады Анатолия.

Определили кратчайший путь. Пришлось расчищать дорогу вдоль линии высоковольтной передачи. Навалили на дорогу и поперек речки Выя деревья, облили водой — заморозили. Лед сковал этот санный путь.

Дело было за санями. Кто-то предложил сделать железный лоток. Он получился огромный, весом 27 тонн.

На этом лотке волокли, 10 тракторов переправляли локомотивы.

Первый тепловоз только на третий день дотащил до стоянки в карьер тракторист Сергей Комар. Он очень опасался, выдержит ли лед на реке такой груз. На всем пути следования необычайного транспорта высокие сосны и величавые кедры приветствовали смелого тракториста транспарантами: «Строители! Тепловозы ждут путь!».

Ждали тепловозы и первые горняки карьера, который они строили на горе Гусевой.

Между горой Долгой — плацдармом строителей — и горой Гусевой девять таежных верст. На горе Долгой живет и трудится многотысячный отряд молодых строителей, на горе Гусевой маленькая группа горняков готовит обычные горизонты, разносит борта первого карьера, который получит в будущем имя Главный. Здесь возьмет свое начало мощный железорудный поток Качканара. Здесь начало жизни будущего горнообогатительного комбината, начало жизни многих тысяч качканарцев. О подвигах строителей на горе Долгой третий год пишут в цент-

ральных и областных газетах. Горняки же первого карьера вышли, как солдаты в безымянный наряд. Хотя здесь также бушуют вьюги, как над горой Долгой! И боевой жизнью живет маленькая комсомольская организация с ее первым строгим и бескомпромиссным вожаком Юрой Архангельским.

Комсомольцам карьера также было трудно. И героизма им не надо было занимать.

Снежные бури обжигают горняков, как и строителей, холодным огнем. Вот и вчера вечером беспощадная вьюга ворвалась на триста тридцатый горизонт, заглушила своим воем ударный гул тяжелых шланг буровых станков — КУБов. Проекторы на столбах-временках металась из стороны в сторону, и на дне карьера прыгали, как чудовищные звери, огромные косматые тени.

Анатолий Волоковых — дежурный на карьере электрик — прислушивался к завыванию вьюги и тревожно смотрел на прыгающие тени на дне котлована. Сквозь завывания метели ему слышались строки стихов, которые где-то попадались ему.

То не ветер в поле завывает.

В поле разыгралась пурга.

В стоне ветра ухо различает

Хохот торжествующий врага.

Вьюга бесилась.

Вдруг погасли прожектора. Котлован, станки, люди — все утонуло в кромешной мгле. И не было у Анатолия фонарика. Проваливаясь по пояс в снег, под беззвездным темным небом добирался дежурный электрик до распределительного щита. Вот и электрический пункт. Так и есть: фазы замкнулись, обгорели концы кабеля на низковольтном трансформаторе. Кожух расплавилась электрическая дуга.

И в этой темноте, на ощупь зачищая, присоединяя и изолируя разорванные концы кабеля, Анатолий не думал, что ежесекундно рискует жизнью: кабель был под напряжением в 380 вольт. Вот вспыхнули вновь прожекторы, застучали штанги ударных буровых станков. И на дне гигантской каменной чаши снова запрыгали тени огромных сказочных чудовищ. Обожженные морозом руки врачи вылечили: раны у смелых бойцов заживают быстро.

Комсомольцы карьера так же, как и молодые строители, создали у себя на старом горнорудном поселке Валериановском коммунистические патрули. Они борются с хулиганами. Николай Дороганов, Виталий Слезкин, Лида Юмина, Тадеуш Нива, Геннадий Гультаев — наши боевые дружинники.

Они — комсомольцы-дружинники — хотят поймать тех, кто утопил в болоте уходившую на работу в ночную смену организатора первого хора на Качканаре, бетонщицу-комсомолку Веру Сидорову. Эти же ребята вышли против Генки Першина — вооруженного пистолетом грабителя — и задержали его

Генка Першин пришел в Нижнетуринский горком комсомо-

ла с просьбой направить его на строительство Качканара. Высокий, сильный русоволосый парень, лет двадцати—двадцати двух. Приехал из Казахстана, где, по его словам, окончил вечернюю среднюю школу и якобы даже на выпускных экзаменах писал сочинение о героизме строителей Качканара.

Устроили Першина монтажником в управление Уралстальконструкция. Приступил к работе. Через несколько месяцев в этом же управлении оказался вскрытым сейф в бухгалтерии и похищена солидная сумма денег. Украли деньги накануне выплаты заработной платы. Затем подобная кража произошла у базстроевцев. Чувствовалось: действует опытная рука «медвежатника» — вора, специализирующегося на вскрытии сейфов. Несколько недель устраивали комсомольцы и оперативные работники милиции ночные засады на участках возможного появления «медвежатника». Каково же было их удивление, когда на месте предполагаемого преступления появился Першин. Лейтенант Гуляев вышел ему навстречу.

Генка убегал по лежневке в тайгу, отстреливаясь из пистолета. Но уйти не сумел. Был ли тот парень действительно Генкой Першиным, или скрывался «медвежатник» под чужими документами. Возможно, и ехал на Качканар романтик из Казахстана, мечтающий строить новый город, да повстречался ему на пути злой человек...

Ведь убила же Федю Татарова злая рука.

Рыжий, кудрявый, веселый Федя был страстным рабочим корреспондентом. Почти в каждый номер многотиражки «На стройке Качканара» этот невысокий, крепкий с широкой улыбкой плотник давал свои заметки о беспорядках на строительных участках, о плохой организации снабжения, о разболтанности некоторых рабочих и грубости мастеров. Непримиримым к нарушителям труда и бюрократии был Татаров и на комсомольских собраниях, на заседаниях комсомольского штаба. Это он предложил на одном из заседаний комитета ВЛКСМ стройки выразить недоверие начальнику управления материально-технического снабжения — зарвавшемуся чинуше. Управляющий трестом Мстислав Владимирович Левитский поддержал комитетчиков.

... В этот последний в жизни рабкора летний вечер возвращались два закадычных друга — два рабкора, с комсомольского собрания домой. От клуба строителей они шли улицей Качканарской до вершины горы Долгой. С горы они пошли разными тропинками, которые пролегли в летнем лесу. Володя Шелконогов, бригадир плотников, торопился домой. Володя — отец большого семейства. Федя Татаров — парень холостой и шел к своему общежитию в четвертый микрорайон. Правда, Володя предложил другу пройтись до общежития вместе, но Федя замахал руками — семейство Шелконоговых и так ждалось отца.

В тот вечер Федя Татаров не пришел в родное общежитие, не было его дома и в последующие вечера.

На следующую весну охотник из старательного поселка, пробираясь сквозь бурелом, нашел в таежной глухомани за полтора десятка верст от города останки Федора.

Апрель.

Завершаются работы по выемке грунта для будущего корпуса крупного дробления. На краю на верхнем уступе котлована стоит станок. Самоходный станок канатного ударного бурения — КУБ.

Его необходимо перегнать на другой участок. Но узкую площадку верхнего уступа размыло весенним половодьем, осталась скользкая полоса, с одной стороны каменная стена, с другой — обрыв в 60 метров.

Повел машину Юрий Ремейко. Рядом со станком идет комсорг уралспецстроевцев Анатолий Золотых и держит машиниста за рукав на всякий случай...

Нет, не природное чувство упоения риском ведет ребят по этому опасному уступу котлована. И когда в комсомольский комитет приходят письма из разных городов с просьбой рассказать о стройке (вдруг да кто-нибудь из них — пишущих, надумает приехать к нам сюда), то мы стараемся писать правду, пишем о жизни, какая она есть.

Сколько бы бурь ни пришлось пережить, сколько бы друзей ни откололось в эти нелегкие дни, а нашему идеалу стройки мы не изменим.

На той неделе получил письмо от комсомолки из г. Шахты Светланы Рожновой, в котором она с легкой иронией пишет, что не может жить в таком героическом поселке, как Качканар, хотя в предыдущем письме просила подобрать ей рабочее место на Качканаре. Она литератор. Я предложил ей место пионервожатой в школе. Естественно, рассказал о трудностях жизни строителей.

Светлана написала: «Моя жизнь — мое счастье, а не долг».

Не такой рисовало мне воображение Вас, Светлана Павловна. Настоящая человеческая сердечность, жажда духовной общности, взаимной заинтересованности всех за каждого и каждого за всех, за красоту человеческой судьбы — вот что, казалось мне, мелькнуло в первом вашем письме. И я с радостью подумал: «Нашего полку прибыло». Но, похоже, ошибся...

Вы пишете: «Моя жизнь — мое счастье, а не долг». Скучная философия самодовольного человека, который насыщается радостью мгновения, случайной и неустойчивой, и не видит дальней цели, прочного счастья, которое знает лишь тот, кто идет к ней. Вам не нравится, что в нашей жизни не хватает еще общественного порядка, что какие-то сомнительные люди — угроза вашему спокойствию, красивой жизни. Мне и моим товарищам тоже нравится и тоже нужен строгий общественный порядок — для жизни, для труда, для творческих исканий.

Но пока вместо блаженных творческих раздумий (я не шучу насчет «блаженных», таковы они для меня) вечерами мы вы-

ходим в патруль по улицам своего города. По горлу моему уже прошел нож. Так что, уверяю, я не меньше вас жажду общественного порядка, красоты и гармонии. Но и я, и мои друзья отлично понимаем, что наша жизнь — это и есть путь к этой вот красоте и гармонии человеческого общества. Путь, понимаете? То есть борьба, драка, бои... И, может быть, жертвы — в бою не без них.

...Вот вы пишете с иронией: «Комсомольской свадьбы у меня не будет, ибо в наших краях комсомольской свадьбы людям таких убеждений не делают...» Наверно, и правильно. Комсомольская свадьба не прихоть новобрачных («Хочу в семейном кругу, хочу — в комсомоле свадьбы играю!»). Это признание комсомольцами готовности новобрачных и дальше быть полезными общему, дорогому нам всем делу, решимости идти на трудности и жертвы, если будут они нужны. Скоро я буду плясать на комсомольской свадьбе нашего парня Юры Ремейко, который провёл, чуть не погибнув, над пропастью свой станок ударного бурения. Он мог отказаться, и кто бы осудил его за это? Но так надо было для дела, и не сделай это он, кто-то другой сел бы на его место. Так что я за людей долга! И хожу на свадьбы не к тем, кто меня зовет, а к друзьям, людям долга.

А людей долга на Качканаре тьма в прямом смысле слова («тьма», по-моему, 10 000?). И вашего идеала (людей «разумного эгоизма»), пожалуй, не найти (разве что среди уезжающих!). Правильно вы поступили, вежливо отклонив мое глупое предложение об устройстве вас в качканарской школе. Устраивали бы вас парни из нашего комитета комсомола не путем «хитрости и лести», как кто-то устраивает вас сейчас в Академгородке, — и, конечно, не предложили бы вам удобного местечка, удовлетворяющего вашим требованиям «разумного эгоизма».

Эх, ты, Светлана свет Павловна! Я вот эти дни усиленно прошусь на Качканар. Как хочется быть там, куда уже столько отпустил дорогих сердцу людей! А мне говорят — нельзя, твое место сейчас здесь. И ничего не попишешь. Здесь тоже не легче, и есть партийная дисциплина. Я тоже хочу счастья. Но оно в том, что я живу там, где необходим, где надо жить. Может ли быть иначе?

А охота к перемене мест, которая тебя сейчас гонит и о которой тебе сказал директор школы, рождает дилетанство. Эта охота мешает людям глубоко любить свой край, свою землю: чтобы любить всю нашу землю, за что-то надо зацепиться сердцем, где-то без оглядки, не жалеючи, надо вкладывать всего себя, чтобы красивой стала наша земля. Драться за красоту должно, а не искать с помощью «хитрых и лестных» друзей готовых, чьим-то потом политых прекрасных мест!

Лично мне кряжистый, полный строительной грязи и чумазных кацевеек Качканар дороже, чем благоустроенные города, в которых и мне довелось бывать. И в Казахстане (на целине)

тоже не встречали меня «чужие и холодные» края, потому что туда вело человеческое «надо» — для людей, для дела. И даже дождливое небо лило на меня не «слезы», а бодрящую влагу, которую в сказках называют живой водой. Дай бог и тебе когда-нибудь умыться в ее потоках, только для этого и небо нужно любить иначе, чем ты любишь!..

К счастью, Светлана не обиделась на резкость моего письма и ответила искренне, но уже из города Новосибирска.

...В последнем письме ты здорово меня «разделал», Федя. А знаешь, как здорово, когда есть человек, который переживает за твою непутевость... Ты, наверно, во многом-многом прав. И то, что ты так обиделся за свой Качканар, просто завидую. Может, и я когда-нибудь научусь любить что-то. И может, этим что-то будет как раз Сибирь!

Я ведь снова вожатая. Смешно, правда? Когда я приехала, школьную вожатую приказом райкома сняли за плохую работу. Вот и освободилось для меня место.

Не обошлось без горьких мыслей о своей бестолковой педагогической судьбе. Было обидно за ребят, которым изменила, даже домой собиралась вернуться...

Но домой Светлана Павловна не уехала. Вскоре ее избрали секретарем райкома комсомола Академгородка. Через несколько лет она поступит в аспирантуру и займется историей французской литературы.

А мне Светлана Павловна напишет еще ряд писем, новых рассказов о своей жизни, полных добрых пожеланий.

«Я желаю, чтобы никогда грусти тебе не было. Чтоб все у тебя всегда получалось и сбывалось задуманное. Чтоб стал ты сам счастливым! Чтоб спокойно спалось тебе, чтоб радостно по утрам тебе было и чтоб любили тебя люди».

Май.

В одну из тревожных ночей Алеша Огнев, Юра Камаев и Коля Спиркин отцепили от состава горящую цистерну с горячим. Огонь тушили и все случившиеся тут ребята, заливая его жидкой грязью, которую носили сапогами и даже в ладонях. Ведь рядом был бензосклад... Есть мужество минут. И есть мужество ежедневного труда.

С первых дней, как началась стройка, Аля Удачина не расстаётся с бульдозером. Единственная на Качканаре женщина-механизатор. Ей было 18 лет, когда она пришла в горком комсомола:

— Пошлите на целину. Я хочу быть механизатором.

Ей предложили:

— У нас своя целина начинается, только — железная, и тоже нужны механизаторы.

Она первой повела бульдозер на штурм тайги. Потом корчевала площадку для первых цехов комбината и строила плотину. Столько лет за рычагами бульдозера... Каждый день.

Когда-нибудь мы выбьем твоё имя, Аля, золотыми буквами на самой высокой скале Качканара.

Каждый день, общаясь с такими ребятами и девочками, я думаю о том, как мало и порой неумело рассказывают молодежи наши литература, газеты, радио, кино о счастье вот таких простых и добрых людей с их удивительным нравственным миром.

Приходят в горком комсомола разные письма.

Девчонка, два года назад окончившая геологоразведочный техникум в нашем городе, написала мне письмо, возмущаясь, что ей райком комсомола в г. Свердловске не дает рекомендации в институт международных отношений. Решила пойти в дипломаты. Вот ее письмо..

«Первого апреля на заседании бюро райкома комсомола мне отказали в рекомендации для поступления в Московский институт международных отношений.

Почему? Я сама долго думала, как могло так получиться, чем я виновата перед комсомолом и, главное, что стоят все вместе взятые благодарности, поощрения, почетные грамоты. Неужели все это формально, а когда дело касается серьезного, комсомол боится брать на себя ответственность, вернее, он ее так преувеличивает, что видит себя в роли каких-то необычайных вершителей судеб. Впрочем, это я говорю только о нашем бюро райкома.

Меня попросили рассказать биографию — она, конечно, ничем не примечательна. Одна девушка, ее зовут Валя, сказала, что надо иметь большую смелость поступать туда, другой удивился, что мне нет еще и двадцати лет. Спросили: «Почему ты выбрала именно этот институт, а не юридический?». Она заявила, что там надо знать иностранный язык, политэкономия, гражданское право и пр. и пр., в то время как в ответе из института об этом ничего не сказано и видно, что предметы туда сдают по программе общеобразовательных школ.

Они поставили мне в вину, что у меня нет опыта общественно-политической работы... Мне предложили поступить сначала в юридический институт, а потом в институт международных отношений.

Я знаю, в этот институт поступают простые ребята — десятиклассники. Мне очень и очень обидно и горько, что я оказалась недостойна рекомендации комсомола.

Первый секретарь райкома сказал, что у меня эрудиция не та, и в заключение мне предложили на землю спуститься и не витать в облаках. Тут я не только упала на «землю», но даже, кажется, ушиблась.

Впрочем, райком оставил за мной право обратиться в горком комсомола.

Если я приду в горком, меня прежде всего спросят; почему отказал райком. А я так и не поняла этого! Вот теперь я и не знаю, что же делать. Впрочем, в последнее время я все чаще убеждаюсь, что не «все мечты сбываются, товарищ», даже если очень сильно захотеть.

Мне хочется знать ваше мнение. Посоветуйте, обращаться или нет в горком, что вообще делать. Скоро пора экзаменов, а куда мне поступать — не знаю. Очень часто за эти годы я вспоминала вас. Жаль, очень жаль, что не могла с вами подробно поговорить.

Я работала на Южном Урале, в Северном Казахстане, на Среднем Урале. Много мы ездили, видели, как живет народ на периферии. Вас, конечно, этим не удивишь. Трудно еще порою живут люди, мало в их жизни культуры. Большая вина в этом и нас, комсомольцев. Много надо сил, чтобы поднять многие узбекские, киргизские, таджикские кишлаки до уровня наших передовых колхозов. Или до городского уровня поднять жизнь рабочих сибирских золотых приисков или джезказганских рудников!

Сколько разных людей! Знаете, не скрою, мне иногда очень хочется писать. Писать о людях, их жизни, об их трудностях и удачах, о тяжелом труде и романтике жизни геологов, о тоске, которая охватывается тебя порой, когда два-три месяца под рукой не чувствуешь твердой стены, а только палатку.

А какая природа на Урале, какая могучая, суровая тайга! Какие смелые и суровые, а вместе с тем великодушные старожилы — охотники! И вместе с тем часто еще попадаются люди мелкие, грязные. И когда рядом с хорошим прекрасным видишь плохое, невольно думаешь об этом плохом: «Почему? Откуда оно?» Да еще когда разбиваются твои мечты, то почва уходит из-под ног, а вместе с ней интерес к жизни.

Прошу вас, помогите мне!»

Мое ответное письмо Эмме:

«Выбор профессии, счастье, мечты и возмущение неопытностью отдельных «комсомольских деятелей», поиски правильного объяснения трудных явлений и социальных связей людей — все сплелось в твоём письме в какой-то сложный гордиев узел. Этот узел родил у тебя состояние неопределенности, безвыходности: если ты не станешь дипломатом, то не будет для тебя счастья!

Я понимаю, для тебя счастье — это радостное ощущение победителя, достигшего своей цели. И сейчас, когда на твоём пути в институт встали преграды в образе «этих комсомольских вершителей судеб», которые, как тебе кажется, «забюрократились» и растеряли веру в людей, — ты считаешь, что они — преграда к счастью.

Я верю, что не экзотическая сторона жизни влечет тебя в дипломатический мир — не жажда пышных банкетов, внешнего лоска, острых ощущений, а мечта о счастливых мирных связях всех людей земли, за которые в меру своих сил все мы боремся. И если ты чувствуешь, что хватит у тебя сил, чтоб подняться на высокую гору (а цель твоя — очень высокая гора, и ребята из райкома правы, говоря, каким множеством знаний должен располагать человек, взбирающийся на нее), если ты

чувствуешь, что из тебя выйдет большой дипломат, а не хилая секретарша, то иди в горком комсомола и доказывай, что нет для тебя другого счастья.

Эмма! Я хочу только одно сказать: мне, не видевшему тебя два года, трудно предсказать решение горкома комсомола, который, безусловно, может рекомендовать в данный институт только человека, познавшего, что такое коммунистический труд в полном смысле этого слова. Для которого общественная работа важнее всего. Который работает, не глядя на часы. Которому так же желанен и необходим (как высочайшее нравственное наслаждение) труд бесплатный, как и платный, дающий тебе хлеб и платье. Который не по принуждению, не потому, что так уж у нас положено, а по горячей душевной потребности занимается тем, что райкомовские ребята называли «общественно-политической работой»... И к отказу в рекомендации в институт, если это произойдет в горкоме (я не хотел бы этого очень), надо отнестись правильно. Ведь отказ не на будущее, а на сегодня!

Значит, еще не все сделано. Дело не в невнимании к грамотам, которые украшают стены твоей комнаты. Просто, значит, еще мало на свете людей, нуждающихся в помощи, получили её от тебя. Мало людей, которые строят жизнь по образу и подобию твоему. Надо, чтоб их стало больше. Это не пустая фраза, Эмма! Ты же сама пишешь о трудной жизни отдельных далеких аулов, о нуждах и недостатках некоторых людей, встреченных тобой за эти годы. Значит, нашу силу можно приложить и здесь, и наше счастье беднее не будет, если мы посвятим себя борьбе за их лучшую жизнь.

Конечно, это труднее — будничная, незаметная порой, без ярких и эффективных результатов борьба. Но ведь она тоже во имя человека. Разве твоя специальность землепроходца не во имя того же счастья людей, которое собираешься ты защищать в звании дипломата? Разве не делаешь ты человека сильней и окрыленней, открывая для него новые богатства Родины? Разве твоя специальность была выбрана случайно? А если так, то не ошибаешься ли ты вновь? Все ли ты продумала? Разве нельзя быть инженером-геологом и изучать не науки, которые изучаются в дипломатическом институте? Разве нельзя быть высокообразованным марксистом-ленинцем, имея замечательную специальность разведчика недр?

Разве не прекрасен путь — имея опыт геолога, заочно кончить горный институт и, проработав не два года, а десять лет (тебе будет всего тридцать), имея на руках диплом горного инженера и в арсенале сотни людей, подятых тобой на ноги, поступить в Академию общественных наук, раскрыть свои нравственные качества на этом пути, а затем и на новом поприще? Идя этим путем, научишься понимать внутренние общественные связи людей в стране и подготовишь себя к изучению наших внешних связей.

Эмма! Конечно, не все мечты сбываются. Но если ты правильно выбрала звезду своей жизни, то она будет светить тебе везде, где бы ты не работала. А полезное делают людям не только дипломаты. Вспомни замечательных людей твоей профессии — Кошурникова и его друзей. Они погибли, но по их следам сегодня комсомольцы прокладывают в Сибири серебряные рельсы. Не просто через глухую тайгу и болота — через старую жизнь к новой, к будущему. И эта звезда неугасимая.

Ты скажешь, что больше пользы принесешь там, куда рвешься. Но ты не знаешь ни особенностей, ни объема будущей работы, и утверждать, что ты там нужнее, у тебя нет прав. Если же мечта твоя серьезная, дерись за нее, но не словесным путем, а серьезнейшей работой над собой».

Эмма, я знаю, на мой ответ не обиделась. Она уехала с мамой на Украину, вскоре вышла замуж, и другие заботы нахлынули на нее.

Я писал своей адресатке искренне и сейчас подписался бы под этим письмом. И все-таки, все-таки сейчас я ответил бы чуть иначе, во всяком случае, более решительно советовал бы Эмме бороться за свою мечту. Сколько мне довелось с тех пор наряду с прекрасными ребятами видеть и самоуверенных «комсомольских вершителей судеб», которые сложные человеческие ситуации решали путем голосования. Не оставляет меня озабоченность: а не побоялись ли тогда работники райкома ответственности за рекомендацию? Ведь сказать «да» — это поручиться за человека, это значит в известной мере быть ответственным за его дела и поступки. Сказать же «нет», да еще коллективно, куда как проще. Как говорится, никаких забот.

Когда в стране началась перестройка, всплыли на свет божий многие укромные уголки, которые прежде считались запретной зоной для постороннего глаза и для критики. Я вспомнил Эмму, когда прочитал в печати резкие слова по поводу подготовки кадров для дипломатического корпуса. Мы-то искренне считали, что в институт международных отношений попадают достойнейшие из достойных. А отбор студентов шел, оказывается, по звонку сверху. И решающими были не знания и идейная убежденность, а наличие влиятельных родственников у абитуриента, кастовая спайка и взаимовыручка: сын дипломата должен быть только дипломатом. Сейчас мне искренне жаль, что Эмма с ее пусть небольшим, но крепким жизненным опытом, с ее уже определившейся жизненной позицией не получила рекомендации. И себе я кидаю запоздалый упрек: не помог ей чем мог, а ограничился скромной ролью советчика.

Июль.

На Качканар прибыл первый отряд демобилизованных моряков с Балтики. Ребята пошли на самые трудные участки стройки — на монтаж металлоконструкций сборного железобетона, на бетонные работы.

Пошли работать на высоту Юра Азаренко, Алеша Соловьев,

Петр Антонов, Болеслав Лешик, Саша Урванцев. А еще прибудет 400 моряков.

Сильные, волевые, воспитанные балтийцы — надежная опора комитета комсомола. Они еще покажут себя, особенно в борьбе за порядок.

Август.

Читал, что у древних инков был такой обычай: с юных лет приучали детей не проходить мимо любого камня, где бы он ни лежал, поднять и снести его на дорогу в общую кучу. Инки славились отличными мощеными дорогами, которые позволяли им быстро перебрасывать силы для отражения врагов. Не знаю, читали ли молодые качканарцы про обычаи древних инков, но хозяйскому подходу ребят надо подучить.

Саша Пасынков — бригадир плотников. Однажды ночью его словно кто в бок толкнул: проснись. Вскочил. Темное небо раскраивают молнии. Дождя еще нет, грома тоже не слышно. Сашу вдруг осенило: поздно вечером соседней бригаде привезли машину древесноволокнистых плит, погода стояла хорошая, и их сбрасывали под открытое небо.

Саша думает: погибнут же плиты — лентяи поленились убрать под крышу. И, сам того не замечая, одевается... Бегом... А до строительной площадки — два километра. И никто не повстречался.

Он взваливает плиту на спину и несет в укрытие. Уже слышны раскаты отдаленного грома. А плит — гора. Саша ругается, злится. Упали первые капли. Саша поднажал. Плиты были спасены.

...В середине августа по заданию обкома комсомола выезжал в ГДР. Был в части из группы наших войск, над которой шефствует комсомол области. Служат в ней танкисты — наследники Уральского добровольческого корпуса. Выступал перед воинами-танкистами. Рассказывал об ударных комсомольских стройках. Конечно, звал ребят на стройку Качканара. Вечерами вместе с ними пел знаменитую «Уральскую рябинушку».

Сентябрь.

Комсомольский актив. В зале клуба строителей заседают сотни молодых парней и девочек. Обсуждают вопрос о благоустройстве поселка. Произносят речи. Солидный президиум.

А не хватит ли заседать? Айда на улицу наводить порядок!..

Идея понравилась. Все обрадовались. Загрохотали скамейками, и комсомольский актив высыпал на улицу — обсуждать вопрос делом. Это же в десять раз веселее — с лопатами, носилками, метелками. Ох и въедливая привычка: любое дело начинать с собрания, бюро, обсуждения. Пытаемся от нее избавиться. Теперь, если пленум о наведении общественного порядка, то до пленума все его участники с красными повязками идут по городу — наводят порядок. Потом обсуждаем.

В этот месяц уже прибыла тысяча демобилизованных воинов. И танкисты, и авиаторы, и пехота. И какие все хорошие

парни. Миша Вербельчук, Иван Завьялов... Пусть найдут они здесь свое комсомольское счастье.

Сентябрь — удачный месяц для качканарцев: открыли учебно-консультационный пункт Свердловского горного института имени В. В. Вахрушева. Преподаватели местные — инженеры-комсомольцы Рюрик Борисов, Анатолий Субботин, Александр Анкин, Зоя Кремлева, Нина Вараксина. Из 400 кандидатов в студенты было принято 193.

Молодые горняки Александр Сытых, Юрий Бабкин, Маша Жук лучшие из абитуриентов.

В сентябре начали строить кафе на 100 мест, теплоэлектро-центральный. Будет своя электростанция! Приступили к строительству корпуса обогащения. В главном карьере Вася Михайлов и его друзья произвели первый массовый взрыв.

Качканар — детище комсомола. Представляю его уникальным не столько с точки зрения организации производства, сколько по взаимоотношениям людей.

Будет день, как светлый праздник нашей жизни, когда Качканар станет городом. Наш город, который мы строим.

Над рекой Турой стоит могучий тополь. Каждый год качканарцы берут у него весной веточки и сажают их на молодых улицах. Из этих веточек вырастут крепкие деревья. И не будет во вселенной такого ветра, который согнул бы, повалил надежные стволы.

Декабрь.

Какой напряженный был год! Только жилых домов ввели в строй общей площадью 30 тысяч квадратных метров — это целый городок. На стройке уже более 11 тысяч работающих. По решению обкома партии лучшие тресты области Тагилстрой, Базстрой, Серовстальстрой создали свои управления на Качканаре. Пришли к древней горе и отряды специализированных монтажников треста Востокметаллургмонтажа, Уралстальконструкции, Уралэлектромонтажа.

1961 год. Январь.

На стройке сто комсомольско-молодежных бригад, соревнующихся за звание «бригада имени Николая Островского». Состоялся пленум обкома комсомола, на котором обсуждали вопрос об участии комсомольской организации Качканара в строительстве нового комбината Урала. После пленума новые отряды комсомольцев прибыли к нам.

Март.

В Москве открылось Всесоюзное совещание молодых строителей. Качканарцев в столице представляют М. Светличная, Ю. Азаренко, В. Гаркачев.

Апрель.

Качканарская группа участников художественной самодеятельности вышла победителем на городском фестивале молодежи. Танцевальный коллектив, руководимый Костей Губиным, поедет на областной фестиваль самодеятельного искусства.

Строим новую современную среднюю школу № 2 в четвертом микрорайоне, а также стадион строителей.

Весна принесла много радостей, но были и утраты.

Этой весной умер Миша Доморенко — главный качканарский лесовод, выпускник Уральского лесотехнического института, один из трех братьев, которые пришли в числе первых строить новый город.

Самое тяжелое — потерять друга. Это все равно, что сердце свое расщепить надвое.

Умер Миша после операции. Рак желудка. Три месяца прожил после операции. С Рюриком Борисовым мы часто посещали его, подбадривали, как могли. Миша очень любил лес. Не только по должности, хотя и был старшим инженером лесного отдела. По складу своей души. «Ребята, не мните, пожалуйста, поросль! Это же лес, ребята, лес. Жизнь!..».

Качканар — в цветах. Маки на клумбах — лоскутья огня. Дождь, грязь, а он высаживает цветы. Не зря звали Мишу Домаренко главным лесоводом Качканара. «Люблю, чтобы было красиво», — говорил он, ходил по инстанциям, требовал, наступал яростно, когда чего-нибудь не хватало для его цветов.

— Вы разве не любите красоту? — распахивал он двери кабинетов.

В инстанциях ошалело смотрели на него и выделяли все необходимое.

Мы похоронили его за Качканаром. На могиле посадили цветы и рябину, которую он любил.

Радуют людей Мишины цветы. А где твои цветы? — думаю. И думаю о другом товарище, с которым мы меряли версты на избитых качканарских дорогах, пока горкомовский мотоцикл тащил нас по распутице на стройку. Тоже любит цветы, но только у себя дома. Он легко живет, и все ему приятели. Он никогда ни с кем не спорит, но на собрании выступит — проблем накидает, аплодисменты сорвет. Разрешать же острые проблемы — его никогда нет.

Как-то он разоткровенничался:

— Ты себе придумал мир, в котором и живешь. Не верю я в этот твой мир-братство. Надо сперва каждому научиться самому за себя постоять, о себе побеспокоиться.

Он отлично умеет украшать себя удобствами. Все для него — земля, солнце, небо, запах трав... Он говорит, что любит жизнь, любит наш Качканар, ставший для него трамплином.

Я тоже люблю... И принимаю те удобства, которые помогают мне работать. И для меня — земля, солнце, небо, горы, леса. Но не только для меня — для всех. И все мы — неотъемлемая частица мира... Разве, любя, не беспокоишься о предмете своей любви. Любить — это не только брать и брать, заботясь о себе, но и отдавать сполна, забывая себя.

Думаю о Мише Домаренко, о тысячах самоотверженных качканарцев. Стройка была эстафетой комсомольских поколе-

ний. Семен Степанович Мальцев, Александр Васильевич Мурашов — ветераны Отечественной войны и многих новостроек. Эдик Бовжик, Юра Азаренко — бесстрашные молодые демобилизованные моряки.

Качканар!.. Испытание наше, радость и судьба!

20-е мая.

Вчера меня избрали заместителем секретаря партийного комитета Качканара. Позади шесть лет комсомольской работы, такой интересной, трудной, многоцветной.

Но комсомольский значок и билет члена ВЛКСМ буду носить. Не потому, что остаюсь членом обкома ВЛКСМ. Нет. Для меня комсомольский возраст — это не планка для спортсмена, прыгающего в высоту. Перемахнул через нее — иди в новый мир людей другого, более высокого разряда. Комсомол — это состояние души, жизненный настрой. Комсомолец — тот, чье бескорыстное и чуткое сердце служит людям. Служит независимо от возраста человека.

Июнь.

Закончили строительство плотины шламохранилища. Приняли весенний паводок. Вот оно, качканарское рукотворное море. Белый катер разрезает упругие волны.

Демобилизованные моряки все, как один, пришли на митинг строителей, посвященный такому важному событию — введен в строй первый промышленный объект. Первую речь на митинге произнес директор будущего комбината Н. С. Ефремовцев.

Прилетели и первые утки.

Мы верим, что чайки признают наше море.

Август.

Леса строящегося комбината поднимаются все выше. Нельзя и мне отставать. Чувствую, что в партийной работе на стройке не хватает моего гуманитарного образования.

Поступаю учиться в горный институт. Заочно.

Сентябрь.

В котловане под корпус крупного дробления идут бетонные работы по подготовке фундамента. Глубина котлована 60 метров. Корпус будущей фабрики поднимается над бортами еще на 40 метров ввысь. Работы ведут тагилстроевцы во главе с Константином Постыляковым.

Ноябрь.

44-ю годовщину Великого Октября праздновали на новом стадионе. Строителей и монтажников поздравил новый управляющий трестом Федор Нестерович Карлюков — кавалер трех орденов Трудового Красного Знамени. Горный инженер Карлюков строил шахты в Норильске, в Североуральске, за рубежом. Высокий, крупный, в прошлом донецкий шахтер, рабфаковец, выпускник Московской промакадемии. Речь его была простая и ясная. Участникам митинга понравилась.

Декабрь.

К сожалению, к нам на Качканар попадают и люди, не

только лишенные романтики, но и склонные урвать, пользуясь трудностями новостройки.

Прибыл к нам некто Максимчук. Знал я его по работе в горкоме ВЛКСМ г. Кировграда, оттуда его выгнали за махинации.

Потом дружки устроили его на работу в Нижнем Тагиле. Не знаю, какими путями он попал на Качканар, да еще заместителем директора комбината. А он не имел даже среднего специального образования.

Молодежь билась, работала не покладая рук, а проходимца ставят на такой пост. Будто и нет своих специалистов на Качканаре.

Смолчать? Нет! Говорю руководителю:

— Вы же с ним сгорите!

— Вы ему завидуете, что ли?

Хоть стой, хоть падай от такого ответа.

Никто не завидует, а просто противно, когда приятельские отношения одерживают верх над интересами дела. Столько кругом честных и талантливых молодых инженеров, а жулик будет ими руководить? Не долго руководил!

Его и здесь распознали, посадили. И опять за кражу денег...

Во мне порой борются противоречивые чувства. Многих руководителей знаю давно и очень хорошо. Когда работал в горкоме комсомола, иные часто подбадривали меня: «Давай, Федя! Честно, по-комсомольски». Когда же перешел на стройку, некоторым руководителям хозяйств «честно, по-комсомольски» стало как ком в горле. Мол, и слабости надо прощать, и сор не выносить из избы.

Многим нужна слишком спокойная жизнь. А она, жизнь, их не спрашивает, стремительно развивается и ставит новые вопросы. За каким чертом, спрашивается, надо было строить все три школы рядом? Детишки ходят с окраин за пять километров. Зато кому-то было спокойно: не спорил, не ругался, не добивался изменения проекта, хотя и видел, что творится элементарное головотяпство.

Развивать и воспитывать у молодежи потребность бороться за справедливое — вот чего подчас не хватает нашим комсомольским организациям. Другу правду сказать в глаза — это борьба. Сломить в себе эгоизм, приспособленчество — борьба, да еще какая! Преодолеть внутреннюю инерцию, равнодушие — тоже борьба.

Истинная потребность борьбы ничего общего не имеет с критиканством.

И воспитание такой потребности, по-моему, одна из благородных задач комсомола.

Конец декабря.

Ночью позвонили: бетонный замер, ребята отказываются грузить смерзшийся песок.

Аж зло берет! Расформировать бригаду — и дело с концом! Развести бузотеров! Знаем мы таких капризуль, приехавших за длинным рублем!..

Приезжаю. Бригада стоит, ждет. Угрюмые. Начальник управления растерялся.

— Здравствуйте.

Ребята в ответ:

— Не пойдем, плохо зарабатываем.

Смотрим все вместе наряды. Заработок неплохой — 5 рублей 50 копеек за смену. Говорят, был больше два месяца назад — шесть, семь рублей. Верно. Потому, что много делали бетонных плит.

— Монтажники лучше зарабатывают, — упорствуют ребята.

Решили пригласить их сейчас же поехать к монтажникам. Посмотрите!

Монтажники крепят панели на стене. На высоте — холод собачий, с ветром. Поэтому работают, по очереди отогреваясь. Тащим бетонщиков наверх: «А ну, пошли на крышу...». Наглядно?

Комсомольцы-монтажники помогли завершить «разговор по душам».

А накричи, нашуми, сними с работы — разве лучше?

И еще одно — наиглавнейшее. Как бы нам всем научиться разбираться в людях? Был случай — оскорбили Надю Опойкову. Горком направил ее на стройку по комсомольской путевке. Надя хорошо работала. Полюбила. Но парня призвали в армию. И вот беременную солдатку женщина-комендант гонит из общежития. Наболтала всем об аморальном поступке Нади, бытсовет согласился — постановил выселить. Не разобрались! Решили сгоряча.

Пришлось комитету комсомола вмешаться. Коменданта наказали. Наде дали отдельную комнату.

Трудная эта наука — работа с людьми. Но овладеть ею надо.

1962 год.

Январь.

Состоялась областная отчетно-выборная конференция ВЛКСМ. Секретарь обкома Саша Куклинов попросил меня выступить с «романтикой» — ребят зажечь. Говорят, что романтика — удел молодых. Но почему — только молодых? Разве романтичность природы не результат целеустремленности, страстного убеждения, любви к делу, верности избранному пути?

Юный Алик — с ним Торопицын и я проговорили всю ночь — разочарован. Начитался о целине героического и решил, что это то, что он хочет. А на целине — проза жизни, работа: надо пахать, сеять. Он в целинной эпопее видел лишь ураган в степи, да себя на «капитанском мостике» комбайна. Сбежал на Качканар. Теперь и отсюда собрался.

Не путает ли наша пресса романтику с экзотикой?

Насмотрелись мы на таких аликов. Месяц другой в палатке ему интересно, романтично. Первые дни каждой новостройки,

наверное, чем-то напоминают бои на баррикадах. В такие дни ты автоматически зачислен в разряд романтиков, даже если ты и приехал на стройку с намерением устроиться заведующим тиром, как тот — в пыжиковой шапке.

Труднее потом, когда каждый день одно и то же, часто скучная, но необходимая работа. «Романтик на час» тут не годится. Но тысячи ребят навсегда остались на Качканаре.

У них выработалось к нему чувство, как к родному дому. Вчера Коля Попов, шофер-весельчак, вез горючее. Спустило одно колесо, потом другое: стоял сорокаградусный мороз. И законно бы переждать, отсидеться где-нибудь в тепле. Но он на истерзанных дорогой скатах вел и вел машину вперед: на Качканаре нужно было горючее.

Потом в гараже он рассказывал:

— Думаю, хоть на километр, да ближе к дому...

У каждого в жизни должен быть свой Качканар.

Апрель.

XIV съезд ВЛКСМ. Алеша Соловьев — делегат съезда от Качканара.

Свинцовые волны захлестывают каменистый берег. Хлопья студеной пены облепили стволы кудрявых сосен.

Между двух сосен, обнявшихся ветвями словно влюбленные, встретившиеся после долгой разлуки, стоял Сережа Самойлов. Следил за крутыми волнами.

Ветер гонял по реке коварные мертвяки — разбухшие в воде деревья, которые не успели вытащить на берег.

Весенний ветер гонит игривые волны пруда на каменистый берег, сверкающие брызги вздымаются высоко-высоко, и росинки ложатся на волнующиеся сосны, на скучное лицо стоящего под их ветками парня. Он подставил лицо ветру, брызгам волн, рыбакам, новому дню и яркому солнцу, стоящему на безымянном посту, на страже человеческих радостей.

Подхожу к Самойлову, лицо у парня грустное и мокрое. Не пойму — от брызг набегающей волны или от слез.

— Уезжаю, Федор.

— Надолго.

— Совсем уезжаю.

— Что ты, одумайся, Сережа, что же случилось.

— Да, так. Не получилась семейная жизнь.

— Может, все наладится. Не торопись.

— Не надо, прощай.

27 мая. Качканарцы праздновали пятую годовщину стройки в новом парке. Сережи Самойлова на празднике уже не было.

Июнь.

Тадеуш Нива — комсорг стройки — привел в партком девушку. Коричневая школьная форма, белый воротничок, две косички. Бантики торчат в разные стороны. Глаза девушки голубые, детские. Зовут Наташа. Приехала из Новосибирска, к дя-

де. «А он, — говорит она, — уволился и уехал из Качканара. Мать в Новосибирске осуждена за растрату в магазине». Нет у этой хозяйки двух косичек ни денег, ни документов. Как жить? Вызываю Якова Семеновича Баранова — начальника ЖКО треста, попросил устроить в общежитие. На работу Наташу устроили официанткой в новую столовую — седьмую. Через две недели встревоженный Тадеуш пришел в партком, не смотрит на меня. Что случилось — спрашиваю? Наташа наша — не Наташа, а аферистка, которую разыскивает милиция. Она обокрала подруг в общежитии, забрала, что было ценного, и скрылась в неизвестном направлении. Это у меня не первый случай встречи с аферистом. Был на Качканаре заместитель главного инженера треста некто Ганзбург, фамилия, возможно, и не настоящая. Аферист, который устраивался по звонку на руководящее место. Затем, получая доступ к ценностям, документам, он обкрадывал учреждение и исчезал. Звонок в отдел кадров он обычно делал из Москвы, якобы из Минтяжстроя СССР. Разговор шел в таком порядке: «Говорят из Москвы, из министерства. Вам нужны опытные инженеры-строители?»

Из управления кадров обычно отвечали обрадованно:

— Конечно. Качканарский ГОК страшно нуждается в организаторах.

Из Москвы: рекомендуем товарища Гаизбурга...

Из областного управления кадров:

— А кто рекомендует конкретно?

Из Москвы: наш отдел... — в трубке раздаются короткие сигналы...

Кадровик: опять автоматика сработала! Так и не ясно, кто же звонил? Министерство же большое...

Через несколько дней в упомянутом управлении кадров появляется плотный темнокудрый улыбающийся гражданин, изысканно одетый. Спрашивает с достоинством: Вам звонили из Москвы? О Ганзбурге? Это я.

И не смогли увидеть кадровики в этом обаятельном человеке опытнейшего афериста. Да, и такие проходимцы попадали в руководящее кресло на такой важной стройке. Говорят, этого афериста задержали где-то в Дагестане.

Мне порой хочется кричать: «Милые люди с пролетарским сердцем, не благодумствуйте, считая, что все битвы позади! Порядочность не передается по наследству, каждое поколение заново утверждает себя в поисках и борьбе».

Качканар стоял на палатках. Примитивные столовые, деревянные лежневки. Но идея новостройки была громадной силой, она вызвала к жизни субботники, митинги, коммунистические патрули, новые песни.

Сейчас другое. Ванные и душевые комнаты, асфальт, кинотеатр, свет огней каменных домов. Вырос мир материальных потребностей, а вот создать комплекс духовных потребностей — этого мы не сумели.

К нам на Качканар теперь едут не только романтики с пилами и топорами, котомками за спинами, не только молодые люди с комсомольскими путевками.

Один за другим сдают под ключ промышленные объекты. Это значит, что Качканар вступает в новое качественное состояние. Если раньше была острая нужда в рабочих руках, умеющих мастерски владеть пилой и топором, то теперь большой спрос на специалистов, знатоков горного дела. Качканар заметно взрослеет. Все чаще речь заходит не о хлыстах и горбыле, а о проблемах комбината, который будет работать по уникальной технологии, перерабатывая титано-магнетиты в высококачественное сырье для металлургии Урала.

Да, новые птицы — новые песни!

Надо вырабатывать новые подходы в работе.

Август.

Корпус среднего и мелкого дробления готовится к сдаче. Завершается монтаж дробилок. Сданы в эксплуатацию госкомиссии 44 километра железнодорожных путей между станциями Азиатская — Качканар. Первые электровозы прибыли на Качканар еще весной. Командуют на станции Качканар молодые инженеры С. Воевода и З. Васильева.

Открыли книжный магазин.

Сентябрь.

Коллектив управления гидроспецстроя возводит плотину. Между гор она поднимается на сорок метров. Накопит море воды.

Работы — непочатый край. Главное — снять растительный слой с подножья горы Гусевой. А экскаваторов на стройке в обрез. Паводок может уйти, не успеем задержать.

— Надо очистить гору гидромонитором, — предложил Виктор Пашенков. — Время выиграем, миллионы рублей сэкономим.

Мириады серебряных брызг взметнулись над Гусевой горой. Пошли в наступление тяжелые самосвалы. И через несколько месяцев зеленые волны нового моря бились о тело плотины. На его далеких берегах — костры рыбаков.

Октябрь.

Провели вторую отчетно-выборную партийную конференцию строителей комбината.

Делегаты избрали меня секретарем партийного комитета. Моего шефа А. П. Сенченко перевели на партийную работу в город Нижний Тагил.

На строительстве комбината начался самый жаркий период. В предстоящем году надо освоить около 35 миллионов рублей и ввести в эксплуатацию первую из четырех очередей комбината.

День ото дня не легче.

Заблудившийся в горах ветер атакует первомайскую колонну демонстрантов, над которой гордо взметнулся транспарант: «Родина! Есть проектная мощность горнообогатительного комбината». Вот он, заветный рубеж, к которому качканарцы шли столько лет через топи болот, через таежную глухомань, борясь с лесными пожарами и лютыми морозами, с нытиками и маловерами. А маловеров у Качканара было много. «Гора Качканар, служащая предметом исследований целых 130 лет, если и может называться горой «магнитной», то никак не в экономическом отношении..., а в отношении чисто минералогическом, давая образцы прекрасных естественных магнитов», — писал еще в прошлом веке один француз — придворный геолог. Но ошибся Барбот де Марни. Не образцы минералов для музеев, а миллионы тонн добротного металлургического сырья дает седой Качканар. По тысяче тонн железной руды в год добывается здесь на каждого жителя молодого города! Веками скрывавшая тайну гора открыла свою сокровищницу советским людям. Еще в начале сороковых годов была проведена первая магнитометрическая съемка, и магнитные волны подтвердили, что под каменным панцирем Качканара и соседних с ним гор пролегает мощный рудоносный слой с миллиардными запасами железной руды.

Каждый, кто ныне поднимется на легендарную гору, увидит у его подножья три гигантских карьера, напоминающих кратеры могучих вулканов. На дне кратеров грохочет аммонит, взрываются каждым взрывом сотни тысяч кубометров руды. В забоях непрерывно крутятся восьмикубовые экскаваторы, нагружая рудой один за другим прибывающие на горизонты железнодорожные составы.

Стотонные вагоны-самосвалы, увлекаемые мощными электровозами, огибая гору, мчатся на высоте 60 метров по плотине гигантского Выйского водохранилища к корпусу крупного дробления, чтобы опрокинуть свой груз в жерла самых крупных в мире дробилок. Здесь полутораметровые камни-глыбы дробятся — 100 тонн за полминуты — и словно кирпичики падают вниз: широкие ленты уносят их в новый корпус — на вторую и третью стадии дробления.

В третьем корпусе, который растянулся на километр, руда, с помощью электромагнитов и воды, обогащается, то есть начинается процесс отделения пустой породы от железа. Пустая порода идет в отвал, ее используют как ценнейший материал, а главный продукт обогащения — железно-ванадиевый концентрат — черный порошок, напоминающий порох — на специальные фабрики спекания — агломерационную и окатышей, где концентрат, смешанный с известняком, бентонитом — специальной глиной, спекается на обжиговых машинах. Вот они-то, полученные на этих фабриках продукты, — агломерат и окатыши — служат пищей для уральских доменных печей.

Горнообогатительный комбинат оснащен самой современной

новой технологией: контроль и управление технологическим процессом — дело приборов-автоматов, а за скрытыми дефектами зорко следят «телеглаза».

Рядом с комбинатом вырос город, в котором живут около 50 тысяч человек. Население молодого города растет быстро: в городе 12 микрорайонов с красивыми и благоустроенными девятиэтажными домами, а в каждом микрорайоне зеленая зона, свой детский сад, магазины, кафе, комбинаты бытового обслуживания.

Многие улицы спускаются от Дворца культуры горняков к рукотворному морю, на берегу которого раскинулся парк со стадионом на десять тысяч зрителей, красивый санаторий-профилакторий, водная станция, пионерский лагерь.

Совсем-совсем еще недавно верные друзья первостроителей — боевые комсомольские корреспонденты — Юрий Яровой, Давид Лившиц, Анатолий Пудваль, Феликс Вибе, Клара Скопина, Евгений Спехов писали о качканарцах:

— Ушел медведь из обжитых мест, гулом моторов, людскими голосами наполнилась тайга, застучали по деревьям веселые топоры. Через несколько лет здесь поднимется красавец-город с комбинатом, крупнее которого не сыщешь в мире. И ты станешь гордиться им, как гордится садовник выращенным садом и архитектор зданием, сооруженным по его проекту.

— Я строил Качканар, — скажешь ты. Это будет свидетельством подвига твоей юности. Ты приехал строить новый город по велению долга, по зову сердца. Никто не вынуждал тебя отправляться за сотни километров от родного дома. Но с юных лет приученный Родиной высоко ценить создания человеческого разума, ты задумал внести свою долю в творческий труд республики. И это просто — начать жизнь подвигом.

Качканар — это город открытого сердца. Нравственный климат формировался у жителей этого города с первого часа, как поставили палатки у сопки Любви. Высокое чувство интернационализма, чести, ответственности за порядок в родном доме — все это определяет настрой качканарцев.

Это главная сторона, основная грань из многогранной жизни — жизни интересной, полной непрекращаемых схваток с трудностями, которые постоянно встречаются на пути строителей Качканара. Девиз романтиков: «Быть всегда впереди!» Палаточный городок у подножья таежной горы для сегодняшних парней и девчат — далекая история. Далекая по времени, но близкая по духу. Когда я встречаюсь в цехах комбината с молодежью, когда беседую с «прожектористами» или слушаю выступления участников городского слета комсомольско-молодежных бригад, я невольно вижу своих товарищей-сверстников. Та же неутомимая энергия, та же непримиримость ко всему, что мешает работать.

На всех технологических линиях комбината в свое время

были созданы комсомольские посты качества. И в том, что качканарскому агломерату первому в Министерстве черной металлургии страны присвоен государственный Знак качества, заслуга комсомольцев велика.

Качканару уже за тридцать. Давно прошел тот памятный день, когда строители и горняки, как самую дорогую вещь, бережно брали в руки темно-синий песочек — долгожданный концентрат.

Чередой прошли годы пуска комплексов дробильной и обогатительной фабрик, аглофабрики, фабрики окатышей, позади этапы строительства больниц, детских садов.

На главной площади поднялась ввысь стела с орденом Трудового Красного Знамени, которым награждена качканарская юность. За труд, за мужество, отвагу и мастерство.

Валерий Иванов — первый качканарец, родившийся в палаточном городке, отслужил в армии, окончил техникум. Каждый раз уходя на работу, наказывает матери: «Мама, смотри, чтобы Димка не простудился». Елизавета Даниловна — бабушка — смотрит счастливая на Димку — внука, а тот бегаёт по теплой квартире, по ковру и знать не знает, что его отец родился и рос в палатке. Вырос крепким и сильным.

Встречаясь с молодыми качканарцами, всегда заостряю их внимание на главной стороне жизни первых комсомольцев легендарного города, чтобы они еще раз услышали, что вся планета — наш дом, что все трудящиеся на ней — наши братья.

В эти минуты встреч мальчишки и девчонки уходят мысленно вслед за рассказчиком в даль тех дней, которые стали уже историей. Я не могу не рассказать об этих днях.

Морозным январским утром 1959 года в первый рейс на промбазу отправилась автоколонна имени Ленинского комсомола. Головную машину вел гражданин солнечной Болгарии Эмиль Ризович. —

Эмиль Ризович...

Этот чудесный парень снова живет сейчас в Софии. Недавно получил от него весточку. Пишет Эмиль: «Скучаю об Урале, даже во сне часто вижу «зеленое море тайги», а в нем небольшой островок — наш палаточный городок».

Тогда в 1958 году Эмиль Ризович, член Димитровского Союза молодежи, приехал с группой товарищей строить новый гигант горнорудной промышленности у подножья Качканара. Он первым возглавил автоколонну имени Ленинского комсомола, в числе первых вез бетон для фундаментов корпусов комбината. А через пять лет после того события уехал наш содруг-весельчак домой, да не один. Эмиль прихватил с собой и уральскую снегурочку. Но, как видите, по-прежнему не забывает ни уральского северного ветра, рвущего в морозные ночи заиндевевшие струны гигантских ЛЭП, ни парней и девчонок, поднимающихся в сорокоградусные морозы по обжигающим опорам линий, чтобы натягивать порванные струны.

Не только не забывает, но даже тоскует по далекому краю, по прошедшим трудным и радостным дням.

Иначе и не может быть.

У жителей немецкого города Тале, живописно раскинувшего цеха машиностроительного завода и каменные улицы у подножья знаменитого Гарца, бытует поверье. Среди многочисленных скал Гарца есть одна скала, и каждый, кто однажды удачно взберется на эту скалу и смело пройдет по ее крутой вершине, сойдет со скалы сказочно богатым.

Если сравнить с Качканаром, то сказочно сильным здесь делает людей дружба.

Немало книг написано о мужестве строителей Магнитки и Рудного, Братска и Гая, и пусть еще мало сказано о Качканаре, но мужества не занимать его парням и девчонкам, русским и грузинам, украинцам и полякам, молдованам и белорусам — всем строившим Качканар.

Эдуард Иосифович Бовжик, по национальности поляк, родился в Западной Белоруссии. Ему было два года, когда части Красной Армии освободили его родной город. Его родители еще испытали гнет и эксплуатацию капитала, а ему суждено окончить школу в Советском Союзе. В 1960 году демобилизованный матрос Балтийского флота Эдуард Бовжик по комсомольской путевке прибыл на строительство Качканарского ГОКа, в том самом первом отряде из 400 моряков с Балтики.

Вместе с друзьями балтийцами Эдуард над своим общежитием в первый же качканарский день поднял морской флаг.

Как и другие моряки, Эдуард пошел на самый трудный участок стройки. Он и его друзья Алеша Соловьев, Юра Азаренко, Саша Урванцев после краткосрочных курсов возглавили комсомольско-молодежные бригады монтажников-высотников. На 50-метровой высоте в лютые морозы монтировали они стеновые панели. Эдуард Бовжик до сих пор не в силах забыть, как поднимали стеновые панели на фонарную часть корпусов среднего дробления и обогащения. Кран мог поднять панель до отметки плюс 44 метра, оставалось еще десять метров. По засыпанной снегом крыше на самодельных катках с помощью лебедки поднимали на «фонарь» ребята тяжелые панели, ежеминутно рискуя жизнью. Эдуард помнит, как его товарищ Николай Новиков, спасая друга, принял на себя удар сорвавшейся панели...

Не забудет и Эдуард Бовжик, и все качканарцы, как погиб на стройке демобилизованный моряк-бригадир монтажников Александр Урванцев.

Дело было так. За несколько дней до сдачи первой очереди комбината Саша пришел в корпус крупного дробления проверить фронт оставшихся до пуска работ...

Он увидел: над самым входом в корпус зависла панель, готовая сорваться в любую минуту.

— Значит, закладные сделаны с браком. Утром ребята войдут в корпус. Может произойти несчастье.

Он поднялся на верх, отпилил неповрежденные закладные пластинки, которыми крепилась панель к колоннам. Пора бы и сбросить панель. Но внизу стоял металлический ящик со стружкой.

— Панель разобьется о ящик, а ведь ее можно подлечить. Туго с панелями на стройке. — Саша потащил ящик в сторону. В это время где-то спецстроевцы сделали взрыв. Корпус трянуло. Панель рухнула...

Дело Саши Урванцева продолжали его друзья. Друга Саши Урванцева Эдуарда избрали начальником комсомольского штаба четвертого стройуправления. Вместе с Валею Шмидт, Светой Кормильцевой, Натаном Летучим, его боевым помощником, он был грозой для нерадивых хозяйственников. Рейды по организации труда, хранению материалов, использованию машин и механизмов... фотообвинения... Все взял на вооружение начальник комсомольского штаба.

Прошло двенадцать лет. Эдуард окончил вечерний строительный техникум, работал секретарем партбюро стройуправления № 4, затем главным инженером управления. Из далекой Польши он часто получает письма от родных. Собирается к ним в гости.

В 1962 году комсомол Азербайджана вручил путевку Ширину Алиеву, и поехал Ширин на Средний Урал строить новый город. Работал бетонщиком, плотником, шофером. Любая из этих профессий ему нравилась. Но не мог Ширин пройти мимо работающих на огромной высоте электросварщиков. Подолгу любовался пирамидами крупных искр, которые густо осыпали фермы и колонны. Хотелось пойти на курсы электросварщиков, но не хватило знаний.

И Ширин после трудового дня идет в школу рабочей молодежи. Он овладел в совершенстве профессией электросварщика, затем заочно учился в Уральском политехническом институте, был партийным организатором цеха железобетонных конструкций на заводе стройматериалов.

Подвиг первых качканарцев продолжается в делах таких людей, как Ширин Алиев, как Мурман Папава...

Первый раз Мурман Папаву я встретил двадцать семь лет назад. В Качканаре проводился открытый ринг. Самые сильные мастера кожаной перчатки Свердловской области встречались на нашем ринге. Каждый раз, когда на ринг вызывали боксеров из Качканара, заметно волнуясь, к натянутым палаткам подходил высокий стройный молодой грузин. Он неторопливо поднимал верхний канат и с улыбкой что-то говорил с кавказским акцентом идущему на ринг. Это был тренер качканарских боксеров, «наш Мурман», как любовно называли его спортсмены. Затем я встречал Мурман Папаву на лекциях в вечернем институте.

Но особенно памятной осталась наша встреча в сентябре 1963 года. Шло рабочее собрание на участке треста Уралэлект-

ромонтаж, ведущим работы на строительстве ТЭЦ. Приближалась зима. Новый комбинат ждал тепло, а строительно-монтажные работы на объектах теплоэлектроцентрали отставали. На этом собрании бригадир монтажников Мурман Папава выступил первым.

— Работы непечатый край. Людей не хватает. Ждать помощи неоткуда. Трест выделил людей сколько мог. Предлагаю работать не по семь, а по десять часов, и сдать до наступления холодов ТЭЦ.

Этот почин поддержали другие бригады.

Что такое десять часов?

Были моменты, когда сутками Мурман не уходил с участка домой. Но в далекую Абхазию шли оптимистические письма:

«Все хорошо, дорогие папа и мама, работы много, учусь, занимаюсь спортом. Сдадим ТЭЦ, и приеду в гости с Надежкой».

ТЭЦ сдали до наступления морозов. А после сдачи в эксплуатацию ТЭЦ, через несколько дней все село Квитоули гуляло на свадьбе Мурмана с Надей.

Восемь лет работал Мурман Григорьевич Папава председателем завкома профсоюза, а затем заметителем директора Качканарского завода по ремонту горного оборудования. Закончил Московскую высшую школу профдвижения... Сейчас он трудится на посту заместителя директора птицефабрики.

Счастливого пути тебе и дальше, Мурман!

Качканар не только принимал отряды добровольцев из разных республик страны и социалистического содружества, он и сам протягивал другим руку помощи.

В 1966 году отряд качканарских комсомольцев во главе с Ниной Шишкановой выехал для оказания братской помощи в город Ташкент на строительство домов в разрушенных землетрясением кварталах узбекской столицы, хотя сам Качканар в это время стоял в лесах новостроек. Нина Шишканова в 1959 году приехала на Качканар по комсомольской путевке из Ульяновской области. Первая студентка вечернего строительного техникума, который закончила с отличием.

За самоотверженный труд на восстановлении столицы Узбекистана мастер Шишканова награждена медалью «Строителю Ташкента».

Качканарцы — люди высокой чести и мужества.

Из записок начальника оперативного комсомольского отряда — Тадеуша Нивы:

«В первое время остро ощущалась необходимость избавить стройку от преступных элементов, хулиганов, любителей легкой наживы. И служба наша нередко была связана с опасностью: ведь знали оперативников в лицо. Через все мы прошли: угрозы, анонимки, подброшенные в почтовый ящик. Но встретиться в открытую с нами они боялись. Поблажки не было никому.

Не прошло и года, как на стройке стало тихо — поняли те,

кто мешал работать и жить строителям, что есть в Качканаре твердая рука, комсомольская оперативная группа.

Отличными оперативниками проявили себя Николай Меньшиков, Николай Дороганов, Виталий Слезкин, Вячеслав Алексеев, Иван Забавин, Эдуард Бовжик, Володя Гавриленко, Евгений Карнаухов, Лидия Юмина, Владимир Пронькин, Алексей Шалин, Эдуард Мулица, Петр Ожегов, Алексей Бусыгин, Михаил Вербельчук.

Большинство из них были секретарями комсомольских организаций, а в дружине они — командиры пятерок.

Огромную помощь оказывал нам в выполнении ответственных заданий сотрудник милиции комсомолец Гена Гультяев, ныне начальник отдела милиции в городе Балахна Горьковской области. По его собственному признанию, он прошел большую школу оперативной работы в Качканаре. Эти слова сегодня скажет каждый из нас, потому что оперативная работа не могла не воспитать в членах групп такие качества, как смелость, выдержка, мужество, ответственность за свои поступки.

Нет сегодня с нами чудесного парня Ивана Забавина. Он погиб при выполнении производственного задания. Володя Гавриленко, нашедший свое призвание в суровой милицейской службе, работал несколько лет в Московском уголовном розыске. Он также погиб при выполнении служебного задания. Они навсегда остались в нашей памяти».

Моих товарищей по комсомолу давно называют по имени-отчеству. За прошедшие годы они прошли и большую школу жизни, воспитывают новую смену — комсомольцев восьмидесятых годов. Это так. Но мне они помнятся и видятся такими, какими были двадцать лет назад — горячими энтузиастами своей мечты, задорными, инициативными, всегда готовыми к борьбе с трудностями...

Эти записки о буднях отряда, но они примечательны тем, что именно комсомольский оперативный отряд стал ядром городского коммунистического патруля.

Коммунистический патруль! Он родился у нас в семидесятых годах. Это интересная и важная форма воспитания ответственности человека за порядок в городе. Смысл его в том, что не десять—двадцать человек выходят с повязками дежурить по улицам.

Нет! Более тысячи качканарцев собираются у горкома партии, как на боевой смотр, поотрядно распределяются молодые коммунисты и комсомольцы по всем микрорайонам. Они проверяют клубы, столовые, места отдыха качканарцев. Люди идут без повязок, празднично одетые. Идут группами, парами. И если кто-то из них видит забулдыг, распивающих вино в парке, то подходит к «компании» и предлагает покинуть парк.

Нарушители задают вопрос:

«Ты кто — дружинник?».

Им в ответ: «Нет, я качканарец!».

И тогда пары и группы качканарцев подходят к выпивающим. «Мы качканарцы!» — все громче звучит в парке, все настойчивее. Кажется, что все жители города придут в этот парк. И самые злостные хулиганы трусливо разбегаются.

Люди, которые без особых знаков отличия и специальных поручений идут на борьбу за порядок и каждый отвечает за все.

Саша Наймушин по путевке горкома ВЛКСМ прибыл на Качканар из Нижней Туры в числе первых строителей нового города. Опытный электрик, комсомольский активист Нижнетуринской ГРЭС, Саша знал, что новостройке нужны квалифицированные кадры.

Одна единственная подстанция питала молодую промбазу. Отключить ее нельзя ни на секунду. Саша умел применять защитные средства, подключая под напряжением сварочные трансформаторы и вибраторы. В сорокоградусные морозы, которые для Качканара не редкость, бетон укладывали не прекращая, с электроподогревом. Работал Саша Наймушин на этом участке до пуска в строй дробильной фабрики.

В один из весенних дней 1967 года Наймушин запускал в прокрутку пластинчатые питатели. Надо было включить генератор. Саша нажимает кнопку пуска автомата оперативного управления цепями включения. Но новый автомат оказался с дефектом, сработал одновременно на включение и отключение. Пламя запылало по шинам подстанции. Но не испугался Саша, смело боролся с огнем, спасая оборудование. Несколько месяцев пролежал в больнице. Все обошлось благополучно, только лицо и руки не загорают даже в жаркие летние дни.

Александр Наймушин был первым среди качканарцев, получивших диплом горного инженера после учебы в местном учебно-консультационном пункте Свердловского горного института. Сейчас Саша работает энергетиком фабрики. И разве один Наймушин такой?

Ленин однажды сказал, что трудно быть революционером в дни мирного строительства новой жизни. Это подтверждает происходящая сейчас в стране перестройка. Это подтверждает тридцатилетняя борьба качканарцев за новый город.

Женя Борисов — суровый с виду. Неподступный. Как будто вечно чем-то недоволен. При каждом удобном случае кроет начальство, не стесняется. А одевается изысканно, даже я бы сказал, вызывающе. Однажды он распахнул дверь кабинета управляющего трестом Карлюкова, небрежно сунул в карман модный берет, подошел и бесцеремонно спросил:

— Это не вы ли, друг, управляющий?

— В чем дело? — изумился Карлюков.

— Что на стройке творится? Какая-то анархия! Куда вы смотрите?

— А ты откуда, собственно?

— Я — Борисов, прораб Спецжелезобетонстроя. Пришел представиться.

Карлюков расхохотался. Он любил дерзких, хотя и грубоватых парней.

— Рад приветствовать доблестного прораба!..

Федор Нестерович знал, как часто за внешней дерзостью такие парни скрывают сердечность и отвагу, и Женя доказал это.

Как-то весной шло заседание парткома. Вдруг позвонили: возник пожар. На стосорокаметровой недостроенной трубе аглофабрики от искры электросварки вспыхнул лак. Огонь перекинулся на монтажные площадки.

Прибыли пожарники. На такую высоту воду пришлось подавать под большим давлением, и пожарные рукава под напором воды рвались. Огонь грозил повредить подъемник: горели металлоконструкции. Евгений Андреевич Козлов — главный инженер треста, предложил: сбить пламя паром (специальные трубы подавали пар для подогрева бетона). Но надо же прорваться сквозь пламя на огромную высоту. И Женя Борисов с Аликом Лаптевым полезли по монтажной лестнице. Падали сверху куски шлакоблоков... Едкий дым... Наконец им удалось сбить ventиль — открыть его было невозможно. Клубы пара поднялись к небу. Огонь быстро пропал. Обгоревшая опалубка рушилась вниз. Ребята остались на верхнем кольце трубы. Их выручили монтажники.

Жизнь любит того, кто не боится ее потерять. И бывают минуты, когда человек словно сдает экзамен за всю прожитую жизнь. И не все порой могли выдержать экзамен мужества. Помню одного тракториста.

Был август. Огни электросварки освещали по ночам горы, грохотали экскаваторы ковшами в карьерах, новый кинотеатр заливал неоновым светом площадь. Люди на промбазу уже ездили на автобусах, а старая лежневка вспоминалась лишь в нехитрой песенке, сочиненной Колей и Лидой Бедерниковыми.

Ах, лежневка, ах, лежневка!

Ты милее всех дорог.

Узел судеб, узел счастья

И волнений, и тревог.

Дни же стояли знойные. Даже ночью земля дышит жарко-жарко. И когда в небе пролетает пылающий метеорит, невольно возникает мысль: пусть летит, но только бы не в изнемогающий лес. Сушь кругом. Лес вплотную окружает город. Метеориты летели, на счастье, мимо.

Беда пришла днем. Вдруг факелами запылали сосны. Лесной пожар подступил к южной окраине, угрожая родильному дому. Сотни молодых заграждали путь огню. Но пламя неудержимо рвалось в поселок.

Наконец-то дождалась бульдозера. Но за рычагами молодой бульдозерист. Он растерялся.

Тогда к нему подбежал Петр Васильевич Холявка — коммунист-фронтовик:

— Чего стоишь, парень? Вали сосну! Вали быстрее!..

Пылающая сосна вот-вот рухнет на здание больницы.

— Сам попробуй, — со слезами прокричал машинист бульдозера.

Петр Васильевич вскочил в кабину и направил машину в огонь. Молоденький машинист сидел рядом с ним ни жив — ни мертв.

Больница была спасена. И замечательно то, что всегда в трудную минуту опасности рядом с молодыми, порой растерявшимися людьми, оказываются люди, смело идущие на риск. На своем примере учат отваге.

Да, качканарцы прошли трудным путем.

Что понимать под словом «трудно»? В связи с этим вспоминаю один момент. Это было несколько лет назад.

Обком партии направил меня по путевке в один из сочинских санаториев. Впервые я увидел Черное море. Одним из вечеров зашел в домик-музей Николая Островского. Встретила меня сестра писателя — Екатерина Алексеевна и пожилая женщина, которая ухаживала за автором «Как закалялась сталь» в его последние годы жизни. И хотя музей был уже закрыт для посетителей, мне женщины разрешили войти. Рассказал им о трудовых буднях первостроителей, о том, как на стройке организовали соревнования комсомольско-молодежных бригад за звание бригады имени Николая Островского. Когда говорил о трудностях в жизни первопроходцев, Екатерина Алексеевна заметила, что ее младший брат Коля, прикованный болезнью к постели, на вопрос, насколько трудно приходится ему, ответил однажды: «Трудно должно быть тому, Катя, кто не знает, что ему делать».

«Трудно» и «надо» — диалектическое единство этих понятий раскрывается в повседневной борьбе качканарцев. Десятилетия сменяют друг друга, но остается борьба за будущее города, и хотя формы этой борьбы приобретают новые очертания, но сущность их неизменна.

... Вторую неделю идут дожди, дожди, дожди... Тревожно.

На Зай-горе — диспетчерский пункт. У подножья — главный карьер. Самый мощный карьер на всем Урале. Вдали Качканарское море. Дожди высоко подняли уровень воды. Гигантская чаша наполнена до краев. Кажется, еще один дождливый день — и море выйдет из берегов, хлынет в кудрявый кедровник, зальет все до самой горы Луковой.

Луковая — в честь красного командира Лукова. В гражданскую войну колчаковцы нескольких дней преследовали небольшой, измотанный в неравных боях отряд бойцов. Луков спрятал своих раненых в заброшенной лесной избушке старателя, мывшего золото на берегу Выи, и сам с тремя бойцами, еле державшимися от усталости в седлах, выехал навстречу белогвардейцам. Завязали перестрелку и поскакали к кудрявому кедровнику, в сторону, противоположную от спрятанных раненых.

Враги за ними. Кончился кедровник. Кончились патроны. Впереди гора. Но уже только один командир поднимается на нее, он ранен, колчаковцы наседают... И, разогнав коня, Луков вместе с ним спрыгнул вниз. Погиб, но не дался врагам...

С Зай-горы хорошо виден каждый горизонт карьера. На одном из них грохочет экскаватор Бориса Лентьевича Басова. Восьмипудовый ковш непрерывно снует от забоя к думпкарам — стотонным вагонам-самосвалам. Лишь бы не подвели железнодорожники. Наверное, и сейчас, в пятиминутном перекуре, Басов думает о них. В железнодорожном цехе работает его жена — Зоя Александровна, машинист электровоза. Она депутат областного Совета, орденоносца. Она первой на Качканаре повела тяжеловесный состав с рудой.

Был такой период, когда срывался план перевозки руды. Как улучшить связку карьера и фабрики? Маневренность локомотивов низкая. Из карьера до станции Карьерная руду подают тепловозы, там двойная пересцепка, дальше везут электровозы. Электровозы пришли на комбинат из Днепропетровска — модернизированные, без омоторенного думпкара. Три вагона руды на электровоз — 300 тонн.

Вечером в кабинете начальника цеха Владимира Николаевича Самойлова собрались опытные машинисты локомотивов.

— Мы предлагаем водить рудовозные поезда по системе многих единиц, — говорит Дмитрий Иванович Судаков, техрук цеха.

— Кто это мы? — спрашивает Владимир Николаевич.

— Зоя Александровна Басова и Михаил Огнетов. Ну, и я... Поведем составы спаренными электровозами. Два электровоза с шестью вагонами — маневренность увеличится.

— Что же это получается? Два машиниста будут ручку крутить — один направо, другой налево? А два помощника в окна смотреть?..

— Нет. По нашей системе состав ведет один машинист с одним помощником.

— Идея! Маневренность выше — грузопоток увеличим. Да и проблема кадров будет решена, наконец; по два человека с поезда высвободим, — подвел итог начальник цеха.

Зоя Александровна первая повела поезд по новой системе. Шестьсот тонн руды за одну ходку!.. Через несколько лет железнодорожники доведут высокую норму до восьмисот тонн.

... Мчит локомотив Басовой с восемью думпкарами. Зоя Александровна выглядывает в окно, смотрит в сторону карьера и, наверное, думает: «Только бы не подвели экскаваторщики».

На какой-то миг сквозь тучи пробивается солнце, озаряет Зай-гору, карьер; ленты рельс блестят серебром.

Дождь перестал. Улеглась тревога.

В одну из поездок на Качканар встречаю старого друга. Коля Спиркин, теперь начальник аглофабрики, сияет: получил разрешение на академический отпуск.

— Поздравь. Вышел на дипломирование.

— На последнюю, значит, прямую?

— Да! Но почему — последнюю?

Коля вспоминает бессонные ночи, проведенные над курсовыми проектами. А мне на память приходит время, когда залихорадило аглофабрику: были постоянные аварии на участке охладителя, на Колином участке.

Охладитель — большой вращающийся цилиндр, в него с грохота падают, рассыпая искры, огненные куски агломерата. Плохо, когда он не вращается: агломерат не остывает, а горячим подавать его на погрузку нельзя, так как горят транспортерные ленты.

Коля Спиркин работал на этом участке механиком.

— Николай Лукьянович, — пришел он к начальнику фабрики Красноселову. — По-моему, база охладителя (вращающаяся опора) у нас слабая. Что если поставить охладитель на базе шагающего экскаватора. Уралмашевцы помогут. Поеду к друзьям, выручат...

Проектанты одобрили его идею.

На замену, по их подсчетам, требовалось 45 дней. Министр попросил уложиться в тридцать.

Работа закипела. Надо было демонтировать охладитель — это тысяча тонн металла. Тысячу кубических метров бетона убрали кусочек по кусочку отбойными молотками, взрывать же не будешь: кругом оборудование. Коля Спиркин трое суток не уходил с участка, спал в диспетчерской. Ребята из бригады Коли Новикова — домноремонтовцы — бывшие моряки Балтики — тоже работали сутками. И на тридцатый день новый охладитель был в строю.

— Целый месяц отгулов заработал, — шутил Коля. — Студенту-заочнику пригодится.

Через несколько месяцев он будет инженером.

Счастливого пути тебе, Николай!

Ни с чем не сравнятся последние дни перед пуском комбината. Какая-то лихорадочная жизнь. У людей — взрыв энергии.

Многим совсем не спится. Тянет на строительную площадку, в цехи комбината, где уже хозяйничают металлурги и где совсем не такая, как у строителей, жизнь: степенная, обстоятельная. И как-то даже жалко, как-то еще трудно осознать, как-то неожиданен финал.

Пускаем Качканар!..

Но опять... Перед запуском тепловой системы обнаружилось, что нечем футеровать скруббера — аппараты для очистки воздуха. Нет стеклянной плиты. Казалось бы, пустяк, а их не нашлось во всей Свердловской области. И бригадир Мурашов предлагает футеровать деревом.

Что для человека какой-то скруббер? Почему он вдруг стал для Мурашова в последние дни предметом нервных тревог и безмерных забот? Мог же он просто потребовать от других,

свалить заботу на тех, кто обязан это сделать? Мог. И, как видите, не смог.

Как и у Александра Васильевича Мурашова, в эти предпусковые дни особенно тревожно было на душе Михаила Вахмянина — начальника производственного отдела Качканарского управления треста Востокметаллургмонтаж. Трест отстал с пуском технологического оборудования. Особенно плохи дела на корпусе крупного дробления.

— А что, если монтаж начнем крупными блоками? — предложил Михаил Вахмянин. — Мы сейчас по 80 операций выполняем на стометровой высоте. Будем же только — четыре.

— Легче блоки смонтировать на земле, — поддержал Михаила управляющий трестом Карлюков, — Но у нас нет специалистов.

— Я сам возглавлю бригаду монтажников, — ответил Вахмянин. — Где мне важнее быть? В конторе?

В 1969 году за героизм и мастерство Михаил был награжден орденом Ленина, а через 17 лет Борис Николаевич Ельцин вручит Михаилу Вахмянину Золотую Звезду Героя.

Характерно, что в тот предпусковой год люди проявляли новаторство на многих участках стройки.

За каждый строящийся объект шло почти что сражение. Разгорелся бой тогда и на берегу шламоохранилища. Будущий комбинат требовал много тысяч кубометров воды каждый час. Ее подать должна была насосная осветленной воды. Она, словно корабль, высоко поднялась над волнами рукотворного моря. Осталось соединить насосную с берегом 18-метровым трёхпролетным мостом. Его ожидали из Свердловска, но проектанты не учли трудности транспортировки пролетов. Мост не везли, а испытание технологического оборудования вот-вот надо начинать.

И Вальтер Шмидт — комсомолец, инженер, просидев не одну ночь за рабочим столом, предложил:

— Семен Семенович, мост сделаем сами и в срок!

— Что ты, Вальтер Павлович! — опешил Мальцев. — Надо же строить коренные леса до 40 метров, делать опалубку. Где возьмем десятки вагонов леса, пиломатериалов?

— Не надо корейных лесов!

— А плотников сколько потребуется? Трест нам не добавит ни одного.

— Не надо просить у треста плотников. Можно соединить здание насосной и берегом стальными трубами. На трубы повесим опалубку, забетонируем, стыки усилим, добавим жесткости. Я рассчитал...

Показали проект главному технологу Евгению Андреевичу Козлову. Тот поддержал молодого инженера. И мост построили по проекту качканарца Вальтера Шмидта.

Вот он, долгожданный день — день пуска комбината. На митинге тысячи качканарцев. Первый секретарь областного

комитета партии Константин Кузьмич Николаев весь сияет, читая текст приветствия ЦК КПСС строителям и монтажникам Качканара. Он счастлив не меньше, чем все мы.

Лучшие из лучших стали Героями Социалистического Труда Александр Васильевич Мурашов — фронтовик, старый кадровый рабочий, Вася Митягин и Вася Пушкарев — молодые монтажники. Юра Азаренко и Гена Наймушин награждены орденами Ленина, Семен Степанович Мальцев — орденом Трудового Красного Знамени.

Вглядываюсь в лица ребят. Трудные годы такой напряженной жизни — не шутка. Тогда, в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом, нам было по двадцать пять, по двадцать, а кому и меньше. Теперь мы стали намного старше. Мы чуточку поумнели и стали сильнее. И выросли. Коля Иванов — инструктор горкома партии. Коля Спиркин разыскивает в толпе Алешу Соловьева. Коля — начальник смены, Алеша только что вернулся с сессии — учится в горном институте. Семен Степанович Мальцев что-то веселое рассказывает Евгению Андреевичу Козлову, который только что назначен главным инженером треста. В стороне скромно стоит Василий Алексеевич Попов — он теперь заместитель управляющего. К нему пробивается сквозь толпу Илюша Машкин, ныне старший инженер производственного отдела треста...

Секретарь обкома называет имена прославленных строителей: Алексея Егорова, Николая Бородулина, Геннадия Глоя, Александры Бусыгиной и многих, многих других.

Гремят аплодисменты. Кричат ура. Ветераны Качканара обнимаются, исподтишка вытирая слезы кулаком.

— А жить так хочется!.. — говорил Аркадий Гайдар.

Но законы жизни таковы, что радости у людей не постоянны, они часто сменяются тревогами, сомнениями. Качканарцы обыкновенные люди, человеческое им не чуждо.

Из письма друга.

«Я все больше и больше убеждаюсь, что совершенно не умею жить, хотя мне уже за 30 лет. У меня получается так: где не нужно, я спорю, а где требуется показать свои знания, я молчу, хотя понимаю, что определенными знаниями и навыками располагаю.

Ты знаешь, комсомол научил меня верить в людей и говорить с ними прямо и честно. Неужели такое отношение к людям, действительно, считается «несовременным»? Неужели за семь лет качканарской жизни мы с тобой одичали? Я никогда не считал себя лентяем. Думал: нормальный человек, инженер, знаю свое дело. А мне кое-кто говорит: «Ты не умеешь жить в ногу со временем!» Или: «Держи нос на стреме, если хочешь защитить диссертацию». Сказал бы мерзавец, я внимания не обратил бы. Но говорят солидные люди. И — такие убеждения!..

Ты знаешь, я всегда считал одним из прекрасных качеств

в человеке — умение сделать что-то полезное, хорошее для кого-либо. Я могу драться за кого-то, а за себя не могу...».

Написал это письмо инженер Рюрик Борисов. Был комсоргом Исовского техникума. Преподаватель. Ему прочили большое будущее. Но он ушел на стройку, как и Николай Иванов, Женя Едигарьев, Николай Спиркин и еще сто комсомольских активистов Нижней Туры. Он просто не смог, не хотел прятаться за спину других. Он много знает, начитан, к нему всегда тянутся молодые люди.

Первые дни он был на рубке трассы. Тонул в болоте, заболел. Простудил ноги. Лечили, горком комсомола помогал достать путевку в санаторий. Вернулся.

— На Качканаре должен быть институт. Для начала — хотя бы учебно-консультационный пункт, — сказал ему Коля Спиркин.

— Хорошо. Буду преподавать начертательную геометрию, — согласился Борисов...

— Ты будешь ректором, Рюрик, — возразил Спиркин.

— Генерал без армии?

— Армия — пять тысяч молодых строителей, которым нужен на Качканаре вуз.

Так Рюрик Борисов стал ректором несуществующего института.

Он поехал в Свердловск. В горном институте сказали: «Добро. Откроем учебный пункт, если будет 200 заявлений на первый курс».

Борисов пошел по бригадам.

Вскоре на стройку приехал декан горного института В. Н. Калашников:

— Показывай, «ректор», свое хозяйство.

Рюрик отдал ему 300 заявлений.

— Очень хорошо, — сказал Виталий Николаевич. — Вот вам программа для первого курса.

Рюрику удалось тогда, в 1960 году, провести первую лекцию, сагитировать десяток инженеров стать по совместительству преподавателями и вырвать не без нервотрепки комнаты для института. Ему говорили: «Авантюризм! Хорошо, если откроем институт через 10 лет». У комбината еще не было стен, а у города — приличной улицы. Его товарищи поднимались по службе, становились ведущими инженерами. Он же, не менее их талантливый, создавал институт, в который никто не верил. Позднее Рюрик все-таки защитил диссертацию по теме: «Конструктивная отстройка бортов Качканарских карьеров».

И такой человек говорит о себе: я несовременный. Можно, конечно, посчитать это минутным сомнением, которым подвержен любой человек. Но дело, мне кажется, сложнее. Не слишком ли часто мы стали встречать вокруг себя в последнее время «современных» людей, для которых вещизм и карьера и есть истинные ценности жизни. И такая обывательская психо-

логия, в основе которой эгоизм, влияет, сознаем мы это или нет, на каждого из нас, на общий климат нашего общества.

Жизнь рождает явления себялюбия, мешанства, но она же, к счастью для человечества, рождает и мощный противовес этому. Обретаешь силу, когда рядом с тобой твои единомышленники, люди, на которых стараешься держать равнение.

Огромный зал огромного Дворца культуры горняков. Гремит музыка, звучит комсомольская песня. Вечер выпускников средних школ. Кружатся пары. И нет-нет да и затормозит кто-то из танцующих, поклонится седой женщине с добрыми глазами, сидящей в сторонке.

Это Мария Александровна Прозорова — первая учительница Качканара. И трудно представить в нарядном, залитом электричеством зале, снежные ураганы над палаточным городком и то утро, когда в домике по Октябрьской впервые открылась дверь комнатки с табличкой «Школа».

Но кто в кругу юности не вспомнит себя молодым? Разве можно забыть то весеннее утро, когда отряд демобилизованных моряков прибыл по путевкам ЦК ВЛКСМ на Качканар. Помните — играл оркестр, моряки строем прошли в приготовленное им общежитие. В обед они подняли над ним морской флаг и провели боевой смотр отряда. Вечером вышли в комсомольский патруль.

Самым шумным и самым людным местом у нас тогда был парк строителей. Там танцы. Танцплощадка построена в субботние дни комсомольцами у подножья сопки Любви. В середине высокая пышная сосна, ребята сберегли ее. И возле этой сосны обычно хулиганил напоказ Серега со своими друзьями. Одевался Серега во все флотское.

Саша Урванцев, Эдик Бовжик, Алеша Соловьев, Юра Азаренко окружили дружков и задали Сереге вопрос:

— Ты где служил?

— Нигде!

— А форма у тебя чья?

— Взял у друзей.

— Снимай бушлат.

Серега снял.

— Тельняшку!

Нехотя стянул с себя Серега и тельняшку.

— Клеши снимай!

— Братцы, кругом же девчата...

— Снимай!!!

Так наступил конец Серегиной «славе». В трусах он покинул парк.

Не могу я забыть и один экзаменационный день в нашем учебно-консультационном пункте горного института. К столу тогда шел высокий, крупный парень, волевое лицо, большие ясные глаза, чуть угловатая улыбка. Шел медленно, ступал тяжело.

Это был Игорь Бызов.

Еще несколько лет назад я встречался с ним совсем в другой обстановке. Игорь лежал в больнице, неподвижно, на подвесках, обе ноги были раздроблены: Игорь, работая на монтаже оборудования аглофабрики, оступился, неожиданно ослепленный электросваркой, и рухнул в проем.

Падая, он хватался за арматуру, срывался и снова летел вниз. С 16 метров — с высоты пятиэтажного дома — на бетон. Два года врачи выхаживали его. Сам легендарный летчик Алексей Маресьев писал ему письма. Молодой организм победил. Бызов снова в строю. Но не пошел работать в контору, как советовали врачи. Он — электрослесарь обогатительной фабрики. Начальник комсомольского «Прожектора» комбината. Член бюро горкома комсомола. Удивительной силы воли и высокого обаяния молодой коммунист.

Философию он тогда сдал на отлично.

Рюрик Борисов, кандидат технических наук, и сейчас работает инженером на строительстве северного газопровода. Но ведь он из теплой квартиры, с руководящей работы в геолого-разведочном техникуме по призыву комсомола ушел на строительство дороги в тайге. Простыл. Обезножил. Не бросил стройку. Нет, не забудут его ребята.

Не забудут качканарцы и Бориса Быстрова — неосвобожденного секретаря комитета ВЛКСМ строительства Нижнетуринской ГРЭС. Борис работал бригадиром электриков. Высокая квалификация, чуткое отношение к товарищам сделали его любимцем молодежи.

Имея четверых детей и большое комсомольское поручение, Борис в тридцать лет пошел учиться в шестой класс школы рабочей молодежи. Жил Борис в бараке. Как передовому бригадир, комсоргу и отцу многодетной семьи выделили ему благоустроенную квартиру вне очереди. Жена обрадовалась. Преждевременно...

Впереди Бориса в очереди на жилье стоял его товарищ по работе и тоже ученик школы рабочей молодежи Вася Комлев. Вася учился в десятом классе, а детей у него было пятеро. Борис исправил в своем ордере внесенную работником ЖКО фамилию Быстрова на Комлева. Семья Быстровых осталась жить в бараке, пока не подошла очередь.

Пришел день, и Быстрову вручили аттестат зрелости. Вскоре выдвинули на должность директора кирпичного завода. С этой должности он и ушел на более трудный участок — прорабом на Качканар.

Здесь закончил вечерний строительный техникум. Здесь прибавилась семья — к четырем сыновьям веселая дочурка. Построил город. Выросли дети. Был заместителем начальника управления.

Но Борис снова в пути. На помощь сельскому строительству ушел Быстров.

Рюрик Борисов, Борис Быстров, как и их друзья Мирон Хвошевский, Лена Забегаева, Геннадий Зонов — тысячи молодых качканарцев — люди из одной кагорты первостроителей, люди одной судьбы, убежденные, что счастье надо измерять радостями, которые ты приносишь людям.

Умеют качканарцы дарить людям радость.

Какая радость была у тех же ребят из Верхотурского детского дома, когда молодые качканарцы, на заработанные ими на субботнике деньги, купили культинвентарь, книги, подарки, каждому воспитаннику рубашку, выступили со спектаклем «Отважное сердце». Дети были рады встретить среди первостроителей Рудольфа Рагозина — воспитанника их родного детского дома. У бригадира Володи Шелконогова в дневнике есть такая запись: «Вчера ночью мы работали на крыше строящегося дома. Дом надо сдать к празднику. Пришел Рудька Рагозин. Он смену уже отработал в своей бригаде. Но к нам пришел. Всю ночь помогал крыть крышу. Интересный же человек. Ему ведь в этом доме квартиру не получать».

Не дадут здесь ему квартиру, не заплатят за эту работу... А Рудик Рагозин пришел. У кого-то же скоро будет радость. Кто-то станет новоселом.

Саша Мальцев вернулся в родной город с дипломом горного инженера. Двадцать лет назад босоногим мальчишкой бегал Саша по палаточному городку, наполняя его короткие улицы детским веселым криком. А в это время его отец, Семен Степанович — руководитель первого строительного отряда, готовил площадку под будущий клуб, а мать, Мира Михайловна, организовывала первый концерт самодеятельных артистов рождающегося в тайге города.

Миры Михайловны и Семена Степановича нет в живых, сын продолжает их дело.

Вслед за отцами дорогой мужества идут Анатолий Буровецкий, Александр Кузнецов, Светлана Гаркачева, а с ними сотни молодых бойцов за Большой Качканар.

Дети палаточных городов... Они не строили первых домов и цехов, но мы по праву считаем их первыми качканарцами. Их биографии так же памятны нам, как биографии первостроителей.

Года два назад мне пришло письмо от неизвестного адресата из города Куйбышева.

«Товарищ Селянин Ф. Т.!

Пишет Вам бывший качканарец. Правда, далеко не из первых, но знающий почти всех их.

Год-два назад в одной из центральных газет были помещены Ваши воспоминания. А вот сегодня случайно в руки мне попала брошюра «Комсомольцы Среднего Урала на марше...» И знаете, Федор Тимофеевич, на что я обратил внимание? На то, что Вы — Неудачник. Да-да! Неудачник!

Сначала диссертацию не сделали. Потом были комсомоль-

ским работником, затем были строителем... А вот потом узнаю — Вы председатель Свердловского обкома профсоюза металлургов. А кто вы сейчас? А вот Игорь Денежкин как начал строителем, так по сей день строитель. А должность у него — заместитель начальника главка по строительству санаториев в г. Пятигорске. Он не болтался слева направо... Я не его друг, но встречался с ним.

Неразборчивая подпись.

— С. К.»

Рядом с посланием сочувствующего мне неизвестного лежало письмо Федора Маевского из г. Тобольска.

Первостроитель, удивительный человек Федор. Механик-самоучка, человек отважного сердца, смело вступает в бой и со стихиями, которыми богата таежная жизнь первопроходца, и с бюрократизмом отдельных руководителей. Гордый рабочий человек.

«Здравствуй, дорогой наш комиссар!

Получил очередной номер «Урала» и вдруг узнаю, что еще есть у тебя одна грань — пишешь стихи! Узнаю и то, что ты серьезно болен. Я называю на ты... Помню тебя секретарем парткома строительства, помню плечистого парня на субботнике в телогрейке цвета хаки... Источники твоей болезни мне хорошо известны Я знаю и помню, сколько тебе пришлось повоевать на Качканаре. Очень тебе желаю заняться своим здоровьем. Может быть, тебе надо какое-то лекарство, которого нет в Свердловске. Север все же снабжают лучше.

Представь, Федор, мне ведь уже тоже сорок девятый пошел! Двенадцать лет живу в Тобольске. Вожу поезда на участке Тюмень—Тобольск. Город растет, строится нефтекомплекс. Работать приходится много — машинистов не хватает. Но ведь я мечтал еще на Качканаре, когда строили железную дорогу, мечтал водить поезда.

Когда над тайгой закружит буран,

А щеки кусает мороз.

Мечтаю о том, что по этим путям

С составом руды поведу тепловоз.

Для меня Качканар, Нижняя Тура — это часть комсомольской юности — самая дорогая мне. И все, что связано с нею — дорого! До свидания!

Федор Маевский».

Через несколько дней я получил телеграмму, поздравляющую с днем рождения Качканара, от Виктора Циканова — одного из первых качканарцев. Виктор крупный организатор строительства, он управляющий трестом Бамвзрывпром. Не на теплом юге — рядом с Виктором Цикановым строят БАМ качканарцы Володя Пронькин, Галя Коржавина, Евгений Андреевич Козлов — бывший главный инженер Качканарской стройки. Тысячи их друзей-первопроходцев работают на ударных стройках страны, никогда не забывая той школы, которая называется Качканар.

Не забыл этой школы и Виктор Кокшаров, который пришел однажды ко мне в форме руководителя подразделения пожарной команды. Он работает в г. Богдановиче, имеет семью; малыш уже бегаёт, Виктор готовится поступить в высшее пожарное училище. Смотрел я на Виктора и вспомнил те дни, когда в партком Качканара пришла пожилая женщина и привела мальчика двенадцати лет. Беспризорный. Мать бросила его, когда ему было две недели, и куда-то уехала. Воспитывала тетка. Пьяная выгнала мальчика из дома. Можно отправить его в детский дом. Жалко. Мальчик жил у меня два месяца. И жил бы дальше. Но вот появляется его тетка.

— Зачем ты взял ребенка к себе? Кто вам дал право?

— Где же вы были два месяца?

— Не ваше дело!..

— Вы хотите забрать его к себе?

— Нет, но не хочу, чтобы он жил у вас. Отдайте в детский дом.

Пришлось отвезти в детский дом в Косью. Каждое лето он на каникулы приезжал ко мне.

Вырос, я устроил его на работу слесарем автотракторного цеха. Он уже имел свою квартиру, участвовал в самодеятельности клуба, учился в школе рабочей молодежи.

Мама. Она приехала к нему — тридцатипятилетняя красивая тунеядка. И он ее принял...

Жизнь подтвердила, что мои опасения были не напрасны. Стосковавшийся по материнской ласке, Витя доверился тунеядке. Через год он совершил тяжелый проступок, конечно, под ее влиянием. Пьяные оргии, которые она устраивала дома, требовали денег, а Витиной зарплаты, безусловно, не хватало. Осудили Витю, направили на строительство химического завода в г. Нижний Тагил.

Там и состоялась встреча и моя с ним новая беседа... Витя поклялся, приду к Вам обязательно, но только тогда, когда стану, как он выразился, человеком.

Так он и сделал.

Карл Маркс писал о том, что у рабочего класса на смену старым потребностям приходит новая — потребность человеческого общения. Не через потребность ли общения и начинается становление коллектива?

... По улице Качканара шла группа молодых парней. С баянистом. Баянист Федя Спицын. Он приехал к нам из Слободуринского района. Нет-нет да и режет слух неприличная частушка. Подойти к ним и сказать — прекратите? Возможно, согласятся. Но скроются из глаз и назло еще что-нибудь похлеще споют. Не петь ребята не могут.

Подхожу к ним:

— А нашу, комсомольскую, можешь?

Федя рванул меха.

Забота у нас простая,

Забота наша такая...

Иду с ними по улице и тоже пою. Пришли в парк, на танцплощадку. Поем все комсомольские песни подряд. Подходят новые группы. Уже большой хор.

Парни, что шагали с Федей Спицыным, оказались с Украины. И над притихшими глухими лесами, над старыми горами плывут певучие мелодии закарпатских напевов. И Урал кажется похожим на Карпаты. Или Карпаты на Урал!..

Поют ребята! Слушаю их и думаю: если бы каждый начальник участка, прораб видели в своем рабочем не только исполнителя плана, задания, но еще и танцора, солиста, талантливо-го музыканта — насколько легче бы нам было строить новые города и новую жизнь.

Есть, обязательно действует в обществе неоткрытый закон сохранения теплоты человеческих сердец.

Однажды дверь парткома открылась резко. С шумом вваливается в резиновых сапогах, с огромными отворотами на голенищах, черноволосый высокий парень. Лицо красивое, но злое. Угольки-глаза горят, широкие брови стянуты к переносью.

— Сидишь, бюрократ, а людям третий день жрать нечего, — на ходу бросает парень.

— В чем дело?

— Если я был судим, так без работы должен оставаться?

— Во-первых, не кричи, а во-вторых, садись и рассказывай по порядку, с толком.

Юрий Моргунов. Рос без отца. Имеет две судимости. Отсидел шесть лет за злостное хулиганство. Освободился, приехал на стройку.

На Качканаре его не хотели прописывать, не хотели брать на работу. Партком заступился. Парню поверили. Юрий стал кочегаром котельной. Профсоюз к празднику ему подарил костюм, хотя работал новый кочегар не лучше других, но подарку радовались все рабочие котельной.

В общежитии было приятно зайти в его комнату. Койка заправлена, словно отутюжена, чисто, как на палубе. На стене над кроватью Моргунова портрет Юрия Гагарина.

Вскоре Моргунов пришел помочь милиции в поимке опасного преступника. Мы верим тебе, Юра!

Тепло сердец товарищей. Его люди хранят, даже уезжая далеко. Об этом пишет Алик Лаптев — бригадир строителей в городе Днепропетровске. Его хранит Иван Митяев, уехавший с Качканара строить объекты КМАруды, ставший там Героем Социалистического труда.

Люди помнят родное и за пределами Родины.

Горняк Василий Кокорин писал из Монголии в феврале 1985 года.

«...Мы здесь вдали от Родины очень внимательно следим за нашим родным Уралом, как уральцы работают, каких успехов добиваются. Нас, уральцев, здесь много, уральские ребята отлично работают, не стыдно за них. Особенно хорошо трудит-

ся бригада Николая Соколова. Помните, Вы ей одной вручали в 1979 году приз героя-горняка Иллариона Павловича Янкина?!...».

До последнего часа жизни хранил верность качканарским традициям Володя Моисеев, который много лет прожил в Киргизии. Однажды мне пришлось выехать к нему туда, в город Каджи-Сай.

Выехал в дни отпуска. Ездил по его письму. «Не могу стать подлецом, — писал Володя. — И не буду. Но тогда здесь мне не житье. А как быть — не знаю...».

Володька — это же человек!

Такого парня беречь надо.

У него была трудная жизнь. После войны попал в детскую колонию. Умирал отец от чахотки, врач прописал: усиленное питание, неплохо бы достать масла. Володька из магазина сельпо унес два килограмма масла. Унес с прилавка, незаметно от продавца. Вернулся домой, отец мертв...

На Качканаре Володя Моисеев скоро стал лучшим бригадиром, студентом-заочником горного института, вступил в партию, избирался членом обкома КПСС. Но вдруг дала о себе знать старая болезнь. Врачи предложили сменить климат. Он решил:

— Вот только сдадим комбинат. — И говорил. — Жалко бросать стройку. Как я без нее?...

Болезнь прогрессировала. Володя не сдавался, но слег. Пришлось распрощаться с Качканаром. Он уехал в Киргизию, стал прорабом в совхозе.

Потом разразился скандал на его участке, на него подали жалобу. Он отказался кому-то сделать в нарядах приписку: получи только за то, что сделал. Ему говорили: «Прежний прораб себе брал и людям давал. Ты — себе не берешь и людям не даешь». Он стоял на своем. И сам директор намекнул ему: надо уметь ладить с людьми.

В совхозе директор в отпуске, встречаюсь с главным инженером:

— Благородный человек — это хорошо или плохо? — спрашиваю. — Если по-вашему — хорошо, почему позволяете издеваться над парнем?

— Так ты за этим и приехал с Урала? — удивился Катык Джамизаевич.

Хорошо поговорили. Поняли друг друга. Расстались друзьями.

Прошли годы, отделяющие нас от того дня, когда оркестр играл победный марш на митинге строителей и горняков Качканара, посвященном пуску последней очереди нового горно-обогатительного комбината.

Масштабность и значимость Качканара становится зримой, если взглянуть на него с высоты, так сказать, Уральских гор. Когда-то Урал славился богатейшими запасами железных руд,

снабжая ими не только свои заводы, но и Европу, отчасти Америку. Они казались неисчерпаемыми. Но только казались... В последние десятилетия не с Урала, а уже на Урал ежегодно сотнями эшелонов завозится сырье для домен и мартенов. И главные надежды металлургов связаны с Качканаром, где находятся миллиардные запасы титаномагнетитов. Специалисты подсчитали, что Качканарский район содержит в своих недрах порядка 70 процентов всех балансовых запасов Урала. Но богатство это нелегко обратить на службу человека. Качканарские руды бедные, или, как принято говорить, тощие, содержат всего семнадцать процентов железа.

Природа, явно поскупившись на железо, компенсировала свою скупость щедрым даром — она наградила качканарские руды ванадием, который придает металлу особую стойкость. Машины и оборудование, сделанные из такого металла, стойко переносят экстремальные условия Крайнего Севера.

Несмотря на большие перспективы развития горнорудного производства, в экономике Качканара наметилась явная диспропорция: темпы роста тяжелой промышленности значительно опережают темпы развития легкой. Односторонняя специализация экономики, естественно, порождает трудности в использовании трудовых ресурсов и, прежде всего, труда женщин и молодежи. Диспропорция привела вот к чему: в тяжелой промышленности и строительстве сейчас занято около 90%, а в отраслях непроеизводственной сферы лишь 10% всех трудящихся Качканара. Совершенно не растет легкая, пищевая, мясо-молочная промышленность, на предприятиях которых, как известно, используется в основном труд женщин.

Качканар формируется как рабочий город. Всего лишь немногим полутора процентов его жителей занято в домашнем хозяйстве. Самая большая группа населения по возрасту — это лица в 16—29 лет, а ведь именно в этом возрасте происходит духовное и культурное становление людей, формируются их потребности, достигается определенная квалификация. Эта группа населения предъявляет свои требования: возможность учиться, получать квалификацию, а также удовлетворить духовные потребности.

Поставил точку в этих заметках и подумал: в общем-то, рано ее ставить! Особенность Качканара, как и других городов юности, в том и состоит, что он всегда весь — в будущем. Среднеуральский комбинат будет строиться не в уже обжитом крупном городе, а снова в тайге. Собственно, качканарской промбазы для этого будет недостаточно. И многое, очень многое молодым специалистам, которые приедут на новую стройку, придется начинать сначала, и потребуются немалое мужество, подлинный героизм, чтобы Качканар-2 также, как и его предшественник, начал действовать.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

На гору взойди сам

Рос маленький мальчик в одном уральском городке. Городок как городок. С западной части на него наступал густой лес, в котором росли береза, ель, лиственница. С востока в городок бежала узкой лентой светлая речка по имени Именная, которую в центре поселения встречала старинная, построенная в дореволюционные годы из вековых лиственниц плотина, положившая начало рождению местного тихого пруда. Над северным берегом возвышался каменный увал, с вершины которого спускались высокие карабельные сосны, а чуть пониже стояли древние могучие тополя, длинные ветки свисали до самой воды, а затем как бы преломлялись и скидывались кверху, как зеленые свечи. Когда поднималось над увалом солнце, то отраженные в пруду солнечные лучи словно зажигали эти свечи и они горели ярким-ярким зеленым светом. Увал и пруд разделяли городок на две части: старую и новую. В старой части жили металлурги, так как здесь еще двести лет назад был построен казенный Нижнетуринский завод по производству кровельного железа. Когда-то у завода была своя доменная печь, но еще в тридцатых годах ее за дряхлостью демонтировали.

Металлурги жили, в основном, в своих индивидуальных деревянных домиках с постройками для содержания скота и птицы. Каждый вечер домики наглухо закрывали свои окна ставнями, за что хозяев этих домиков жители новой части городка — это были, в основном, работники недавно построенной тепловой электростанции — звали почему-то «бурундуками». А бурундук, как известно, маленький зверек уральского леса, видом своим и образом жизни напоминающий бельчонка, только значительно меньше фигурой, с заметными полосками вдоль спины. Старожилы не обижались на остроловов-энергетиков и каждую осень обеспечивали их на зиму картофелем, капустой, огурцами, помидорами, а также в течение всего года — молоком, простоквашей и творогом. Детские сады металлургического завода принимали детей энергетиков, так как ГРЭС своих детских дошкольных учреждений построила еще мало. Один из энергетиков — отец маленького мальчика — каждое утро отправлялся с сынишкой через увал (по плотине и по старым деревянным тротуарам поселка металлургов) в детский сад. Они обычно шли от дома до увала пешком; через увал отец

переносил мальчика на руках, и снова оба шагали рядом. Зимой же в гору и с горы мальчика возили на санках, напоминающих извозчичью кошевку. По дороге отец и мальчик, не умолкая, говорили. Разговор обычно шел в форме вопросов и ответов. Вопросы задавал сын, отвечал папаша. Больше всего мальчик расспрашивал про солнце, звезды, деревья. Его интересовало все: как они возникли, сколько будут жить, вырастут ли они еще больше. И все в этом роде.

Однажды зимним вечером, как обычно, отец с сыном возвращались из детского садика. Был зимний теплый вечер, и звезды, как яркие камешки, высыпали часто и горели. Разговаривая, незаметно отец и сын прошли по плотине, дошли до увала, который городские старожилы называли распространенным на Урале именем — Шайтан-горой, и потихоньку поднялись на самую вершину. Казалось, забыл отец, что сзади на веревочке, болтаясь из стороны в сторону и непрерывно постукивая о его сапоги, бегут-торопятся новенькие саночки. И только когда вершина Шайтан-горы осталась далеко позади, маленький мальчик вспомнил, что отец не перевез его через увал на санках, и заревел от обиды. И тогда отец ему сказал: «Сынок, ты сам преодолел первую гору в твоей жизни. Ты поднялся на нее сам. Теперь у тебя впереди будет еще много-много гор. Будь мужчиной: на любую гору взойди сам».

Пройдут годы, мальчик вырастет. Для него, как для многих людей, главной горой в жизни станет легендарный Качканар.

У каждого человека в жизни есть свои горы, преодолеть которые ему суждено. Об этом мои зарисовки о людях, с которыми прожил ряд лет бок о бок, с которыми работал на Качканаре.

Огонь с соломой не дружит

Я хочу рассказать о моем добром знакомом Караме Яппарове.

Известность пришла к нему не сразу, и путь его к качканарской вершине не был легким, и трудные дороги, по которым вела его служба, начались тогда, когда и самого-то Качканара на карте не было, — города то есть не было, а сама гора, конечно, стояла.

Стояла и словно ждала таких, как Карам, закаленных жесткими ветрами людей, испытанных жизнью на прочность.

Да, известен сейчас Карам. А было время, когда наиболее интересным в его жизни обстоятельством было то, что воспитывался он в детском доме вместе с Сашей Матросовым. Тем самым, будущим героем, что грудью лег на амбразуру дзота. Это мгновение было ярко стремительным в пестрой событийности жизни, но запомнилось навсегда. Было в ней и другое: ранний труд, и война, и радости первых открытий рабочей биографии.

Карам приехал в деревню Зильдярово летом тридцать пер-

вого. Вернее сказать, пришел пешком — вместе с отцом и старшим братом Сагитом. Шли они восемь верст, следом за старой скрипучей арбой. В арбе лежала домашняя утварь — кое-какие вещи, что остались после пожара, в пламени которого сгорела большая часть домов их маленького хутора.

В Зильдярово столярничал дедушка Карама — известный в районе мастеровой Яппар. Невысокого роста, лысый, с большой седой бородой, он, несмотря на то, что ему было уже давно за шестьдесят, обладал недюжинной силой, и все четверо взрослых сыновей его и любили, и побаивались.

Дед был неграмотный, но старался дать сыновьям образование. Его старший сын Харлам — отец Карама — окончил агрономическую школу, стал одним из первых председателей колхоза в Зильдярово.

В деревне насчитывалось больше двухсот крестьянских дворов. В доме деда — одна большая комната, как во всех домах этой татарской деревни. Взрослые спали в закутке, отгороженном матерчатой ширмой, дети же укладывались все на полу под одним одеялом.

Из дома деда Яппара 1 сентября 1933 года Карама в первый раз уходил с отцом в школу. Босиком. В домотканых рубашке и штанишках. Дед смастерил внуку деревянный ящичек, где лежала графитовая доска и специальный карандаш. По первому заморозку мать купила Караму лапти.

Свои первые школьные дни Карама вспоминает и по сегодняшний день и при этом улыбается доброй, чуть грустной улыбкой.

В далекие годы детства познал Карама и горе. Оно пришло с известием: отца ранили кулаки. На хуторе Ильича раздавали колхозникам кулацкое зерно. Тяжелым шкворнем кто-то ударил отца сзади, он рухнул прямо на пороге склада. Долго болел отец, но выжил; избрали его секретарем райисполкома. Отец много ездил. Однажды простуженный, долго кашлял, проболел всю зиму, а в мае 1935 года умер. Хоронили Харлама Яппарова в солнечный весенний день в родной деревне на склоне горы Шаукау-Тау, что в переводе с башкирского означает «Гора голубей», — была здесь и вправду тьма голубиных гнезд. Поставили памятник из белого мягкого камня. Жена Харлама Яппаровича не провожала мужа до кладбища, одни мужчины были при погребении: таков обычай. И только после войны мать Карама оказалась возле могилы отца: ее похоронили рядом. «Анианим! Мама-мамочка!» Шумят ныне листвой высокие зеленые тополя над могилой первого председателя колхоза и его верной Рабиги, а ветры, бегущие с «Горы голубей», поют им веселые весенние песни.

... Осталась Рабига с шестью детьми. Самому старшему — Сабиту — 12 лет. Высокая, сильная, темно-русая Рабига была примерной колхозницей: в поле вязала снопы, на току — молотила зерно, на ферме — доила коров, зимой возила сено на лошадях. Ей помогали Сабит и Карама.

Как-то осенью в колхозе открыли свиноферму. Но работать на ней охотников не было: мешали религиозные предубеждения. Председатель колхоза, чуть не плача, уговорил ани Рабигу послать на свиноферму Карам.

Трудно пришлось маленькому свинопасу, когда наступила весна. Сбивая в кровь босые ноги, гонялся он то за одной, то за другой строптивой хрюшкой, те ни за что не хотели пастись в одном месте и все время разбегались. Но главная обида была не эта. Детки бывших богатеев учинили настоящую травлю, издеваясь над преступившим законы Шариата.

И тут наступил первый перелом в жизни Карам.

Неокрепшая душа не выдержала унижений; собрав однажды в узелок полбулки хлеба, немного картошки и взяв у матери три рубля, ушел Карам из дому. Ушел босиком на станцию Аксеново, что в 60 километрах от дому, дорогу знал хорошо: ездил с колхозниками на подводах сдавать зерно на элеватор. Товарным поездом добрался до Уфы: мечтал он найти в Уфе дядю Губая, лейтенанта Красной Армии.

Никогда Карам не видел такого красивого, огромного каменного здания, каким показался ему вокзал столицы Башкирии. Но еще больше удивило его множество народу. В деревне все знакомы, а здесь... «Вы не знаете дядю Губая?» — спрашивал он у прохожих, но те только пожимали плечами.

Так Карам стал беспризорником. Жил в подвалах, оставшихся от маленьких деревянных домиков на берегу реки Белой. Питался рыбой. За рекой паслись кони: ребяташки выбирали обычно белого коня и из хвоста выдергивали конские волосы, сплетали их в длинную леску.

Однажды, выдергивая из хвоста коня волос, не успел отскочить. Конь ударил мальчика в грудь. Только под вечер пришел Карам в себя.

Праздная жизнь не очень радовала привыкшего к труду подростка. Однажды повезло, устроился на работу в речном порту; катал одноколесные тачки с песком. За работу десятник платил каждый день. Купил себе юный грузчик первые в жизни ботинки.

С наступлением холодов все чаще проводил свободное время на вокзале. Однажды какая-то женщина подняла крик: «Чемоданы украли, чемоданы украли!». Зазевавшегося Карам схватили за ухо, привезли в отделение милиции. Через несколько дней в КПЗ зашел милиционер — худошавый, среднего роста башкир. Ласково улыбнулся Караму и сказал: «Поехали, сынок».

* На улице Карла Маркса возле двухэтажного деревянного дома остановились. Теперь этого барака уже нет. На его месте сейчас чудесный парк имени Александра Матросова. Тогда же, в тридцать восьмом году, в «коммуне» размещалась детская трудовая колония для беспризорных ребят, в которой воспитывался и будущий Герой Советского Союза Александр Матросов. Карам познакомился с Сашей во время дежурства; ему понравился этот черноволосый мальчик — заводила ребят-колонистов.

Карам был на год моложе Саши и ростом пониже. Воспитанники трудились в столярной мастерской, на приусадебном участке, выращивали картофель, огурцы, капусту. Мансур Зиганшин — тридцатилетний воспитатель, худошавый, смуглый спортсмен-легкоатлет — увлек ребят: построил с ними спортивную дорожку. Любимого воспитателя звали ласково Абый — родной, добрый человек. Это он приучил их к большим спортивным перегрузкам, которые так помогли ребятам в годы войны.

Ноябрь 1941 года. Раннее утро. Карам еще спал, когда в комнату общежития зашел дядя Леня — мастер производственного обучения. Жалко — крепко спят ребята, но надо будить. «Карам, вставай! Иди в депо, — тихо сказал мастер, — поедешь сопровождающим состав в Куйбышев».

... Война. Все перевернулось в жизни страны. Старшие воспитанники детской трудовой колонии, еще вчера мечтавшие стать машинистами паровозов и водить быстроходные составы в дальние рейсы, ушли на фронт. Вместе с ними добровольцем ушел и их любимец Абый. Карам и одноклассники заменили рабочих, призванных в Красную Армию. Дни и ночи, не высыпаясь и недожая, точили ребята гильзы для снарядов.

На станции Аксеново дядя Захар, машинист паровоза, пробурчал: «Все, мать-телега, приехали». Кончился уголь. На их счастье под вечер там же остановился состав с углем. Всю ночь ведрами перетаскивали его в тендер своего паровоза. Было холодно, но Карам быстро разогрелся. Иногда останавливался отдышаться. На другой день почувствовал — весь горит, к вечеру слег без сознания. С встречным эшелонем раненых отправил машинист паровоза своего помощника в Уфу...

Слабым после болезни вернулся Карам в родную деревню. Бабушка и мать выходили его настоями степных трав, и, когда в декабре 1942 года исполнилось Караму семнадцать, он пришел в военкомат и попросился на фронт. Как и Саша Матросов, всегдашний пример для Карамы.

Морозным декабрьским утром бабушка подвела внука к двери и повернула к себе лицом: «Иди, внучек, из дома спиной вперед». Так в деревне провожали на фронт, веря в примету, надеясь на возвращение.

В первом бою Карам был подносчиком патронов. Запомнились разгрузка эшелона в ночном прифронтовом лесу, тяжелый бой с ходу, непрерывные атаки немцев... А потом начались трудные фронтовые дороги, и как самое горькое из пережитого — выжженные, изувеченные деревни на пути освобождения.

Летом 1943 года часть заняла оборону под Белой Церковью. Пехота окопалась, пулеметные расчеты, в одном из которых служил семнадцатилетний боец, заняли свои позиции. Командир отправил вечером Караму с термосом на полевую кухню. Когда Яппаров вернулся, товарищей уже не было, не было и пулемета — ночью ворвались на позиции немцы. А через несколько дней в подвале церкви освобожденного городка нашли изуродо-

ванные тела командира расчета, сорокапятилетнего башкира Нуритдина, и его второго номера русоволосого мальчишку.

Командиром расчета стал Карам. Во всем он стремился походить на мужественного земляка Нуритдина, принявшего мученическую смерть, но не покорившегося врагу.

Однажды завязался тяжелый бой под Витебском. В этом бою Карам был контужен. Но остался в строю. Его мужество отметили медалью «За отвагу». А когда, во время другого боя, он понес донесение командира батальона в штаб полка, его тяжело ранило. Начались скитания по лазаретам. Санбат, потом госпиталь, две сложные операции.

Снял погоны старшина и задумался: куда теперь? Чем заняться — ведь ФЗО из-за войны он так и не закончил.

Вспомнил Карам своего однополчанина, бывшего резчика Алапаевского металлургического завода Ивана Гагарина. Однажды, во время боя в батарее, где воевал Гагарин, кончились боеприпасы, а немецкие солдаты лезут, лезут... И поклялся тогда Гагарин: если выйдет живым из боев, то после войны обязательно станет металлургом: пусть не знает Родина недостатка в металле.

Так надумал Карам пробиваться поближе к металлу, к огню.

К чему только не тянется человеческое сердце, в чем только не выявляется чувство любви, привязанности, влечения! Любят горы, любят леса, любят березки. Один писатель рассказывает о любви к трем апельсинам, — так обозначались чувства героя. А почему бы и нет! Ведь знаем же мы столяров, влюбленных в дерево, шоферов — в автомобиль, сталеваров — в мартен.

Карам Яппаров влюбился — не сразу, не вдруг, но прочно и безоглядно — в .. агломерат.

За годы работы освоил он много рабочих профессий: был машинистом насосов и шаровых мельниц, работал флотатором, слесарем. Но покорила и увлекла его горячая профессия агломератчика. Агломератчик, понял для себя Карам, это человек, который дает жизнь доменным печам.

Карам, откинув голову назад, как бы становится немножко выше своего роста. Улыбаясь, говорит: агломерат наш — это не только сырье для домен, где рождается чугун. Что такое агломерат? Сплав, соединение, железованадиевый концентрат, смешанный с известняком и коксом. Это — для домы. А для нас, рабочих-металлургов, это соединение мужества и терпения, любви к металлу, верности и вдохновения, умения терпеливо, изо дня в день десятилетиями работать у жаркого горна.

Подлинный талант рудопека проявился у него в Качканаре, где выпустил он самую первую тонну агломерата и создал свою, яппаровскую, школу мастеров. Пройдет несколько лет, и его агломерату, как особому виду доменного сырья, первому в стране присвоят государственный Знак качества.

В Качканар Карам прибыл с направлением Кусинского горкома партии: член горкома партии, он добровольно поехал на

Всесоюзную комсомольскую стройку нового горнообогатительного комбината. Тогда, в мае 1964 года, всего четыре коммуниста было на строящейся аглофабрике: инженеры Виктор Георгиевич Власов, Евгений Сергеевич Савлов, Павел Васильевич Путилов и он — Яппаров. Вместе с мужем с первых дней стала работать на новой фабрике машинистом конвейера и его жена — Раиса Тимофеевна. Работать с первых дней — это значит и цеха строить, и оборудование грузить, а потом монтировать его вместе с монтажниками, и технологию осваивать, и производство налаживать. Только через год Карам Яппаров, радостный, возбужденный, увидит, как рождается на аглоленте первый агломерат: пористый, твердый, прочный — «яппаровский».

Агломератчику не надо, рискуя жизнью, на огромной высоте монтировать металлоконструкции или технологическое оборудование, не идет он таежными тропами, отыскивая новые месторождения руды. Его героизм — в повседневной, полной упорства и напряжения работе. Агломерат рождается в условиях высокотемпературного режима: при плавке железа на полетах температура доходит до 1800 градусов. Мастерство умельца, как и всякое мастерство, проявляется в творческом отношении к делу.

Агломашина — агрегат сложный и живой, имеющий свой характер, свои особенности, которые мастер должен знать, учитывать. Взять хотя бы ту же шихту, ее приготовление. Многолетний опыт позволяет Караму буквально на ощупь определить, какого она качества. Например, надо узнать, какова влажность шихты. Берет Карам щепоть концентрата, встряхивает ее на ладони. Если остается темный след, шихта влажная. Карам внимательно смотрит, встряхивая еще раз, если не рассыпается на ладони, значит, переувлажненная. Дает команду убавить воду в смесительном барабане; когда же следа на ладони не остается и шихта рассыпается, как песок, добавляет воду.

Опыт мастера не уступает лабораторному анализу!

Но опыт — это только добавка к знаниям.

Характер и повадки машины старший агломератчик знает и чувствует во всех четырех зонах технологического процесса: подсушки, переувлажнения, горения и в зоне готового агломерата. А как бригадир Яппаров досконально знает особенности и других профессий на аглофабрике: он сам работал на всех участках.

Начинается смена. Как вчера, как неделю, месяц назад. И всякий раз Карам чувствует себя, как во время первой весенней грозы: на душе прилив радости, предчувствие подъема. Завороженно смотрит на огонь: видится в пламени горна родной дом, коммуна на улице Карла Маркса в Уфе, вспоминает Сашу Матросова, ценой своей жизни спасшего сотни советских бойцов, в общем-то, таких же, как он, Карам, семнадцати—восемнадцатилетних рабочих и крестьянских парней. Саша погиб не зря — жизнь продолжается, новая, интересная.

Творческие поиски, смелость мыслей и поступков выделяют

Карама Яппарова среди работающих на фабрике, но он остается скромным, готовым прийти на помощь любому, живет, как говорится, захлеб, без страховки. А главное, что его отличает, это высокая степень надежности, преданности делу.

Трудные, крутые времена выпали на долю Карама и его товарищей.

В шестидесятых годах особенно тяжело приходилось рабочим на участке горячего возврата, где мелкий отсев отработывали в специальной дробилке перед возвратом в шихту. На конвейерах, по которым шел горячий возврат, было особенно тяжело: пыль, духота, жара. Долго ломал Карам голову над тем, как облегчить условия труда, и нашел решение: предложил заменить конвейер горячего возврата течкой на смесителе первичного смешивания. Условия труда сразу стали лучше. Так на фабрике исправили одно из неудачных проектных решений. А в другой раз бригадире пришлось, наоборот, отстаивать верность первоначальному проекту. Кто-то из инженеров предложил убрать конвейеры под агломашину, а просыпи устранять гидросмывом. Эта «рационализация» привела к исключительным, невыносимым условиям труда: насадки постоянно забивались, тонкую просыпь из-под аглоленты приходилось убирать вручную. Карам вспоминает, как от этих «упражнений» фуфайки на спинах горели.

Однажды во время ночной смены на агломашину поднялся высокий плотный мужчина в синем берете. Лицо полное, смуглое, с еле заметными неровностями, как бы выщербленное, а глаза большие, веселые. Спросил человек Карама: «Как идет работа? Что вас печалит?»

Старший агломертчик хотел сказать: «Какое вам дело?», да уж больно понравилась улыбка незнакомца. «А вы-то, собственно, кто?» — «Толочко, новый директор комбината», — представился человек. И поведал Карам директору свои печали: как мучают завалы просыпи людей, как лихорадит фабрику из-за этой «рационализации», как стыдятся руководители комбината признать свой промах, ведь зря выплачено вознаграждение за неразумную рационализацию.

Толочко обещал исправить дело и слово сдержал: вернулись к проектному решению. И радовался Карам, и огорчался: ведь сколько людей ушло с фабрики! Утешало, что сам не сбежал от трудностей, и верные его товарищи Рудик Рогозин, Вася Кузьменков, Виталий Полищук, Виктор Герасимов, Саша Савиных, люди твердого характера, остались рядом.

Но только ли дело рабочего человека «вкалывать» да, знай себе, обслуживать машину! Творческий дух не дает мыслям и сердцу закипеть, заставляет думать, искать, примериваться, а нельзя ли еще что-то улучшить, усовершенствовать, упростить?..

Вот она, эта громадина — агломашина, каждый день перед глазами пышет жаром. Шесть секций у нее, целый пролет. Пока пропустит партию агломерата, раскалит его чуть не до солнечного жара: температура «пирога» в конце машины, на выходное, —

800—900 градусов. Самобалансовый грохот и тот не выдерживал такой температуры! Да и металл воздушного чашевого охладителя тоже коробило. Аварии замучали агломератчиков. «А что, если уменьшить число секций горна?» — эта мысль не покидала Яппарова. Поделился своими задумками с инженером-уралмеханобровцем Вигдорчиком. «Дельное предложение, — сказал проектант. — Уменьшим зону горения и оставим только две секции из шести». Некоторые скептики боялись резкого охлаждения «пирога». Но жизнь, работа Яппарова опрокинула сомнения. Две секции горна обеспечили нормальный режим агломерации, сократился расход топлива, улучшилось качество продукта, устойчивее стало работать оборудование. Аглофабрика вышла в правофланговые Всесоюзного социалистического соревнования... За успехи в работе Яппаров был награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

Весной 1977 года Карам с волнением читал Указ Президиума Верховного Совета СССР. За выдающиеся успехи, достигнутые в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию черной металлургии, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В ту торжественную минуту, когда поднимался он на сцену Дворца культуры, когда получал правительственную награду, Карам, наверное, вспомнил старый израненный дуб на родине. Больше ста лет назад между Зильдярово и хутором, где родился Карам, дед Яппар посадил невысокий дубок. Вырос саженец ветвистым, кудрявым, кряжистым, могучим дубом. И сейчас все земляки Карам зовут его «дуб бабая Яппара». Стоит дуб у дороги. Каждого пешехода приветит: укроет от дождя, спасет от грозы, зноя. Много ран на старом стволе: не раз мощные удары молний принимал дуб, — но как был, так и остался богатырем.

Каждый раз, когда Караму случается побывать в Башкирии, едет он в родную деревню, добирается от Зильдярово пешком до этого дуба. Стоит под кроной долго-долго, словно читает по ветвям стойкого дерева повесть о борьбе и мужестве, о любви и жизни.

Дорогой мужества

Каждый месяц имеет свои особенности. Февраль тоже. И хотя солнце в эти дни выше, чем в декабре, проплывает над тайгой, а его лучи уже греют стекла кабины экскаватора, но все равно неделя—другая бывают в феврале обязательно морозные, вьюжные. Мороз и вьюга, конечно, не несут радостей горнякам, работающим на горизонтах карьера. Но иногда и февральские морозы оказывают услуги людям...

Это случилось на одном из погашенных горизонтов главного карьера Качкнарского горнообогатительного комбината. Осталась только берма — горизонтальная площадка между откосами пятнадцатиметровых уступов нерабочего борта. По этой

берме морозным февральским днем перегоняли экскаватор, чтобы нарезать автомобильный съезд на нижнем горизонте. Экскаватор восьмикубовый, ижорский, весом около 400 тонн медленно шел с западной части карьера через северный борт на восточную. Машинист Владимир Любимов был осторожен: он знал, что часть бермы была цельная, скалистая, а часть насыпная, так называемая «мякина». Но установившийся февральский мороз крепко сковал насыпной грунт, машина двигалась, одной гусеничной лентой опираясь на целину, а другой — на замороженную «мякину». И все было бы хорошо, если бы на съезде с горизонта машинист вел экскаватор редуктором вперед, а не натяжной частью. Неожиданно правая гусеница просела на «мякине», и рама экскаватора получила перекося в двух плоскостях — вниз и вправо. Впереди, на натяжной части, порвался гусеничный трак: лента разошлась и собралась в «гармошку» между опорными колесами. Натяжная звездочка крутилась вхолостую. Сам экскаватор, как раненый танк, на одной гусенице мог только крутиться — это было опасно. Машина была от края уступа в двух метрах и висела над 45-метровой пропастью.

Соседи-экскаваторщики, руководимые начальником карьера Анатолием Михайловичем Соколовым, бросились укреплять насыпную часть площадки: притащили шпалы, большие бурты. Даже тепляк привезли для обогрева озябшего экипажа. Главный механик карьера Вячеслав Владимирович Воронин сам пытался управлять машиной, но она оседала еще глубже. И он вынужден был отступить.

В эти тревожные минуты и обратился машинист-сменщик погибающей машины Юрий Николаевич Жеребцов к главному механику с вопросом: а что если, Вячеслав Владимирович, зажать тормоза напора до предела?

— Для чего?

— Тогда можно будет упереться ковшом в грунт, как бы приподнять машину, и хотя бы в одной плоскости занять удобное для движения положение.

— Пожалуй, можно. Но это опасно, — ответил Вячеслав Владимирович.

Высокий, рыжеватый с большими золотистыми глазами Жеребцов улыбнулся и быстро забрался в кабину экскаватора. Вот уже ковш уперся в горизонт, рама оторвалась от грунта, машина, вздрагивая, как бы выпрямилась, и, хотя насыпная часть горизонта еще оседала, экскаватор медленно продвинулся вперед. Порванную ленту связали канатом, добавив еще несколько траков. Звездочка стала цепляться за ленту. И так, еще и еще раз — напор ковшом до предела — ход 5—7 сантиметров, и снова напор ковшом в горизонт. Двенадцать часов спасали машину. Главный механик сам шел впереди экскаватора по краю уступа и смотрел — нет ли закола, т. е. нависающего края бермы, а Юрий Николаевич Жеребцов, рискуя ежеминутно, вел свою машину, как танк по минному полю. И хотя в конце пути не вытерпела напор-

ная ось экскаватора и сломалась, но опасная зона осталась уже позади.

На жизненном пути всегда найдется место для героического. Главное не свернуть с дороги мужества, чего хотел — добейся, что искал — найди, — по такому принципу живет и трудится Юрий Николаевич Жеребцов.

Жизнь — основное поручение

Декабрьским морозным утром прошлого года проезжаю станцию Чекмень... Видны только крыши приземистых каменных пристанционных домиков и свечи дымов, упрямо стремящихся вверх.

В июне 1957 года здесь был поселок строителей дороги Азиатская—Качканар: десятка два бараков, маленький деревянный клуб, рядом магазинчик, столовая. Жили в поселке около трехсот веселых и смелых парней и девушек: молодежные бригады из мостопоезда 18 прорубали трассу, валили вековые деревья. И отступали перед ними и дремучая тайга, и топкие коварные болота. Люди шли к горе Долгой. Но не всем суждено было дойти до этой горы, на которой строился новый комбинат.

Лида Позднякова приехала с подругами — вчерашники десятиклассницами — из Ивановской области, края веселых трудолюбивых ткачих. Большие красивые глаза, пышные волнистые волосы, гордо закинутае за плечи, веселая улыбка, русское открытое лицо — все это помогло боевой энергичной девушке завоевать любовь молодых первопроходцев. Ранним утром 11 июня 1957 года Лида ушла на лесоповал. Любила она лес. Здесь в лесу ей казалось, что она совсем-совсем недавно вышла из своего дома и стоит только пройти проселок и снова будет у родного крыльца, где ее ждут друзья... Там за перелеском ей виделись улицы дорогого сердцу города детства.

Трудовой день был в разгаре. Вот упало еще одно дерево. Лида выпрямилась, из-под ладони посмотрела на яркое солнце, радостно щурясь. Прислушиваясь к перекличке птиц, к стрекоту электропил, к звону топоров. Затем она величаво повернулась, и в этот миг одна подпиленная сосна вдруг, как бы подпрыгнув и резко изменив курс падения, повалилась в сторону двух юных лидиных землячек, весело щебетавших и не подозревавших об опасности. Лида с громким криком бросилась к девушкам. Большая смолистая ветвь сосны ударила в затылок, Лида упала...

Там, где был поселок строителей железной дороги, где звенели по вечерам комсомольские песни, сейчас шумят белоствольные березы, а рядом с насыпью стоит обелиск с пятиконечной звездой. Мимо пробегают пассажирские поезда, идут составы с качканарским агломератом. Машинисты в этом месте сдерживают скорость локомотива, отдавая дань самоотверженной комсомолке.

Михаил Владимирович и его манипулятор

Мне давно хотелось познакомиться с Курносенко. Он слесарь главного карьера. На Качканаре живет и трудится более четверти века.

Люди о нем имеют разные мнения.

Одни называют его «новатором», «умной головой», «беспокойным человеком», другие — «возмутителем спокойствия», «вздорным человеком», мешающим нормально жить честным людям.

На днях я встретил Михаила Курносенко около управления комбината. Среднего роста, плотного телосложения, с седеющими кудрявыми волосами он стоял рядом с Виктором Стожевым и улыбался, показывая белые крепкие зубы с большой шербинкой посредине.

Виктор Стожев тоже известен на Качканаре. Горожане знают Виктора как отважного человека. Это он в апреле 1985 года первым бросился в горящий дом в седьмом микрорайоне.

Огонь и дым. Кричащая толпа. Детский плач. Виктор, облитый водой из брандспойта, бросается в дом, не ожидая, когда струи ледяной воды мощным натиском подавят пламя. Нельзя, нельзя ждать. В доме дети — могут задохнуться. Человек ушел в пламя, Ребенок найден под кроватью. Вынес. Но там был еще малыш.

Прорвался Виктор сквозь пламя, но неожиданно раздается взрыв — это телевизор разнесло вдребезги. К счастью, Стожев с ребенком уже был за дверью.

С красными пятнами на лице — следствие ожогов, с серьезным взглядом больших широко открытых глаз, с радостью, спрятанной глубоко-глубоко в уголках рта, с полной насмешливо выпирающей нижней губой Виктор Стожев мне сразу понравился.

Так и представляю его прорывающегося с двумя спасенными малышами сквозь пламя. Человек пламенного сердца, такой всегда одолеет свою гору. С ним все ясно.

А вот Михаил Владимирович — человек другого склада. Товарищи по работе действительно неоднозначно определяют его характер. Хотя известно, что грани человеческого характера раскрываются в определенных условиях.

Есть на севере Урала розовая куропатка. Вообще-то она белая, но под солнечными лучами загораются ее перья розовым светом. Видимо, преломляются солнечные лучи в мельчайших гранях пера, а нити красного цвета с небольшой длиной волны задерживаются в нежных перьях куропатки, и белое становится розовым.

И люди тоже порой только в определенных условиях раскрывают свою красоту.

Надо уметь видеть прекрасные грани человека. Ведь умеют же художники видеть, узнавать в старом корневище или засох-

шей веточке злого Карабаса-Барабаса, веселого длинноносого Буратино, верного Чебурашку.

Разговор со мной Михаил Владимирович начал с атаки. Его голубые, близорукие глаза сразу стали серыми, а стекла очков словно потолстели.

— Поскандалишь с одним, а другой и третий становятся тебе врагами. Нарушаешь, видите, спокойствие. Хорошо, что сейчас тряхнули этих «спокойных» людей, — выпалил Курносенко.

— Мне в жизни, — продолжал он все также горячась, — пришлось работать бурильщиком, водителем, трактористом, шурфопроходчиком, и везде я чаще делал больше, чем двое, работающих рядом. К труду меня отец с детства приучил. Отец был слесарем по водоснабжению, но умел и токарить, знал электричество, столярные работы. И работал он не только ради денег. «Деньги вообще-то — ничто, — говорил он, — но выпускать их из виду не надо. Ведь до коммунизма мы еще не дошли». А был у отца с войны осколочек в сердечной мышце — от него и помер мой батя. Как и отец, не люблю беспорядок на производстве и тянет меня техника. Правда, по семейным обстоятельствам дальше первого курса института мне идти не пришлось, да и зрение с каждым годом все слабее.

Но людям, по-моему, не инженерные погоны нужны, а инженерный труд и умение. Есть еще у нас специалисты — гвоздя не выправят: а хотят с нами из одной чашки хлебать. Встанут и за собой табуретку сложенную несут, чтобы на нее никто не сел.

Глядел я на Курносенко и вспоминал свою старую запись в дневнике:

«Я признаю сегодня сильными тех, кто хоть один болт придумал к новой машине и кто хоть один час своей жизни отдает бесплатной работе по техническому воспитанию людей, ибо он больше любого пропагандиста агитирует народ за будущее».

Современный человек должен идти в потоке технически грамотных людей.

Еще Август Бебель предсказывал, что при коммунизме не будет профессиональных артистов, художников, поэтов. Инженерами-рабочими должны быть все: хочешь жить при коммунизме, смотри в него уже сегодня».

— Михаил Владимирович, — обращаюсь к Курносенко, — а как ваш манипулятор МРНК?

Мой собеседник при разговоре о технике меняется, как та северная куропатка под воздействием солнечных лучей. Глаза Михаила Владимировича стали голубыми, исчез их жесткий прищур, правой рукой ласково гладит свои бакенбарды, словно готовится долго-долго рассказывать о своем любимце МРНК — манипуляторе для разделки негабаритов имени Курносенко — так называли шутники-друзья, работающие рядом с Михаилом Владимировичем на Главном карьере, самодельную машину, придуманную им.

Курносенко работает слесарем ремонтно-механического участка, и какое бы ему дело до разделки негабаритов. Пусть это волнует бурильщиков и их руководителей. Ан, нет! Не такой человек Курносенко, чтобы проходил мимо больных мест на производстве. А разделка негабаритов — это действительно больное место каждого карьера в любом регионе.

Негабариты — это огромные валуны, громадные буты, остающиеся после взрыва в районе подготовленной к отгрузке руды. Это большие камни, которые повторно дробят на мелкие путем дополнительного взрывания. Каждый валун надо обурить. Бурят негабариты вручную, залезая на каждый камень и в снег, и в бурю, и в дождь, проваливаясь в каменные щели. Часто бывают травмы у тех, кто бурит негабариты. Качканарцы от взрывов небольших блоков давно перешли на массовые взрывы, дающие сразу выход взорванной горной массы до 2 миллионов тонн. Увеличились и объемы недовзорванной горной массы, и тяжелого ручного труда бурильщиков. Да и экскаваторщикам приходится постоянно отвлекаться, перемещая эти буты в сторону, снижается маневренность машин, их производительность. И Курносенко принимается за дело. Первую машину для разделки негабаритов Михаил Владимирович создает на гусеничном ходу, на базе старого маленького бурового станка БС-3. На станок поставил новый компрессор-генератор мощностью в 40 киловатт, чтобы дать на ход напряжение. Смонтировал две подвижные металлические консоли — балки с углом преломления от 45 до 90 градусов. На консолях укрепил каретки с кыштымскими перфораторами, какими обычно бурят шахтеры. Перфораторы к кареткам крепились через два гидравлических цилиндра. Один цилиндр дает движение по горизонтали на 360 градусов, другой — по вертикали.

МРНК может бурить сверху, снизу и сбоку, машинист управляет перфоратором из кабины. Пневматика обеспечивает нужное давление. Машина Курносенко позволила в три раза сократить трудозатраты, а следовательно, и численность бригады бурильщиков. МРНК давала возможность резко снизить случаи заболевания виброболезнью — профессиональной болезнью бурильщиков, работающих с отбойными молотками, перфораторами.

Новое всегда вынуждено пробивать себе дорогу. Курносенко убедился в этом неоднократно.

Вначале у него кто-то уносил с машины то инструменты, то стартер, то еще какую-нибудь деталь. Однажды четверо молодых бурильщиков, встретив Михаила Владимировича у Дворца культуры, даже поколотили его. Рационализатор стерпел и это.

В милицию не обращался, хотя и знал в лицо всех. Правда, через несколько дней, поняв, что суда над ними не будет, обидчики пришли к нему домой и извинились. Пришли с двумя бутылками водки. «Они не знали, — смеется Курносенко, — что я не пью».

Полтора года работал его МНРК.

Но Михаил Владимирович не успокаивался. Машина на гусеничном ходу двигалась с малой скоростью. Курносенко просит у начальника карьера большегрузную машину. Анатолий Михайлович Соколов выделяет БелАЗ с генератором в 125 киловатт. Новую машину новатор оснастил электроперфоратором собственного производства. Пройдет время, и на другом горнообогатительном комбинате — Соколовско-Сарбайском, новаторы создадут более совершенную машину по разделке негабаритов — на базе мощного трактора на пневмоходу типа К-700. Они изготовят чертежи к машине и разошлют их в другие ГОКи.

Но все-таки первый манипулятор по разделке негабаритов создал качканарец Михаил Владимирович Курносенко.

Сейчас неутомимый искатель занят созданием РГК — рельсогонки — новой машины, нужной рабочим-путьекладчикам. Но это тема уже другого рассказа.

Евгений Сергеевич

Утро было пасмурное. Огромная туча висела над городом. Она словно зацепилась за вершину горы Качканар: висела неподвижно. Висела как сказочный остров, на котором сквозь гуляющие дымки просматривались видения каких-то впадин и возвышенностей, причудливых строений, скачущих табунов лошадей.

Вдруг северный ветер напрягся и разорвал тучу. Одна ее часть медленно поплыла на юг, а вторая — небольшая, зависла над горой. Качканар-гора в этот миг напоминала вулкан, освободившийся от распирающего его облака пепла. Между уходящей тучей и горой показался и рос ежеминутно просвет за которым вдали поднимался веселый разноцветный рожок радуги.

Евгений Сергеевич стоял на крыльце недавно открытого в городе санатория горняков. Синие широко открытые глаза смотрели задумчиво на Качканар-гору, на отрогах которой возвышался густой лес. Эти отроги желто-зелеными клинами врезались в осеннюю просинь искусственного моря, образуя маленькие заливчики. Сами отроги были похожи на огромных крокодилов, которые в это тихое утро словно сползли с горы, чтобы окунуть свои головы в синие беспокойные волны.

Утреннюю тишину неожиданно разорвал сильный трескучий хлопок, словно где-то высоко-высоко в небе реактивный самолет преодолел предел звуковой скорости.

«Опять, наверное, сработал аварийный клапан у какого-то котла на теплоэлектроцентрали, — другого быть не может. Не может же повториться тот случайный взрыв...».

И как кадры старой кинохроники, замелькали в памяти директора завода ЖБИ Евгения Сергеевича Савлова те недавние тревожные дни...

Прежде всего, вспомнился тот первый январский морозный день...

Красный уголок Качканарского управления треста Уралдомнаремонт. Евгений Сергеевич — тогдашний начальник управления, играет после рабочей смены с экономистом Константином Владимировичем Шкараденком в бильярд.

Долго прицеливался Константин Владимирович и, наконец, ударил по шару. Тотчас же раздался сильный взрыв. За окном полыхнуло зарево.

Кто-то сказал: «Вот это удар!».

Евгений Сергеевич тревожно смотрит в окно. Напротив еле видимая ТЭЦ окуталась клубами пара. Погасли огни электростанции. На сердце Савлова беспокойно: случилась какая-то беда. «Бежим на ТЭЦ», — кричит он на ходу Шкараденку.

Их встречает директор ТЭЦ Николай Михайлович Ширихин. «Взорвалась торфяная пыль, находившаяся во взвешенном состоянии. Случай редкий, последствия тяжелые. Нужна Ваша срочная помощь», — медленно произнес Ширихин.

Один котел, над которым взорвалась пыль, был остановлен. С северной стороны у ТЭЦ взрывом оторвало торцевые колонны от перекрытия, стена наклонилась. Тяжелые трехслойные панели, приваренные к колоннам, тянули вниз. В корпус электростанции ворвалась вьюжная метель. Жестокий мороз угрожал трубопроводам и маслопроводам: они могли перемерзнуть, а это приведет к остановке двух пока еще действующих котлов. Сорокатысячное население останется без тепла, света. Мороз ворвется в каждый дом, детские сады, больницы.

Это понимали и Ширихин, и Савлов.

Евгений Сергеевич предложил немедленно обследовать все здание, а прежде всего главный корпус. Проверить всю кровлю.

В это время две плиты перекрытия рухнули вниз.

«Всем выйти из корпуса», — закричал Савлов. Сам же вместе с мастером Юрием Сечениным, бригадиром монтажников Николаем Притулой пошел на подкрановые пути.

Некогда было составлять проект организации работ и согласовывать с руководством треста. Решение Савлов принял сразу: работать снизу, с мостового крана. Дефектные колонны срезать, ставить временные новые.

На мостовом кране главного корпуса монтажники сделали опору, на нее положили плиту. С этой плиты монтажники срезали панели и сбрасывали их вниз. Работа, как говорится, была ювелирная. С отбойными молотками, бензорезами на такой шаткой опоре на большой высоте работали уралдомнаремонтвцы много часов.

Евгений Сергеевич был с ними рядом. В любую минуту плита могла свалиться.

Но самое трудное было впереди.

Через сутки торцевые колонны отошли от вертикальной оси на 60—70 миллиметров. На вторые сутки разрыв вырос до двух

метров. Если бы было лето, тепло, вырыли бы быстро котлованы; подперли колонны снизу, а затем срезали бы закладные части панелей, опустив на землю на тросах привязанные «трехслойки».

Но во время ярой зимы этот вариант не подходил.

В этот момент Анатолий Мамаев — опытный бригадир, предлагает разрезать колонны пополам по горизонтали, чтобы тридцатиметровые колонны сами под тяжестью панелей сворачивались на уровне 15—16 метров от земли как обложки книги.

Мамаев, Суслов, Карибальди перебросили от плиты межэтажного перекрытия металлическую пластину к полке на падающей колонне на заданной высоте. С этой пластины монтажники, привязанные тросиками к перекрытию, и резали колонны.

Пять часов Сергей Кондратенко, Анатолий Мамаев работали на падающей колонне, ежесекундно рискуя жизнью.

Вместо срезанных дефектных колонн поставили временные швеллерные стойки. Затем зашили деревянными щитами проемы. Приступили к ликвидации последствий аварии внутри главного корпуса. В корпусе было уже тепло.

Город от аварии не пострадал. Капитальная стена будет сооружена к лету.

... Все это вспомнилось сейчас Евгению Сергеевичу и, хотя он был уверен, что встревоживший его новый хлопок — это просто выдох аварийного клапана одного из котлов на ТЭЦ, тем не менее, Савлов вошел в фойе санатория и позвонил диспетчеру теплоэлектроцентрали.

Потом отдыхающие видели его идущим по берегу рукотворного моря. Он шел и улыбался.

Облетела листва с деревьев на берегу Качканарского моря. А там, где тридцать с лишним лет назад стояла первая палатка комсомольцев, где видел первый качканарский сон бывалый солдат и строитель Семен Степанович Мальцев, вновь собрались юные комсомольцы и пионеры города. Вечереет.

Жаркий костер мечет в небо крупные искры. Озаренные пламенем, ребята слушают рассказы ветеранов стройки — Илюши Машкина, Юры Спиридонова. Чуть в стороне стоит Валерий Иванов — задумчиво смотрит в сторону седого Качканара. В сумерках гора удивительно похожа на плывущего по темному океану огромного кита.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Серебрится тайга паутиной развилок,
Ветви сосен мороз куржаком прихватил,
И гремит под луной серенада дробилок —
Качканарских мелодий боевой лейтмотив.

Качканар, Качканар! Ты — и знамя, и мерка,
Ты и веры экзамен, и силы проверка.
Трижды славен, кто юность свою начинал
С комсомольского дела, с тебя, Качканар!

Даже тот, кто не мерз под твоими пластами,
Кого странствия ветер лишь на день занес,
Тот тебе, Качканар, либо сердце оставил,
Либо в сердце с собою навеки унес.

Мы же — те, кто прошел до конца от
Начал, —
Биографией стали твоей, Качканар!

* * *

Скала стояла на ветру,
Тайга шумела.
Отряд собрался поутру
Веселых,
 смелых.
Здесь, на высоком берегу,
Стояли тесно.
И разбудил отряд тайгу
Задорной песней:
 «Дан приказ ему на запад», —
Кто-то запел.
— Эй, дружок, прошу не лапать,
Не на ту напал!
— Ты смотри-ка, недотрога,
Уж нельзя задеть.
— Отвяжись ты, ради бога,
Не мешай нам петь!
— Я ж женюсь...
— Такого мужа
Встречу утюгом!
Ты опять?! —
И парень в луже.
Смех кругом.
И опять над старым бором
Песне плыть-звучать...
— Здесь, ребята, будет город!
Нам и начинать!
Нам закладывать основу,
Здесь нам до поры
Дом — палатка, пища — слово,
Други — топоры!
Что умолкли, запевалы?
Или страшно вброд?
Взяли речку! И — к увалам:
Смельчаки, вперед!

Шел отряд тропой горной,
Шириной с вершок,
И смеялся всех задорней
Мокрый «женишок».
Высоту мы штурмом взяли,
Ноги — до крови...
Тот увал потом назвали
Сопкою Любви.

Дождь накрапывал. Темнело.
Лес притих, уснул.
Кедр-подросток неумело
Обнимал сосну.
Золотистых ягод гроздь
Спрятались в листве,
Шел спокойно ежик в гости
По сырой траве.
Над увалом ветры хватки...
Мы прибили флаг
И поставили палатку —
Первый особняк.

* * *

Ты нам в видениях прекрасных
Казался дивным, неземным.
О, город наш! Придя из сказки,
Ты стал реальным и родным.
Ты в дневниках был и в конспектах,
Вставал мечтою среди стуж,
И широта твоих проспектов
Сродни размаху наших душ.
Ты весело взбежал на кручи,
Чтоб встретить солнечный восход.
И у плечей твоих могучих
Уральский — гордый! — разворот.

* * *

Никто-никто не упрекнет меня,
Что в жизни я опасностей боялся.
И, рано взрослым выйдя из огня,
Я, как ребенок, искренним остался.
О жизнь! Поток твой яростный носил,
Бросал меня и в сердце бил с налету.
И если скажут в будущем: «Он жил»,
То, значит, я боролся и работал.
В дни трудные быстрее распознаешь,
Кто недруг наш, — он в эти дни виднее...
В палатку гулко колотился дождь.
А небо все темнее и темнее.

Стройотрядовцам

Знаю сам: не из этой
И не с нею свой путь
Но как только она
Вслед за стаей
Где костры глухомань
Где белеют палаток
Там и наша дорога
Там и мы навсегда
Не пугают нас ветры тугие
И бескрайность таежных
Комсомольцев, друзья
Даже старость, и та
«Что вы сделали?» — Родина
Мы в ответ: «Города возвели»!
Комсомольские честные взносы
В наше общее дело

я стаи

долечу,

пролетает,

умчаться хочу...

зажигает,

ряды,

крутая;

молоды!

болот,

дорогие,

не берет.

спросит,

внесли!

* * *

По асфальту мальчишка топает,
Обгоняет счастливую мать.
Я ж, как вкопанный, встал у тополя, —
Век стоять бы да вспоминать!

Как тропой в глухомани завьюженной
Уходил в погоню наряд,
Как, бандитским обрезом разбуженный,
По тревоге вставал отряд.

Как палатки в тайге растревоженной
В первый раз поднимал у горы,
Как напор, на отвагу помноженный,
Был готов хоть в растар-тарары!

Здесь теперь, словно птица гордая,
Город крылья над кручей простер.
Путь его — от палатки до ордена —
Озарил комсомольский костер.

И под кроной весеннего тополя
Я не в силах не вспоминать...
По проспекту мальчишка топает.
А за далью —
 костры опять.

Баян

Старый дом. На завалинке бабушка.
Ловит в горсточку пух тополей...
Мне припомнилось детство,
 барабушка, —
Есть ли пляска ее веселей?

Как плясали в тот памятный вечер,
Как баян не смолкал дотемна...
Бабым стоном по избам заречным
Поутру прокатилась война.

Завивался в упругие кольца
Дым мартеповских жарких печей.
Николай-баянист добровольцем
Шел на фронт — без красивых речей.

У него — ни семьи и ни дома...
Вот у брата — орава ребят...
Заявленья на стол военкома
Положили брательники в ряд.

Эшелон провожали мы рано.
Бабий плач — словно красный сигнал.
И в последний разок на баяне
Николай нам «Катюшу» играл.

* * *

«Ах вы, сени, мои сени!
Сени новые мои!»
Облетает лист с сирени,
Под Москвой идут бои.

Под Москвой грохочут пушки,
Эхом дребезжат в окне.
Всем теперь беда — подружка,
Вся Россия на войне.

Как давно в родимом доме
Ни блинов, ни добрых щей!
И распродано все, кроме,
Кроме батиных вещей.

В темный шкаф «струмент» задвинут.
Гладит мать рукой гармонию,
Говорит тихонько сыну:
«Ты, Иван, гармонь не тронь.

Ты не тронь, сынок, музыку,
Зря меха не тереби, —
Еще долго горе мыкать,
Долго маяться.

Терпи!

Вот придут домой солдаты,
Бог даст, жив придет отец, —
Будут с песней наши хаты,
Будет радость для сердец».

«Ах вы, сени, мои сени!»
Ах вы, милые мои!
Как настанет день весенний,
Так и кончатся бои.

Возвратятся в дом солдаты,
Возвернется время вспять...

Да одной рукой, ребята,
На баяне не сыграть!

* * *

Подружились туча с тучей.

Их разлукой ветер мучил.

Наконец они сошлись.

Слезы градом полились.

Так и плакали в тени.

Так растаяли они.

Им бы с вихрями дружить —

Было б яростнее жить.

* * *

Я помню тихий старый двор
родного дома,
Тайгу вокруг и цепи гор,
давно знакомых.
А во дворе у нас росла
среди верб
береза,
Вздымая к небу два ствола,
как крылья,
к звездам.
Я к ней, к березе, с детства нес
свои обиды, —
Никто моих не видел слез
и глаз не видел.
Там, где скрывается тропа,
где лист навесом,
Я под березой засыпал
под песни леса.
Качались мерно два крыла, размаха
белокрылых,
Сюда с работы мама шла,
меня будила.
Березу эту
мать родной в семье считала,
И что-то тихо ей одной
она шептала.
Война прошла.
В другом краю
мы с мамой жили.
Березу белую мою
давно срубили.
А жизнь не радости одни несла
беспечно...
Огонь у матери в окне
погас навечно.
Но и сейчас случись в тайге —
засну в надежде,
Что мать с березой стерегут
мой сон, как прежде.

Прощание

Знаю, долго мне не целовать
Губ твоих над речкой вересовой.
Но твои прощальные слова
Песню мне напоминают снова.

Мы с тобою были — два крыла, —
Так легко ловили встречный ветер!
Как парили, как нас жизнь несла,
Как нас каждый день удачей метил!

Мы у комсомольского костра
На таежном Северном Урале
О грядущем городе мечтали,
Песни наши пели до утра.

Пусть разлуки в мире суждены —
С этим, что ж, приходится считаться,
Нам с тобой не страшно расставаться,
Мы с тобой на век обручены.

* * *

Скоро в синеве родных небес
Пронесутся с юга

чудо-птицы.

Встретит их, отважных,

воробей,

Тот, что на земле моей гнездится,

Тот, что жить не может без людей,
Кто в родстве с зимой суровой нашей.

Пронесется стая лебедей,

Крыльями

приветливо помашет.

Я вгляжусь в их гордый разворот,
Вслушаюсь в их клик под небосводом, —
Позади тяжелый перелет,
Позади — ревушие широты.

Но, любясь стаяй лебедей,
Провожая их в краю родимом,
Вспомню:

все же не они, а воробей

Согревает жизнь мою

по зимам.

* * *

Раньше думал: дупло это было.
Но с годами, пожив, уяснил!
Другу сердце береза раскрыла,
А закрыть —
не хватило ей сил.

* * *

Январь — пора каникул
школьных.

И зимний лес ребят
влечет.

Там среди сосен
гладкоствольных

Река хрустальная
течет.

Мороз пощипывает
уши,

Ребятчи щеки —
как в огне.

Там старый дятел любит
слушать

Их спор и хохот
на лыжне.

Зима прекрасная пора;
Лес в куржаке, снега сверкают.
И с неба медленно стекают
На землю капли серебра.

* * *

В лесу не пахнет медуницей
И не цепляется репей,
Нам осень первые страницы
Раскрыла в книжице своей.

И шмель свое не тянет соло,
И желтый лист летит к ногам,
И только ельничек веселый
О лете вдруг напомнит нам.

Вот и кукушка не кукует,
И спят трудяги-муравьи.
И только люди не тоскуют,
А свадьбы празднуют свои.

* * *

Кружится лист
сухой, медненный.

Последний клин зари
угас,

А я, как юноша
влюбленный,

Брожу и думаю
о вас.

В лесу кузнечек не
стрекочет.

И не летает
стрекоза.

Здесь из-за елей, ждущих
ночи,

Мне ваши видятся глаза.

И голос ваш сюда доносит,
Сквозь шум реки, лесная даль...

И в лес, и в сердце
входит осень

И пробуждает в них печаль.

* * *

Открылось мне незримых звезд свечение,
И всплески волн Галактики иной,
И времени особое течение,
И дождь метеоритный, неземной.

Я на Земле — как в сказочном ковчеге:
Один; кругом лишь небо и вода.
Планеты мимо в яростном разбеге
Прносятся в неведомую даль.

Ковчег сквозь рой созвездий пролетает,
Ковчег плывет по огненной реке...
Рассказы Грина дочка вслух читает
И засыпает с томиком в руке.

Летнее

Ласточки, как звезды,
Падают с небес.

Старый коршун грозно
Взмыл наперерез.

Ласточки бесстрашно
Вновь взлетают вверх.
И над старой башней
Слышен птичий смех.

Слышен гром далекий.
В небе схватка туч.
Птиц полет высокий
В край, где солнца луч.

Улетел ворчливый
Старый коршун в лес.
Льется птиц счастливых
Смех из-под небес.

В деревне Вязовая

Дождь землю поливает
Ну просто из ведра...
В деревне Вязовая
Осталось два двора.

Стоят домишки боком
На разные углы,
У тополей высоких
Потрескались стволы.

Береза у забора,
Состарившийся дом...
Но, в общем, разговоры,
Конечно, не о том.

Живут в деревне этой
Старуха и старик,
И ни зимой, ни летом
Не встретишь вместе их.

Рассыпал гром раскаты
Над крышами дворов.
Старик, хоть глуховатый,
Но все еще здоров.

Он мне открыл зашелку:
Входи, мол, будешь гость.
Снять сапоги недолго
И кинуть плащ на гвоздь.

Дет у печи хлопочет,
Рябиновку несет...
Спросил я между прочим:
«В соседях кто живет?»

Спросил, да не заметил:
Старик, как бы со сна,
Рассеян стал, ответил:
«Да так себе, одна...».

Дождь колотил в ворота
Час от часу сильней.
Я женщину на фото
Увидел на стене:

Под свадебной фатою
Веселые глаза...
А в поле за рекою
Все плакала гроза.

Я был почти уверен,
Спросил: «Дедусь, жена?»
Но дед — в своей манере:
«Нет, так себе, одна».

Сквозь ливни грозовые
Иной я вижу новь.
Пока сердца живые,
В них будет жить любовь.

Дождь землю поливает.
Ну просто из ведра.
В деревне Вязовая
Осталось два двора.

* * *

Звени, звени сильнее, капель,
И радуй, радуй старый тополь!
В волшебных сапогах апрель
По речкам весело протопал.

Уже с разбуженных полей
Взлетают запахи парные,
И вновь на ветках тополей
Щуры резвятся озорные.

Нетерпеливая весна
Распахивает далее просинь.
В ручье корабль несет волна
И на простор реки выносит.

Живут в дереве этой
Старуха и старик,
И им зимой и летом
Не достает вместе их.

Расцвела трава раскаты
Над холмами джунглей
Степь, жила, джунглей,
Их нет под травою.

Он был ослепшим мальчиком —
Взросл, стал, буднично посты,
Словно сапоги ослеплого
И шнурки стали на травах.

Два в тени зашуршат,
Роботавку шурт
Сарыжа и манжу про-
ИВ палец был манжу

Сарыжа, на ее шнурках,
Стежок, манжу на травах,
Раскаты под травами,
Аде тун саба, манжу

Приданое

Ах, отвалы мои

колчеданные,

Старый милый

шахтерский копер!

Дочке город

оставлю в приданое

и

бескрайний уральский простор.

Не дарить мне

машины и дачи:

За всю жизнь — и рубля не сберег.

Подарю я ей

ветер удачи

И упрямство

для дальних дорог,

И костры, что веселыми искрами

Озаряют росистую рань...

Будут песни будить,

словно выстрелы,

В заколдованном сне

глухомань.

Ах, отвалы мои

колчеданные,

Старый друг мой — шахтерский

копер!

Есть ли в мире

дороже

приданое,

Чем наследство

разбуженных гор.

Котенок

Аэропорт встречал
И мерзнувшим котенком
огнями синими
у дверей.

Глаза котенка словно
бы просили:
Куда же вы? Я мерзну без людей.

Шли люди с сумками,
По лестницам сновали
баулами,
вверх и вниз.

Вдруг маленькая
девочка метнулась
И ласково сказала:
«Кис, кис, кис».

Шли люди мимо
к гнушемуся трапу,
Раскинув крылья,
замер самолет.
Котенку девочка
дыханьем греет лапу
И на руки заботливо
берет.

Сквозь облака давно
не видно леса,
Копьем сверкнула,
падая, звезда.
В салон с подносом
входит стюардесса
И раздает напитки
по рядам.

Косички тонкие
торчали одиноко,
Топорщились усенки
у кота,
Заснул салон под
мерный-мерный рокот.
Баюкала летевших
высота.

Лишь девочка тихонько
что-то пела,
А кот от ласки и тепла
раскис.
Нет, не котенка,
а планету
грело
Дыханье девочки,
шептавшей: «Кис, кис, кис».

Мы солдаты твои, Россия

Ветер листья крутил
И, сердитый, бросал
В облака над копром
Кучеватые.
Отступали от шахты
В тот вечер леса,
Как солдаты,
Невиноватые.

Лесовозы на фронт
В сорок первом ушли.
Мамки крепь на плечах
Носили.
Ах, какие же сосны
За шахтой росли!
Отступили.

Отступили, не сдавшись,
В забое легли,
А под Курском снарядом
Рванули.
Ах, какие же сосны
За шахтой росли!
Как солдаты, шагнули
Под пули.

1945 год

В районе старого вокзала,
Когда черемуха цвела,
Она с солдатом танцевала,
Да не кружилась, а плыла.

А на копре звезда горела:
Шахтеры выполнили план.
Она смеялась, громко пела,
Не замечая мужних ран.

Все разошлись. Они остались.
Друг друга видят без огня.
Два рукава пустых болтались,
А ей казалось: он обнял...

Осенние

Прошла пора, когда гроза
Играла в огненные стрелы.
Стеклянным утром стрекоза
Последней, видимо, взлетела.
Да над засохшей лебедой
Какой-то жук еще трудился.
В саду подсолнух молодой
Так запаздало золотился.
Светило солнце, но лучом
Оно поля уже не грело.
А стрекоза осенним днем
К нему летела и летела.
Лишь незадолго до темна
В цветок уткнула носик жала
И на подсолнухе она,
Расправив крылья, остывала.
Мне не забыть ее глаза
И их блестящего овала.
Казалось:
 солнце целовала,
Прощаясь
 с летом,
 стрекоза.

* * *

Заблудилась песня в перелеске,
Отдохнуть присела возле пня,
И березка в золотых подвесках
Что-то шепчет ей, листву склоня.

Пчелы песне мед душистый носят,
Гостье муравьи венки плели.
И, забыв, что наступила осень,
Над полянкой кружат журавли.

Тишина. Лишь ветка где-то треснет,
Рядом — поле, спелое жнивье...
На траву легла, как в зыбку, песня,
И ветра баюкают ее.

У поселка Крюково

Мне бы кедр наш
уральский
обнять,

Опьянев от духмяной
хвой.

...Бушевали лавины
огня,

Когда шли в Подмоскowie,
бои...

И с березкой пойти
танцевать

На нарядном уральском лугу.

...В сорока километрах
Москва,

Но пройти их не дали
врагу...

Мне бы с эхом в уральских
горах

Коротать эти летние дни.

...Гордо память о павших
орлах

Обелиск краснoзвездный
хранит...

В это утро я снова
иду

По тропинке к
гранитной стене,

И о жизни беседу веду

С ним, погибшим
тогда
на войне.

СОДЕРЖАНИЕ

Путь, длиной в 30 лет (3)

ЮНОСТЬ КАЧКАНАРА (33)

(комсомольские тетради)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ (99)

На гору взойди сам

Огонь с соломой не дружит

Дорогой мужества

Жизнь — основное поручение

Михаил Владимирович и его манипулятор

Евгений Сергеевич

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ (117)

Федор Селянин

СЕРДЦЕ НА СКАЛЕ

Очерки и стихи

Редактор *С. Ф. Мешавкин*

Художник *Ю. П. Ужегов*

Технический редактор *Л. С. Будрина*

Корректор *О. В. Нагибина*

Сдано в набор 6.08.93. Подписано в печать 13.09.93.
Формат 84×108/32. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Тираж 5000 экз.
Цена договорная. Заказ 3062.

Журнал «Уральский следопыт»
Екатеринбург, 620219, ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Верхнепышминская типография
Управления печати и массовой информации
624080 г. В. Пышма, ул. Кривоусова, 11.

2-00

